

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**ИЗ ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ПОЛЬСКОГО НАРОДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

42

ИЗ ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ПОЛЬСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Редакционная коллегия:

В. Д. КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, А. И. ВИНОГРАДОВА, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА

Т. К. Крылова

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС, ЕГО МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ
В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1710—1713 гг.

Сложные международные отношения в Восточной Европе 1710—1713 гг. не раз привлекали внимание историков различных стран в течение последних десятилетий нашего времени¹. Главными контрагентами в дипломатических перипетиях этого периода были Россия и Турция, но большое влияние на развитие событий имели также Швеция и Польша. Исследователи нашего времени главное внимание обращали на шведский вопрос; влияние шведской внешней политики при этом скорее преувеличивалось.

Еще С. М. Соловьев обратил внимание на большое значение польского вопроса в истории русско-турецких отношений XVIII в., но детальному изучению он до сих пор не подвергался. В своей недавно вышедшей работе О. Гайнтц отметил роль польского вопроса, но подчеркнул при этом лишь разногласия между Россией и Польшей. В противовес тенденциозным высказываниям О. Гайнтца в настоящей статье излагается конкретный дипломатический материал, характеризующий общие, хотя и не всегда успешные усилия русских и польских дипломатов, направленные на сохранение мира

* * *

Решение направить посла Речи Посполитой в Турцию было принято Варшавской вальной радой весной 1710 г.² Но прежде чем польский посол воевода мазовецкий Ст. Хоментовский приехал в Константинополь, прошло более двух лет. В течение этого времени Хоментовский играл заметную роль в русско-польско-турецких отношениях. Он участвовал в переговорах Ярославской рады с русским послом Г. Ф. Долгоруким в июне 1711 г.³ и был назначен командующим вспомогательным корпусом, который должен был взаимодействовать с русской армией, уже вступавшей в пределы Молдавии.

¹ A. Stille. Karl XII och Porta. «Karl XII till 200 årsdagen av hans död», utg. av sam. Bring. Stkholm, 1918; J. F e l d m a n. Polska a sprawa wschodnia (1709—1714). Kraków, 1926; J. R o s e n. Den svenska utrikes politikens historia, v. II. Stkholm, 1952; E. T e n g b e r g. Från Poltava till Bender. «En studie i Karl XII: s turkiska politik 1709—1713». Lund, 1953; O. H a i n t z. König Karl XII von Schweden, Bd. 1—3. Berlin, 1958 и др.

² Центральный государственный архив древних актов СССР (далее — ЦГАДА), Польские дела, 1710 г., д. 8, лл. 25—26. Г. Ф. Долгорукий сообщал, что вопреки стараниям английского и голландского послов рада окончилась благополучно. Он считал, что послом в Турцию следовало отправить Рыбинского.

³ Там же, 1711 г., д. 18, лл. 150—153.

Дошедшее до нас письмо гетмана А. Сенявского поднимает завесу над стратегическими планами русского правительства. Азовский флот должен был выйти в море, а нерегулярные войска, состоявшие из черкесов, казаков и калмыков, вторгнуться в Крым. Со своей стороны, поляки обещали направить десятитысячное войско под командой Хоментовского на помощь русской армии, уже рассеявшей передовые татарские отряды на Днестре и овладевшей пограничной крепостью Сорока⁴. Из письма видно, что А. Сенявский рассчитывал на счастливый исход русско-турецкого конфликта. Потому и впоследствии первые полученные известия о заключении Прутского мира были истолкованы как доказательство русской победы. Так они были восприняты не только в окружении А. Сенявского, но и в Берлине и в ставке Августа II, продвигавшегося с русско-саксонским войском к р. Одеру⁵.

Однако этот оптимизм имел и свою оборотную сторону: никто не спешил прийти русским на помощь. Когда А. И. Дашков в июле 1711 г. вернулся из своей неудачной поездки в Берлин, куда он ездил с целью превратить Мариенвердерский договор 1709 г. в более прочное соглашение⁶, то он застал Хоментовского еще в Дикове⁷. Кроме того, перед своим отъездом к войску, стоявшему на границе, Хоментовский предупредил А. И. Дашкова, что он за Днестр не пойдет, а будет ожидать от царя присылки комиссара для разрешения вопросов, поднятых еще раз во время последней встречи польских представителей с Г. Ф. Долгоруким в Ярославле⁸. Это были все те же «вечные» вопросы в истории русско-польских отношений того времени, а именно: о передаче Польше Лифляндии и украинских крепостей Белой Церкви, Фастова, Немирова, занятых еще Палеем в 1702 г., и о выводе русских войск из Польши. Хоментовский занял выжидательную позицию; он занимался дипломатической перепиской, пока на Пруте не произошла трагическая развязка⁹. Его поведение отчасти объясняется и непопулярностью молдавских походов в Польшу, где еще была свежа память о двойной неудаче Яна III Собесского, знаменитого победителя турок.

Недостаточно эффективной оказалась и деятельность польского войска, предназначенного для похода в Померанию. В середине июля это войско переправилось через р. Вислу по специально выстроенному мосту под Завихостым и направилось к Радому¹⁰. А. Сенявский предполагал расположить войско у Ленчица и там ожидать дальнейших действий Августа II. В окружении гетмана опасались, что морские державы и император воспрепятствуют вступлению северных союзников в Померанию. В конце июля были получены неприятные известия из Молдавии о голоде, болезнях и дезертирстве в русской армии. Говорили также о том, что коммуникации русских с Польшей нарушены действиями отряда Ю. Потockого¹¹.

В конце июля гетман был вызван к Августу II в связи с полученными известиями от датского короля Фредерика IV, сообщившего о своем приближении к Померании со стороны Висмара. По первоначальным планам польское войско в дальнейшем должно было соединиться с русско-саксонскими силами и вместе с ними вступить в Померанию¹². Однако затем намерения союзников изменились, и по приказу Августа II польское войско расположилось на территории от Велиня до Торуни для за-

⁴ ЦГАДА, Польские дела, 1711 г., д. 19, лл. 40—41.

⁵ Там же, д. 22, л. 18.

⁶ Там же, лл. 1—4.

⁷ Имение А. Сенявского, расположенное в пяти милях от Ярославля.

⁸ ЦГАДА, Польские дела, 1711 г., д. 22, лл. 5—6.

⁹ Там же, д. 9, лл. 1, 5—7.

¹⁰ Там же, д. 22, л. 11.

¹¹ Там же, л. 15.

¹² Там же, л. 17.

щиты от предполагаемого вторжения шведов из Померании¹³, действительно намечавшегося Карлом XII. Кроме того, была еще одна причина, побуждавшая союзников сначала медлить с продвижением польского войска к Померании, а затем и вовсе отказаться от его участия в Померанском походе: внутри Польши активизировались прошведски настроенные магнаты, отстраненные от руководства политической жизнью. Как только А. Сенявский двинулся с войском к померанской границе, бобруйский староста Сапега с небольшим отрядом направился в Литву, где число его сторонников стало довольно быстро увеличиваться. Сообщали, что он сосредоточил свои силы (около полутора тысяч человек) между Вармией и Западной Пруссией, рассчитывая на поддержку семьи Крисцинов. Поэтому сторонники Августа II опасались, что в случае удаления польского войска за границу Сапега вернется в Польшу и взбунтует воеводства¹⁴.

Таким образом, лето 1711 г. было переломным в международных отношениях в Восточной Европе; но Речь Посполитая проявляла пассивность. Нельзя сказать, чтобы польским руководителям не хватало широты политического кругозора или осведомленности, но у них не было достаточно гибкости и умения пойти на практический компромисс.

Ранней осенью А. Сенявский с войском пошел на Вольнь, чтобы следить за проездом Карла XII¹⁵, которому по условиям Прутского договора русское правительство обязывалось обеспечить безопасность на пути из Турции в Швецию. Находившийся при гетмане русский посланник А. И. Дашков получил от канцлера Г. И. Головкина указание следовать туда же.

После заключения Прутского мирного договора в июле 1711 г. естественно было ожидать вторжения татаро-турецкого войска за Днестр. Поэтому поляки просили Петра I, направлявшегося из Молдавии через Польшу в Дрезден, чтобы русская армия, отходившая к своим границам под начальством фельдмаршала Б. П. Шереметева, задержалась на Правобережной Украине.

Тем временем визирь Мехмет-паша, прилагавший все усилия, чтобы ускорить отъезд шведского короля и тем упрочить заключенный мир и свое собственное положение, начал переговоры с Речью Посполитой, испрашивая ее согласия пропустить Карла XII через свою территорию¹⁶. Несмотря на все старания П. П. Шафирова¹⁷, турки отказались обратиться к Августу II, заявив, что после Альтраншtedтского договора 1706 г. они не признают королем ни Станислава Лещинского, ни Августа II¹⁸. Поэтому утверждение О. Гайнтца¹⁹, что Порта безусловно признавала королевское достоинство С. Лещинского, следует считать ошибочным.

Переговоры происходили в пограничной местности на Днестре. С польской стороны в них участвовали в звании комиссаров «наияснейшей Речи Посполитой» великий литовский гетман Потей, воевода подольский Гумецкий и воевода мазовецкий Хоментовский. Много времени было потрачено на споры об этикете. 28 августа (8 сентября) состоялась конференция, на которой польские представители наотрез отказались дать разрешение на свободный проезд Карлу XII, который, по их словам, в течение десяти лет разорял Польское государство²⁰.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, 1711 г., д. 22, лл. 12, 17, 18.

¹⁵ Там же, д. 21, л. 2.

¹⁶ ЦГАДА, Турецкие дела, 1711 г., д. 11, л. 99.

¹⁷ П. П. Шафиров — русский вице-канцлер, заключивший Прутский договор (июль 1711 г.) и оставшийся вместе с М. Б. Шереметевым, старшим сыном фельдмаршала, в турецком лагере до выполнения условий русской стороной.

¹⁸ ЦГАДА, Турецкие дела, 1711 г., д. 11, л. 107.

¹⁹ О. H a i n t z. Указ. соч., стр. 22, 50, 120.

²⁰ ЦГАДА, Турецкие дела, 1711 г., д. 12, лл. 26—27.

В переданных турецкому и татарскому послам письмах от имени Речи Посполитой поднимались три вопроса: о соблюдении Карловицких договоров 1699 г., о признании ортой королем Августа II и о немедленной отправке Карла XII из Турции, но не через Польшу.

После отъезда послов Потей известил Шереметева об этих переговорах и сообщил, что по одним слухам Карл XII поедет через Венгрию, а по другим — намерен переправиться через Днестр у Рашкова. Польские комиссары просили русского фельдмаршала взять на себя охрану этой переправы, а также обеспечить безопасность Браслава и других мест²¹.

Со своей стороны, П. П. Шафиров действительно советовал визирю отправить шведского короля через Венгрию и империю. Он опасался, что в случае его проезда через Польшу с турецким войском поляки и саксонцы, число которых равнялось примерно 50 тысячам, нападут на них²². Своему правительству вице-канцлер советовал пропустить Карла XII беспрепятственно. Вопрос о выезде шведского короля из Турции обсуждался на конференции 24 июля (4 августа) 1711 г., где с турецкой стороны присутствовали Янако Маврокордато, первый драгоман Порты, и Омер-эфенди, секретарь визиря. Турецкие представители рассказали Шафирову и Шереметеву о недавно происходивших у них переговорах с Понятовским по этому же вопросу. После долгих споров последний заявил, что Карл XII согласился ехать только через Польшу. Визирь обещал дать ему конвой из турецких войск и татарского отряда. Сделанное Понятовским заявление возбуждало подозрение русских представителей, что Карл XII дал свое согласие только с целью поднять новое возмущение в Польше. Если ему позволят взять с собой пять тысяч татар, то ханему и 20 тысяч даст, — заявили они, настаивая на том, чтобы конвой состоял из одних турок²³. В ответ на это Омер-эфенди заверил Шафирова, что для конвой будут назначены войска невысокой боеспособности, а татар пошлют только пять тысяч, и то набранных из «пахатных мужиков»²⁴.

Недавняя арена Палеевского восстания — Поднестровье — представляла в те времена клубок сложных международных противоречий, в которых заметную роль играл крымский хан Девлет-Гирей, противник визиря Мехмета-паши. Он едва ли не первый поставил в известность поляков об истинном значении прутских событий своим письмом к подольскому воеводе, в котором старался разжечь русско-польские противоречия. Письмо начиналось со ссылки на преобладание Петра I в Речи Посполитой, на тяжесть вводимых по его настоянию военных налогов и на обиды, которые терпит население от его войска. Далее описывались прутские события и сообщались касающиеся Польши пункты мирного договора. Письмо заканчивалось просьбой содействовать их выполнению.

Заодно с крымским ханом действовал бендерский паша, неприязненно относившийся к визирю Мехмету-паше²⁵. В августе 1711 г. Измаил-паша прислал коменданту Каменца письмо, начинавшееся следующим обращением: «Объявляю, что Порта Оттоманская с Речью Посполитою Польскою пребывает в великой приязни и соседстве и короля Станислава за короля Речи Посполитой почитает». Далее сообщалось, что по условиям недавно заключенного русско-турецкого договора русские войска должны выступить из Польши. Паша явно стремился изобразить себя сторонником установления добрососедских отношений и предлагал, «чтоб купцы и почты с письмами приезжали и отъезжали свободно»²⁶. В ответе Рапе подчеркнул, что он является комендантом «с воли и указа Августа». Он

²¹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1711 г., д. 12, лл. 35—36.

²² Там же, д. 11, лл. 69—70.

²³ Там же, лл. 94—97.

²⁴ Там же, л. 99.

²⁵ Там же, д. 11, лл. 72, 103; д. 12, лл. 3, 6—7.

²⁶ Там же, л. 23.

вскрыл также истинную подоплеку предложений паши, заявив в ответе, что купцы будут пропускаться свободно, если только они не будут заниматься работорговлей: «ежели людей королевского величества и Речи Посполитой под свою опеку с собой увозити не будут»²⁷.

По сведениям, собранным Б. П. Шереметевым, в Бендерах одно время готовились к отъезду через Темашвар и Венгрию. С этой целью в Молдавии и Валахии было собрано около 300 подвод для шведского обоза. В начале сентября Шафиров отправил в Бендеры И. Небогатого в качестве русского представителя при турецком начальнике конвоя Хасап-паше. В том случае, если бы Карл XII поехал через Польшу, И. Небогатый должен был следить, чтобы он не задерживался в дороге и «не чинил факций». Шведов в бендерском лагере в это время было около 600 человек, поляков — около двух тысяч. Среди запорожцев, «которым король в службе отказал», усиливалось брожение и тяга к возвращению на Украину. Число желавших вернуться исчисляли в три тысячи человек²⁸. С другой стороны, активизировалась и группировка среди казачьей старшины во главе с Орликом, сблизившаяся с крымским ханом, который заявил, что он принимает запорожцев в свое подданство. В сентябре 1711 г. ханские курьеры доставили brasлавскому полковнику Иваненко «ханский лист» (послание) и письмо от изменника Петрика Иванова. Содержание «листа» было рассчитано на то, чтобы возбудить недовольство у пограничного населения сбором провианта для русского войска, остановившегося у Полонного. Закачивался «лист» провокационным вопросом: кого вы держите — Москвы или казаков? Командиры стоявших в Браславе русских войск Болтин и Иваненко переслали эти документы фельдмаршалу Б. П. Шереметеву²⁹. Несколько позже Орлик и хан получили от Порты право рассылать «листы» в «обе Украины», что было признаком того, что в константинопольских правительственных кругах снова восторжествовала «военная партия»³⁰.

Отступившая от Прута русская южная армия расположилась на Воляни («линией к Киеву») со штабом в Полонном. Материальное состояние армии было тяжелым; на большое дезертирство и высокую смертность фельдмаршал сам жаловался в письме к Г. И. Головкину в августе 1711 г. Первое время армия снабжалась продовольствием за счет местных ресурсов, но, однако, оказались недостаточными, как это и предвидел Б. П. Шереметев, прибегший к выдаче генералу Ренну и другим военачальникам денежных сумм для закупки продовольствия. Искусно маневрируя, Б. П. Шереметев сохранил дружественные отношения с поляками и в изменившихся условиях, после того как стало известно, что Карл XII отрез отказался ехать в сопровождении небольшого конвоя, а также были получены известия о роспуске значительной части турецкой армии, находившейся в Молдавии, и отходе ее остальной части к Дунаю³¹.

Еще в середине сентября из Польши к Киеву двинулись дивизии генералов Репнина и Януса, а также войсковое соединение во главе со знаменитым русским военачальником, будущим фельдмаршалом М. М. Голицыным, состоявшее из трех полков — Семеновского, Ингерманландского и Астраханского. Преображенский полк еще раньше, вслед за Петром I, ушел на север, в Западную Пруссию, где он и перезимовал. Ровно через месяц, по совету генерала Вейде, было решено отправить в русские пределы пехотные дивизии Вейде и Аларта, а также артиллерию. К этому Шереметева побуждало также и приближение зимнего времени; в письме

²⁷ Там же, лл. 23—24.

²⁸ Там же, д. 12, лл. 53—55, 57, 64, 77, 129—133.

²⁹ Там же, лл. 48, 51—52.

³⁰ Там же, лл. 59, 65.

³¹ ЦГАДА, Польские дела, 1711 г., д. 18, лл. 99 и сл.

к Головкину от 15(26) октября 1711 г. он жаловался, что солдаты «обносились мундиром, шуб и обуви не имеют». Не прошло и недели, как под влиянием новых писем отчаявшегося в сохранении мира Шафирово фельдмаршал принял решение вывести все войска из Польши и поставить кавалерию вдоль Днепра, закрывая украинские города до Чугуева, а пехоту расположить около Севска³². Передислокация была произведена под ответственность фельдмаршала, которому Петр I предоставил широкую самостоятельность, приказав действовать, как тогда говорили, «в соответствии с конъюнктурами», т. е. в зависимости от сведений, получаемых от Шафирово, и требований, предъявляемых Сенявским.

2(13) ноября 1711 г. во Львове у фельдмаршала Б. П. Шереметева состоялся торжественный прием, на котором присутствовали великие гетманы коронный и литовский, сенаторы и послы Речи Посполитой. Они дали фельдмаршалу объяснение по поводу своих требований о выводе русских войск из Польши. По их словам, часть шляхты (прошведски настроенная) жаловалась на разорение страны военным постоем и своей агитацией могла подать повод Порте для нарушения мира. Наряду с этим они говорили о своих больших опасениях в отношении Крыма, откуда ожидали нового большого набега. Б. П. Шереметев ответил, что русская армия уже двинулась к своим границам. В свою очередь он спросил своих собеседников о способах, которыми они предполагают обеспечить безопасность своей страны. Польские представители обещали своими силами обеспечить охрану всех переправ от венгерской границы до Браслава и Конецполя и поддерживать коммуникации с русскими войсками. Обе стороны условились издать универсалы, — один от имени Речи Посполитой, а другой за подписью Шереметева о выводе русских войск из пределов Польши³³. Наряду с этим в частных беседах с Б. П. Шереметевым и А. И. Дашковым гетман А. Сенявский просил оставить несколько полков в Польше для сдерживания недовольной шляхты и помощи в случае татарского набега. Поэтому те несколько конных полков, подчиненных Ренну, которые прежде были расположены около Немирова для конвоирования Карла XII, Б. П. Шереметев решил перевести, расположив их от Белой Церкви до Умани. Что касается самой Белой Церкви и других украинских крепостей, то Петр I, прежде предполагавший удержать их за собой до проезда Карла XII, теперь отказался от этого намерения и дал указание Шереметеву немедленно передать их Речи Посполитой³⁴.

Таким образом, к ноябрю была выполнена первая половина программы, которую выдвинул А. Сенявский в письме к Августу II в сентябре 1711 г. Гетман настаивал на выводе русских войск из Польши, южной армии на Украину, а пехоты генерала Боура в Померанию³⁵. Войска последнего были предназначены для больших военных действий северных союзников, которые предполагалось развернуть в Померании весной 1712 г. с целью принудить Карла XII к заключению Северного мира на приемлемых условиях. Они были поставлены на зимние квартиры от Эльбинга до Торуня, в Польской Пруссии и Вармии, по правой стороне р. Вислы, т. е. там, где в 1703—1704 гг. зимовала армия Карла XII. Такое расположение русской армии помимо указанной цели преследовало также задачу воспрепятствовать высадке шведского десанта около Гданьска, что входило в планы шведского короля. Небезынтересно отметить, что посол Августа II в России настаивал на том, чтобы эти войска были поставлены на зимние квартиры в Мазовецком и Сандомирском воеводствах, но русское правительство отвергло это предложение, так как «неприя-

³² ЦГАДА, Турецкие дела, 1711 г., д. 12, лл. 32, 33, 73—75, 87, 88.

³³ Там же, лл. 116—117; д. 22, лл. 46—52.

³⁴ ЦГАДА, Польские дела, 1711 г., д. 21, лл. 3—4.

³⁵ Там же, д. 18, л. 169; д. 12, лл. 61—62.

тельские партизаны» могли усмотреть в этом нарушение русско-турецкого мирного договора, заключенного на Пруте в июле 1711 г.³⁶

Гибкость и дипломатический такт фельдмаршала Б. П. Шереметева помогли улучшить отношения с влиятельным гетманом А. Сенявским в момент, когда в русско-турецких отношениях наступило резкое ухудшение. Осенью 1712 г. во Львов из Молдавии начали приходить плохие вести. Они несколько предвещали события, подчас искажали их, но в целом правильно отражали тенденцию — дело шло к разрыву³⁷. В декабре А. Сенявский получил письмо от бендерского пашы, который благодарил поляков за невмешательство в русско-турецкую войну 1711 г. и просил, чтобы они так же действовали впредь в случае новой войны. А. Сенявский сообщил об этом письме А. И. Дашкову, обещая сохранить верность союзу с Россией³⁸. Одновременно во Львове были получены известия об отставке визиря Мехмета-пашы, а также янычарского аги Юсуфа-пашы, заключивших Прутский мир. Сведения о последних были достоверными только наполовину. Порта, сменив визиря, назначила на его место Юсуфа-пашу, так как в Константинополе не решились выступить против двух главных военачальников из опасения янычарского восстания. Это обстоятельство помогло П. П. Шафирову, несмотря на объявление Турцией новой войны России в декабре 1712 г., возобновить мирные переговоры и успешно закончить их заключением нового договора от 5(16) апреля 1712 г.

* * *

Вальный сейм 1712 г. был назначен в Варшаве на 25 марта (5 апреля). Подготовка к нему происходила в напряженной международной обстановке. Поляки опасались выступления Турции против них. На посланное в конце 1711 г. извещение об отправлении польского посла к Порте ответа из Константинополя не было, и в получении его сомневались, так как из-за происков Ю. Потоцкого турки уклонялись от признания Августа II польским королем. Соперничество Ю. Потоцкого с А. Сенявским из-за гетманской булавы приносило свои плоды³⁹. По поручению Августа II подольский воевода Гумецкий обратился к Потоцкому в Бендеры с предложением перейти на сторону короля, но тот ответил отказом, ссылаясь на то, что обещанная ему под Калишем амнистия затем была нарушена и он был взят в плен. Он привел также в пример инцидент с кн. М. Вишневецким, тоже оказавшимся под арестом, несмотря на данную ему амнистию⁴⁰.

На скарбове трибунале в Радоме, собравшемся в начале 1712 г., раздались резкие возражения против расквартирования русских войск в Польше и был издан универсал, запрещающий собирать провиант для них⁴¹. Состоявшиеся во всех воеводствах сеймики для выбора послов на вальный сейм тоже протекали очень бурно: повсюду требовали вывода из Польши русских и саксонских войск. Сеймовым послам была дана инструкция не приступать к рассмотрению дел на сейме, пока эта декларация не будет выполнена⁴².

Продолжавшиеся контакты с польским лагерем в Варнице, под Бендерами, приводили к тому, что в пограничных подчиненных А. Сенявскому войсках участилось дезертирство. Например, А. И. Дашков сообщил о переходе одновременно восьми хоругвей «на ту сторону, понеже дают там деньги». Чтобы предотвратить повторение таких случаев, начали раздавать деньги и здесь. По мнению русского дипломата, если бы Ю. Потоцкий

³⁶ Там же, д. 17, л. 82.

³⁷ Там же, д. 22, лл. 37, 38, 60, 61.

³⁸ Там же, лл. 63, 64.

³⁹ Там же, 1712 г., д. 18, лл. 2, 6.

⁴⁰ Там же, л. 11.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² Там же, л. 16.

с татарскими чамбулами двинулся на Польшу, то к нему присоединились бы русский воевода И. Яблоновский и все Потоцкие⁴³. Однако опасение подать России повод для удержания за собой Азова заставило Порту строжайше воспретить крымскому хану организацию набегов в 1712 г.

Август II прибыл на сейм в Варшаву 22 марта (2 апреля). Польские сенаторы к этому сроку уже собрались, но литовцы медлили.

Напряженность международной обстановки была ослаблена полученными из Молдавии вестями о восстановлении русско-турецкого мира⁴⁴, но в Варшаве многие сомневались в достоверности этих известий. Относительно посольства Хоментовского от Порты еще не было получено ответа. Не возвращался и гонец, отправленный гетманом в Константинополь; очевидно, он был задержан. Началась активизация и шведско-польских сторонников Ст. Лещинского. Карл XII отказался принять польское посольство, кн. М. Вишневецкий тоже выступил с манифестом. Еще дальше пошел Ю. Потоцкий: не ограничившись изданием универсала, он направил отряд своих сторонников в Польшу, которые вошли туда, сбив гетманские посты на переправах, и начали сбор контрибуций⁴⁵.

На открывшемся сейме маршалком был выбран Денгоф, но это мало помогало делу: в выдаче универсала о сборе провинта в познанские склады было отказано наотрез. Сеймовые послы угрожали непосланным решением, т. е. созывом всеобщего шляхетского ополчения, если иностранные войска не оставят Польшу⁴⁶. Однако старания оппозиции сорвать сейм не увенчались успехом. Август II действовал с незаурядной энергией и не допустил этого. Сейм был отсрочен до конца года. Русский посол Г. Ф. Долгорукий считал это лучшим исходом и рассчитывал действовать затем в раде сената, собиравшейся после сейма. Он надеялся уговорить поляков устроить свои продовольственные склады в Великопольше⁴⁷. Хотя противники Августа II и злорадствовали по поводу того, что сейм, который был созван для подтверждения его королевского достоинства, не был доведен до конца⁴⁸, однако достаточных оснований для торжества у них не было. Если бы даже сейм был сорван, то и в таком случае у Августа II оставалось юридическое основание для того, чтобы считаться польским королем. Таким основанием было для него наличие Сандомирской конфедерации, неоспоримым образом доказавшей стране пользу своего десятилетнего существования, способствовав удалению шведов из Польши.

9(20) апреля на варшавском сейме были приняты следующие решения: подтвердить признание Августа II и постановление Сандомирской конфедерации, аннулировать Альтранштадтский договор и все акты, связанные с избранием Ст. Лещинского; запретить взимание контрибуций на содержание вспомогательных войск; домогаться передачи Лифляндии, возвращения Эльбинга и вывода русских войск из Курляндии; заключить мир между Польшей и Швецией, но без уступки польской территории; отправить Хоментовского послом в Турцию⁴⁹. Только первое и последнее из этих решений полностью удовлетворяли тем целям, которые ставила русская дипломатия в Польше. Что касается территориальных требований, содержавшихся в третьем из этих решений, то Эльбинг, отвоеван-

⁴³ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 18, лл. 2, 16, 17.

⁴⁴ Там же, л. 24.

⁴⁵ Там же, л. 26.

⁴⁶ Там же, д. 13, л. 18.

⁴⁷ Там же, л. 22.

⁴⁸ Там же, л. 147. В Бендерах воспрянули духом, когда узнали об отсрочке сейма; неудачу приписывали кн. М. Вишневецкому, обманувшему ожидания Августа II и обратившемуся к Карлу XII через посредство ротмистра Стравинского с предложением поддержки.

⁴⁹ Там же, л. 30.

ный русскими у шведов в начале 1710 г., был возвращен осенью 1712 г., а вопрос о Лифляндии стал предметом специальных переговоров несколько позднее. Острый характер приобретал в тот момент вопрос о пребывании русских войск в Польше, тем более, что еще до принятия этих решений сеймом были выданы универсалы, воспрещавшие сбор провианта в Польше для вспомогательных русских войск ⁵⁰.

Но с отправкой Хоментовского продолжали медлить и после принятия этого решения. Только 22 мая (2 июня) в ставке гетмана А. Сенявского, находившегося в это время в лагере под Сольцами, состоялась конференция по этому вопросу. На ней присутствовали все четыре гетмана (оба гетмана коронные и оба литовские, как великие, так и польные), кн. Радзивилл, канцлер литовский, сам Хоментовский и другие сенаторы. Было принято решение, чтобы Хоментовский ехал на молдавскую границу и вступил в переговоры с турками относительно проезда шведского короля на родину через Польшу ⁵¹. Уклончивый характер этого постановления, отсрочившего решение вопроса о проезде Карла XII, объясняется сомнениями и колебаниями, господствовавшими в среде сенаторов в тот момент. Они не без основания опасались, что крымский хан воспользуется этим разрешением для нового опустошительного набега, а вступление Карла XII в Польшу усилит внутренние волнения тем более, что из перехваченных писем шведского короля к Ст. Лещинскому было известно о его стараниях ускорить высадку десанта из Сконе в Польшу ⁵².

В начале июня во Львов приехали турецко-татарские представители — Сулейман-ага, посланный от бендерского паши, и Абдула-мурза от крымского хана, — с объявлением о подтверждении русско-турецкого мира ⁵³. Они заявили о признании Августа II польским королем и о согласии принять посла Хоментовского ⁵⁴. Одновременно они подняли вопрос о разрешении польским правительством шведскому королю в сопровождении четырехтысячного конвоя проехать через польскую территорию с обязательством не делать в Польше никаких «факций».

Переговоры не могли начаться сразу, так как А. Сенявского в это время во Львове не было (он находился в польском военном лагере под Завихостьем). 9(20) июня А. И. Дашков сообщил Г. И. Головкину, что присланный из Турции ага сюда еще не приезжал, а прибыл только ротмистр из Константинополя, отправленный туда в свое время А. Сенявским. Он привез письмо от Шафирова, извещавшего о заключении русско-турецкого мира и о намерении турок отправить Карла XII в путь с конвоем, численно только вдвое превышавшем его свиту, сильно уменьшившуюся по сравнению с предшествующим временем ⁵⁵. Но старания П. П. Шафирова успокоить гетмана, заверив его в том, что из Бендер не грозит никакой серьезной опасности, оказались тщетными, так как в гетманской ставке в этот момент все были обеспокоены слухами о якобы состоявшемся выступлении Карла XII и Ю. Потоцкого с войском из Бендер.

Поэтому, когда турецко-татарские посланные прибыли к А. Сенявскому с письмами от визиря Юсуфа-паши, бендерского паши и крымского хана, то они получили уклончивый ответ. 26 июня (7 июля) на аудиенции гетман заявил им, что Швеция не граничит с Польшей и для проезда шведского короля в его страну необходимо получить еще согласие от Пруссии. В результате этих переговоров было решено отложить разрешение

⁵⁰ Там же, д. 13, л. 23.

⁵¹ Там же, д. 18, лл. 41—42.

⁵² Там же, л. 36 (А. И. Дашков сообщал о посылке Карлом XII польского шляхтича Глембацкого к Ст. Лещинскому в Швецию с целью ускорить высадку десанта из Швеции в Польшу—д. 13, л. 39).

⁵³ Там же, д. 13, л. 53.

⁵⁴ Там же, л. 53.

⁵⁵ Там же, д. 18, л. 46.

вопроса о проезде Карла XII до заключения договора об этом между Хоментовским и Портой. По свидетельству А. И. Дашкова, в окружении гетмана все хотели, чтобы Карл XII проехал в Швецию из Турции дорогой, пролежавшей через какую-либо другую страну, но не через Польшу ⁵⁶. Поэтому русский дипломат недоверчиво относился и к обещаниям А. Сенявского содействовать тому, чтобы с польской стороны было дано согласие пропустить Карла XII через Польшу. Свое недоверчивое отношение А. И. Дашков объяснял тем, что и вся Польша «татар трепещет».

Господствовавшие в ставке А. Сенявского настроения находят объяснение в диверсии Грудзинского и связанных с нею волнениях в Польше. Первый раз Грудзинский появился весной 1712 г.; еще тогда, разоряя имения А. Сенявского, он одновременно обратился к гетману с просьбой об амнистии для всех поляков, находившихся в Бендерах. Амнистия испрашивалась у короля Августа II, но ее должен был подтвердить также и Петр I, союзник Польши ⁵⁷. Хотя, по мнению Г. Ф. Долгорукого, просьба Грудзинского была рассчитана только на то, чтобы притупить бдительность сторонников Августа II, амнистия ему все-таки была послана, правда за подписью не короля, а Долгорукого и Флемминга ⁵⁸. Примерно через месяц Грудзинский снова появился в Польше со значительными силами, ядро которых составлял отряд Ю. Потоцкого. Кроме того, туда вошли казаки и шведы. Ближайшей целью Грудзинского было разорение познанских складов. 11(22) июня он появился в двух милях от Познани. Однако находившаяся там военная охрана, заблаговременно предупрежденная, приготовилась к обороне; около складов и многочисленных военных обозов были сделаны окопы. Летучий отряд Грудзинского представлял серьезную опасность для отдельных русских военных частей, продвигавшихся от Вислы к Одере, в Померанию. Так, при местечке Пыздрах был разбит наголову Киевский полк, не принявший мер предосторожности; полковник Гордон и майор Розен были взяты в плен ⁵⁹.

Появление Грудзинского, естественно, повлекло за собой сильное увеличение «факций» в Польше и Литве, где было много недовольных военным постоем иностранных войск. По выражению Г. Ф. Долгорукого, «лехкомышленные поляки» присоединялись к Грудзинскому целыми хоругвями. Позже число присоединившихся определяли в 15 тысяч человек. Краковское, Серадзкое и Калишское воеводства без вторых и третьих королевских универсалов собирались на посполитое рушение; в Люблинском воеводстве был выбран маршалком активный сторонник Карла XII «воеводич» Тарло. Находившийся в Саксонии Август II прислал запрещенные самовольно созывать сеймики и собираться в ополчения без третьих универсалов. Не рассчитывая справиться с противниками этого акта своими силами, он просил русского главнокомандующего А. Д. Меншикова направить из Померании к Познани несколько полков для предупреждения возмущения в Великопольше ⁶⁰.

Однако А. Сенявскому удалось удержать все малопольские воеводства, кроме Люблинского. Хотя между Люблинским и Сандомирским воеводствами велись переговоры о необходимости выйти на посполитое рушение, и через своих послов они побуждали к тому же другие воеводства, «дабы тем способом с нынешнего ратоватца несчастья»⁶¹, но в конечном итоге сандомиряне отказались выступить, ссылаясь на отсутствие королевских универсалов. Они ограничились отправкой своих послов к краковскому

⁵⁶ ЦГАДА, Польские дела, 1711 г., д. 18, лл. 58, 59.

⁵⁷ Там же, д. 13, л. 40.

⁵⁸ Там же, д. 18, лл. 28, 29; 1710 г., д. 7, лл. 52, 53, 119, 120 (материалы об амнистии Ю. Потоцкому и Санеге).

⁵⁹ Там же, 1712 г., д. 13, лл. 45, 46, 49.

⁶⁰ Там же, лл. 46, 47, 61; д. 18, лл. 48—52.

⁶¹ Там же, д. 13, л. 54; д. 18, л. 46.

каштеляну, как первому сенатору, с просьбой ходатайствовать перед королем о разрешении созвать ополчение. Занимавший же этот пост в то время гетман А. Сенявский медлил, и время было упущено.

Не оправдались и надежды, которые Карл XII и Ю. Потоцкий возлагали на Великопольшу. Правда, из Серадзкого воеводства Грудзинскому прислали было послов, предлагая объединиться с ним против стоявших там русских войск. Но как только войска были выведены, симпатии к Грудзинскому сразу охладели⁶². Наиболее активная роль принадлежала Калишскому и Познанскому воеводствам. Уже были заготовлены универсалы о созыве сеймика этих воеводств 16(27) июня⁶³. Подписавший их великопольский генерал позже объяснял командиру русских войск подполковнику гвардии В. В. Долгорукому, что он сделал это вынужденно. Получив известие о подготовке этого сеймика, В. В. Долгорукий решил действовать энергично, так как под угрозой был поставлен «Познанский магазин», снабжавший русскую армию в Померании. Он предупредил сенаторов, чтобы они не ездили на сеймик, и отдал распоряжение коменданту задерживать приезжающих. Сам же 14(25) июня поспешно выступил против Грудзинского и дважды разбил его при местечках Вресне и Пыздре, несмотря на большое численное превосходство противника. У Калиша отступавших встретил Брюховской, регементарь Сенявского, с четырехтысячным отрядом, направленным гетманом против Грудзинского. Польские хоругви сдались, а запорожских казаков Брюховской отдал распоряжение в плен не брать. Но сам Грудзинский и его ближайшие помощники, после того как их «акция» была ликвидирована, укрылись близ Кракова за силезской границей⁶⁴.

После разгрома отряда Грудзинского В. В. Долгорукий продолжал свой путь в Померанию; 26 июня (7 июля) он выступил из Познани. На следующий день туда же отправилась и дивизия Репнина. Только один пехотный полк этой дивизии был оставлен в Польше в подчинении у генерала Боура, возвращенного в Познань из Померании с двумя тысячами драгун. Это было сделано по просьбе Августа II, опасавшегося возмущения в Великопольше⁶⁵. Несмотря на все настояния Петра I, польский король, ссылаясь на турецкую опасность, упорно уклонялся от осуществления русского предложения ввести часть саксонских войск в Польшу и с их помощью собрать зерно в познанские склады⁶⁶. Избегая осложнений со своими польскими подданными, он и теперь уклонился от ввода в Польшу дополнительных саксонских войск.

Были также приняты меры к тому, чтобы обезвредить Грудзинского и его соучастников, укрывшихся в Силезии. Их пребывание там представляло опасность тем более, что Карл XII, выступивший в защиту прав силезских протестантов в договоре, заключенном с императором Иосифом I в августе 1707 г., пользовался в Силезии известным сочувствием. Туда и был послан отряд в 500 всадников и одновременно сделано представление в Вене австрийскому правительству через русского посла Урбиха. В результате Грудзинскому был отдан приказ немедленно оставить эти места и уехать в Бендеры⁶⁷. Почти одновременно гетман Сенявский сообщил,

⁶² Там же, д. 18, лл. 44, 45.

⁶³ В этой связи интересно отметить мнение К. Яроховского, которому остался неизвестным этот факт, что одной из главных причин неудачи, постигшей Грудзинского, была привычка поляков к легальным формам сопротивления. (К. J a g o s k o w s k i, *Opowiadania i studia historyczne. Poznań, 1863, стр. 371*).

⁶⁴ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 13, л. 128. Ближайшими помощниками Грудзинского, старосты равского, были писарь коронный Потоцкий (брат Ю. Потоцкого), Сапега, староста вельковский (младший брат известного старосты бобруйского и зять генерала великопольского) и литовский полковник Урбанович.

⁶⁵ Там же, л. 62.

⁶⁶ Там же, д. 12, л. 11.

⁶⁷ Там же, д. 13, л. 151.

что отряд Сапеги (старосты бобруйского), насчитывавший около четырех тысяч человек, разбит наголову; сам староста был ранен и спасся с небольшим количеством сторонников ⁶⁸.

Большой знаток польского вопроса Г. Ф. Долгорукий писал Петру I после ликвидации диверсии Грудзинского, что теперь опасность открытого восстания приверженцев Ст. Лещинского миновала, так как «явные бунтовщики» побиты и разогнаны, а присоединившиеся было к ним гетманские хоругви снова вернулись к своим бывшим начальникам. «Токмо, государь, опасно, — писал он далее, — швецкого ко Гданьску или где к Прусам в Польшу транспорту, которого все адгеренты короля швецкого всегда ожидают» ⁶⁹. Наличие этой опасности подтверждалось и только что перехваченными Рыбинским шведскими письмами.

Русский дипломат не сочувствовал намерению Петра I отказаться от своего прежнего требования, выдвинутого еще до восстановления русско-турецкого мира, относительно возвращения Августа II с саксонским войском в Польшу. По его мнению, если бы Август II был не в Саксонии, а в Польше, то «конечно, в поляках таких бунтов и противностей не было» ⁷⁰.

Используя произошедший перелом в настроении поляков, Г. Ф. Долгорукий поспешил заключить (не без труда) договоры о поставке в двух воеводствах, Познанского и Калишского, 15 тысяч четвертей муки в познанские склады ⁷¹. Узнав об этом, Петр I, вызвавший было Г. Ф. Долгорукого в Померанию, где находился и Август II, отменил свое распоряжение и одобрил деятельность посла ⁷². Г. Ф. Долгорукий действительно проявил большую энергию, стремясь смягчить продовольственный кризис, от которого страдала русская армия в Померании. Он рассылал офицеров на сеймики в ближайшие воеводства, снабдив их своими письмами с просьбой о поставке провианта. Его посланцы побывали в воеводствах Брестском, Куявском, Ипсвровцлавском, Мальборском, Серадзком, Плоцком, Познанском, Калишском, а также в землях Велюнской и Добринской. Таким образом, они охватили своей деятельностью не только Великопольшу, но также польские Прусы и Вармию. При этом отказ был получен только от Серадзкого воеводства. Остальные же просили дать некоторую отсрочку и обещали прислать послов для переговоров ⁷³. Успеху этой деятельности безусловно способствовали распространившиеся слухи о том, что генерал Боур, возвращенный в Польшу из Померании в связи с «акцией» Грудзинского, получил от А. Д. Меншикова распоряжение собирать зерно с населения в познанские склады, особенно же у лиц, причастных к этой «акции» ⁷⁴.

* * *

Еще из декабрьских писем А. И. Дашкова в Петербурге узнали о намерении Августа II направить полномочным послом в Турцию С. Хоментовского. Если для Августа это посольство было средством получить признание Порты, то Петр I постарался воспользоваться им для закрепления своей трактовки третьего пункта Прутского договора о невмешательстве русского правительства в польские дела. По его мнению, этот пункт налагал на Россию обязательство не аннексировать польской территории и не вмешиваться в дела внутреннего управления Польши, но он не имел никакого отношения к вопросу о праве русских войск проходить через

⁶⁸ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 13, л. 147.

⁶⁹ Там же, л. 116. (письмо от 24 июня 1711 г. ст.ст.).

⁷⁰ Там же, л. 117.

⁷¹ Там же. Договоры были заключены с генералом великопольским и воеводой познанским. Четверть муки познанской меры — 150 фунтов.

⁷² Там же, д. 12, лл. 18—20.

⁷³ Там же, д. 13, л. 88.

⁷⁴ Там же, л. 63.

польскую территорию на пути в Померанию, что было обусловлено и Ярославским соглашением 1711 г. Такая трактовка третьего пункта была дана в письме канцлера Г. И. Головкина, отправленного С. Хоментовскому в январе 1712 г. Чтобы поощрить польского дипломата и побудить его более ревностно оберегать общие интересы, Петр I тогда же обратился к нему с собственноручным письмом ⁷⁵.

Однако отъезд Хоментовского сильно замедлился. На обращения к нему запросы из русской посольской канцелярии он давал уклончивые ответы. Основных причин задержки было несколько, и прежде всего выжидательная позиция Порты, колебавшейся между Августом II и Ст. Лещинским. Понадобилось четыре раза обращаться с извещением о приезде посла, пока, наконец, в апреле 1712 г., т. е. уже после восстановления русско-турецкого мира, не было дано согласие принять его. Теперь наступила очередь Польши медлить. Это было вызвано отчасти финансовыми затруднениями, так как послов отправляли с большой помпой и в сопровождении многочисленной свиты. Но кроме того сказывалось и нежелание польских государственных деятелей, и прежде всего А. Сенявского, дать разрешение на проезд Карла XII через Польшу, а Порты связывала свое согласие на прием польского посла с необходимостью достичь соглашения по этому вопросу. В начале июня русское правительство обратилось к польскому гетману с просьбой ускорить отъезд Хоментовского в Турцию. В обращении рекомендовалось согласиться на проезд шведского короля через Польшу в сопровождении небольшого конвоя, примерно в восемь тысяч человек, так как его дальнейшее пребывание в турецких владениях грозило новыми осложнениями для России и Польши ⁷⁶.

Месяц спустя, уже по дороге в Померанию, где летом 1712 г. сосредоточивались главные силы русской армии, Г. И. Головкин обратился к А. И. Дашкову с распоряжением поторопить Хоментовского с отъездом ⁷⁷. Но все эти настояния мало помогли делу. В июле Г. Ф. Долгорукий встретил в Торуни С. Хоментовского, который собирал по ассигнациям деньги на посольство; оттуда он отправился дальше до Гданьска ⁷⁸. Осенью в Карловых Варах, где он находился вместе с Петром I, канцлер к своему удивлению узнал, что Хоментовский в сентябре еще находился во Львове и принимал участие в переговорах с присланным от Порты солохором (подконюшим). Таким образом, оправдались опасения П. П. Шафирова, что поляки по обычной своей медлительности затянут переговоры, от которых зависел отъезд Карла XII из Турции ⁷⁹.

Во время своего пребывания за границей Г. И. Головкин, поступая по прямым указаниям Петра I, старался координировать деятельность русской и польской дипломатии по турецкому вопросу. С этой целью он трижды за сравнительно короткий промежуток времени в три-четыре месяца обращался к польскому канцлеру Шембеку и гетману А. Сенявскому за содействием. Каждый раз это делалось по получении сигнала из Константинополя от П. П. Шафирова. Так еще из Грифсвальда, в Померании Г. И. Головкин предупредил А. И. Дашкова (по письму П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева от 3 августа) о посылке султаном солохора в Польшу для проверки правильности полученных известий о пребывании там русских войск ⁸⁰. Этим вопросом Г. И. Головкин подробно занялся осенью 1712 г. в Карловых Варах, уже после того, как последние русские войска были выведены из Польши и Эльбинг был передан Августу II. В письмах

⁷⁵ Там же, д. 7, лл. 1—3, 6, 8, 9; д. 17, л. 2.

⁷⁶ Там же, д. 17, лл. 16—17. Тогда же канцлер обратился с письмом аналогичного содержания к Ст. Хоментовскому (там же, лл. 14—15).

⁷⁷ Там же, л. 18.

⁷⁸ Там же, д. 13, л. 65.

⁷⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1712 г., кн. 7а, лл. 311—315, 332—333.

⁸⁰ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 17, л. 22.

к А. И. Дашкову, А. Сенявскому и Шембеку, предупреждая их о том, что в свите солохора находились два переодетых шведа, Г. И. Головкин заверял, что все русские войска уже оставили польскую территорию⁸¹. А. И. Дашков даже навлек на себя гнев Петра I тем, что отговаривал солохора от поездки внутрь Польши. Царь опасался, что, не убедившись лично, Ахмет-бей может сделать Порте неправильные донесения⁸². В конце октября, получив от А. Сенявского подробные известия о переговорах с солохором, канцлер одобрил заявление гетмана, что Грудзинский был разгромлен польскими войсками⁸³.

Между тем, пребывание солохора во Львове повлекло осложнения в русско-польских отношениях. Поводом послужило заявление Ахмет-бея, сделанное им на конференции, т. е. официально, что Петр I якобы уступил Порте ряд крепостей на Правобережной Украине, прежде взятых Палеем и затем занятых русскими. Неизвестно, чем руководствовался солохор, делая подобное заявление. Когда П. П. Шафиров и представитель Августа II в Турции Гольц узнали об этом, то они обратились с протестом к визирю Юсуфу-паше и рейс-эфенди. Визирь заявил Гольцу, что Порта не могла претендовать получить эти крепости от царя, а царь не мог их уступить, потому что они ему не принадлежали. Рейс-эфенди в разговоре с секретарем русского посольства поставил под сомнение истинность сообщения, заявив, что все это «польская выдумка», так как солохор точно знал, что в договоре об этом ничего нет⁸⁴.

По поводу сделанного солохором заявления о якобы состоявшейся уступке Россией части Правобережной Украины Порте к Г. И. Головкину обратились с запросами польский канцлер Шембек и А. Сенявский. Г. И. Головкин заверил их в несостоятельности подобных утверждений, сославшись на то, что отобранные у Палея города были возвращены Речи Посполитой после заключения мира с Турцией, и подчеркнув возвращение Эльбинга. Но эти доводы, очевидно, не убедили А. Сенявского, так как он снова обратился к Г. И. Головкину на этот раз с неофициальной запиской («щыдулой»). Гетман был раздосадован тем, что в Эльбинг был введен саксонский гарнизон. Указывая на это Г. И. Головкину, он добавил, что крепость была отдана по настоянию турок. Отвечая ему тоже «щыдулой», русский канцлер пояснил, что военные соображения препятствовали отдаче Эльбинга раньше, так как по некоторым предположениям шведский десант должен был высадиться не в Померании, а в Гданьске. Что же касается уступки части Украины Турции, то никаких обещаний по этому поводу не было дано⁸⁵.

Таким образом, точка зрения Ю. Фелдмана, полагавшего, что П. П. Шафиров во время переговоров с турками в 1711—1712 гг. дал согласие на уступку им Правобережной Украины⁸⁶, оказывается ошибочной.

В третий раз Г. И. Головкину пришлось обращаться к Шембеку по вопросу, имевшему непосредственное отношение к Северной войне и поэтому сильно волновавшему Петра I, — о праве русских войск на пути из Померании в Россию пройти через Польшу. Сообщая о новом требовании Порты, запрещающей это, очевидно «по наущению шведских и прочих адгерентов», Г. И. Головкин просил послать распоряжение С. Хоментовскому в Константинополь, чтобы он выступил с протестом. Здесь же указывалось, что целью этого нового демарша со стороны Порты было нарушение мира⁸⁷.

⁸¹ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 17 лл. 26—29.

⁸² Там же, л. 30.

⁸³ Там же, лл. 34, 35.

⁸⁴ ЦГАДА, Турецкие дела, 1712 г., д. 6, лл. 985, 993—994.

⁸⁵ Там же, д. 17, лл. 43, 44.

⁸⁶ J. F e l d m a n. Указ. соч., стр. 92, 141.

⁸⁷ ЦГАДА, Польские дела, 1712 г., д. 17, лл. 37—39. Текст этого письма был заслушан Петром I.

Когда С. Хоментовский осенью 1712 г., наконец, прибыл на молдавскую границу, то русско-турецкие взаимоотношения находились накануне нового разрыва. Камнем преткновения на этот раз явился вопрос о пребывании русских войск в Польше. С. Хоментовский уже не попал в Константинополь, а был привезен в Адрианополь, куда приехал и посланник Августа II генерал Гольц, находившийся в Константинополе. Посольство Хоментовского оказалось очень долгим; только весной 1714 г. ему удалось подтвердить Карловицкий договор 1699 г. с Портой. В течение этого времени польские представители поддерживали дружественные отношения с русскими послами П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым, заключившими в июне 1713 г. в третий раз за два года мирный договор с Портой, оказавшийся, наконец, прочным.

Польские послы немало способствовали возобновлению русско-турецких переговоров, приведших к заключению этого договора, — факт, оставшийся неотмеченным в исторической литературе.

Таким образом, учитывая сказанное, можно прийти к заключению, что фельдмаршал Б. П. Шереметев своевременным выводом войск, а Г. И. Головкин и П. П. Шафиров умело осуществленными дипломатическими контактами содействовали сохранению мира в Восточной Европе и укреплению в Польше положения Августа II, русского союзника.

Л. И. Танаева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ КОНЦА XVIII в.

Тема национально-освободительного движения — одна из наиболее характерных и традиционных тем польского искусства нового времени. Ее глубокое проникновение во все области не только изобразительного искусства, но и всей духовной культуры страны предопределено самим историческим развитием Польши, потерявшей в конце XVIII в. независимость и более столетия стремившейся вернуть ее. Идея национальной независимости и готовность к борьбе во имя ее, то романтически пылкая, то трезво целеустремленная, но всегда требующая полной самоотдачи, отразилась на формировании характера многих поколений в этой стране. Эта идея питала творчество многих великих деятелей польского искусства — Шопена, Матейко, Мицкевича...

Борьба за национальное освобождение — один из наиболее чистых и сильных родников, питавших польское искусство на протяжении многих десятилетий. Эта борьба возводила в ранг обязательных черт национального характера глубочайшую патриотичность, отважное самопожертвование, принципиальное неприятие насилия. Тем более интересно проследить истоки этих родников, проследить становление темы освободительного движения в польском искусстве.

Известны периоды в истории Польши, когда искусство и литература оказывались почти единственной областью общественной жизни, где в своеобразной, иногда зашифрованной форме, но неизменно провозглашались общенациональные идеалы. Именно в искусстве с особой наглядностью выступала идея внутреннего единства трех частей Польши, их верности национальному объединению. Литература, живопись, музыка воплощали освободительные идеи в национальной, своеобразной форме, которая начала отливаться в первой половине XIX в. (достаточно вспомнить Шопена, Мицкевича, Словацкого или Михаловского).

Не случайно польские исследователи проводят прямую линию преемственности от Я. П. Норблена и его учеников, в первую очередь А. Орловского, к П. Михаловскому, яркое творчество которого подвело итог десятилетиям исканий.

Говоря о теме национально-освободительного движения, мы в данном случае имеем в виду лишь один из ее аспектов — непосредственное отображение происходящих событий. Существует множество других аспектов: назовем исторический портрет, аллегорическую, символическую картину, наконец, и историческую картину, проникнутую идеями освободительного движения. Но тема прямого отражения восстания, борьбы была наиболее характерна для XVIII в., когда она и зародилась, и, что хотелось бы и особо подчеркнуть, она была одновременно первым развернутым отобра-

жением действительности в польском искусстве, первым последовательным обращением к реальной, повседневной жизни как важнейшему объекту искусства.

Если во Франции, например, жанровая живопись в это время уже вполне определилась и имела своих приверженцев, пропагандистов и художников, работавших исключительно в этой области, то в Польше не было ничего подобного. Незрелость буржуазных отношений объясняет в данном случае отсутствие развитой идеологии третьего сословия с его идеалами, моралью и эстетическими запросами. Не случайно в польской литературе этого времени так и не получили распространения жанры повести, бытового романа.

Настоящий поворот в искусстве к темам действительности, к прямому их отображению готовился в 80-х и произошел в 90-х годах. Повседневность вошла в творчество всех ведущих художников (не приезжих, а своих польских мастеров, таких, как Смуглевич, Плоньский, Орловский, Войняковский). Действительностью же, которую все они стремились отразить, были бурные события, предшествовавшие восстанию 1794—1795 гг., и само восстание Т. Костюшки. Почти все значительные жанровые произведения 90-х годов посвящены темам политической освободительной борьбы.

Таким образом, задачей настоящей статьи является характеристика особенностей художественной жизни, органически связанных с темой освободительного движения, и попытка передать через них основные черты художественного творчества крупнейших польских мастеров, обращавшихся к этой теме. Без этого нельзя правильно представить особенности становления национальной школы в польском искусстве в трудный для этой страны период конца XVIII — начала XIX в.

* * *

Среди ведущих мастеров в первую очередь по праву привлекает внимание всех исследователей творчество Яна Норблена — вольнодумца, человека ясного и благородного образа мыслей, динамического и зоркого художника, внешне даже холодноватого, но внутренне вполне пристрастного в своих симпатиях и антипатиях.

Ян Норблен, как называли в Польше Жана Пьера Норблена, французского художника родом из Шампани, приехал в Польшу в 1774 г. Деятельность его началась здесь в качестве учителя рисования в семье князя Адама Чарторьского, только что вернувшегося из-за границы. Норблен сразу оказался, благодаря близости к семье Чарторьских, в центре политической и культурной жизни, вошел в салоны высшего света и в круг польских просветителей. Художник прожил в Польше 30 лет и уехал оттуда вскоре после разгрома восстания Костюшки, когда даже самым горячим патриотам стало ясно, что время независимой Польши ушло надолго.

Роль Норблена в польском искусстве весьма своеобразна. В течение долгих лет все польские исследователи эпохи Просвещения начинают историю польского искусства XIX в. с обзора творчества Норблена; имя его открывает список имен крупнейших художников национальной реалистической школы. Традиции творчества Норблена прослеживают вплоть до середины XIX в., отмечая его влияние на многих крупных графиков и живописцев. Целое течение в польской графике конца XVIII — начала XIX в. носит название «норбленовской школы».

Между тем Норблен не был гениальным художником. Ранний период его творчества начался с подражания Ватто, запоздалым эпитоном которого Норблен был многие годы. Многочисленные росписи в стиле Ватто, различные «Празднества в парке» составили значительную часть его живописного наследия. Эти полотна декоративны, довольно изысканны по колориту,

но не больше. Таковы росписи в загородном имении Чарторыских — «Повонзках», создавшие Норблену известность¹. В то же время Норблен умел легко писать эффектные, бурные батальные сцены, используя приемы, заимствованные из мастерской Казановы, где он пробыл около года (в 1769 г.)².

Однако самой сильной стороной творчества Норблена, благодаря которой он и вошел в историю польского искусства, была его графика — гравюры и многочисленные рисунки, в которых художнику удалось отразить многие наиболее характерные, своеобразные и интересные черты польской действительности.

В области графики Норблен никогда не был только эпигоном модных направлений, хотя и здесь он сложился как самостоятельный художник далеко не сразу.

Гравюрам Норблена особый оттенок придает давнее и глубокое увлечение офортами Рембрандта. Норблен чутко воспринимал виртуозную технику Рембрандта и увлеченно и прилежно старался ей следовать, что принесло свои плоды уже в середине 70-х годов³. В ряде гравюр Норблена, особенно связанных с исторической темой, чувствуется его знакомство с венецианской графикой XVIII в. Так, далеко большая близость стилистических черт и всего образного строя целого ряда норбленовских офортов, вроде «Избрания Пяста королем», к некоторым листам из серий Джованни Тьеполо и особенно Доменико Тьеполо.

В рисунках, в жанровых набросках выступает на первый план личность самого художника, его наблюдательность, острота передачи жизненных явлений, большая точность, иногда, впрочем, вносящая в рисунки Норблена оттенок некоторой суховатости, протокольности⁴.

Большинство рисунков Норблена отличается при всей строгости следования натуре свободой и мягкостью, уверенной, живой компоновкой, разнообразием типажа, богатством светотени. Иногда он пользуется более энергичным, твердым штрихом, иногда лепит контуры почти исключительно светом. Одним каким-либо художественным приемом, равно как и изблуженным мотивом, Норблен никогда не исчерпывает своих возможностей⁵.

Отмечая многие достоинства Норблена, нельзя, однако, не признать, что художников подобного уровня в Европе тех лет было достаточно и даже в самой Польше работали в XVIII в. такие мастера, как Каналетто или Баччиарелли, эстетическая ценность произведений которых не уступала норбленовским работам.

¹ Позже Норблен пытался внести в свои росписи элемент салонного классицизма, как это видно, например, в плафоне «Заря» в «Аркадии» Радзивиллов.

² Обучение в «школе протектируемых учеников» при французской Академии (1770—1771 гг.) не оставило заметных следов в творчестве Норблена.

³ П. Кристеллер говорит об «оригинальной технике» Норблена, «которая, по крайней мере, внешне приближается к технике великого голландца. Он с большим искусством ведет свою тонкую иглу и, несмотря на некоторую чрезмерную мягкость своих линий, достигает иногда очень хороших эффектов» (П. Кристеллер. История европейской гравюры XV—XVIII века. М., 1939).

⁴ Правда, последняя черта особенно присуща той группе зарисовок, в которых художник старается как можно правдивее передать малознакомые явления. Так было, когда Норблен только что приехал в Польшу и, захваченный обилием новых впечатлений, пытался в них разобраться, с предельной точностью фиксируя отдельные особенности страны, людей, костюмов и т. п.

⁵ Чувствуется, что Норблен знал работы Лепренса, и вообще его связь с художественной культурой Франции не прерывалась за его тридцатилетнее пребывание в Польше. Норблен пытался обратиться к темам классицизма (рисунок «Клятва Горацийев» из Винницкого альбома, копия с Давида, упоминаемая Порембским, ряд параллелей с творчеством графиков времен французской революции в рисунках на темы Варшавского восстания), хотя это течение было чуждо ему и далеко от его творческих наклонностей.

Однако ни один художник, работавший в конце XVIII в. в Польше, не оказался так непосредственно связанным с ведущим течением в искусстве, не создал таких прочных традиций, как Норблен. Факт его огромного влияния на судьбу польского искусства является общепризнанным. Это объясняется не только серьезными положительными сторонами норбленовского творчества, но также тем, что он приехал в Польшу в исторически переломный период, когда уже была подготовлена почва для развития реалистического, проникнутого передовыми идеями искусства, которое отражало действительность с иных позиций, чем это делали придворные мастера Станислава Августа. Вместе с тем в Польше не было тогда в наличии художественных сил, способных воплотить эти требования. Однако в конце XVIII в. уже появилась потребность в таком искусстве, о чем свидетельствуют новые черты в творчестве ряда мастеров.

Норблен объективно оказался тем художником, который больше других был подготовлен и способен ответить на выдвигаемые обществом требования. Это был человек передовых взглядов, которые помогли ему верно определить свое место в сложной и противоречивой польской действительности. То, что он принес с собой (и что окончательно оформилось в Польше), — хорошая реалистическая школа, навыки в изучении и передаче живой природы и людей, интерес к социальной стороне жизни общества, умение схватывать характерные черты обычного повседневного явления и улавливать их художественный, эстетический смысл, стремление к познанию страны и народа, — все это было новостью для большинства польских и работавших в Польше художников и поставило Норблена в особое положение. Кроме того, почти все крупные художники были тесно связаны с двором Станислава Августа, и творчество большинства из них было выполнением непосредственных заказов короля. Норблен был единственным крупным художником, почти совершенно не связанным с королем и сохранившим редкую самостоятельность. Неудивительно, что он особенно выдвинулся в 90-х годах, когда обратился к изображению политических событий, приведших страну в один лагерь с революционной Францией. Норбленовские рисунки, большие композиции, выполненные по заказу ряда крупных политических деятелей, отражали происходящее наиболее глубоко и исторически верно⁶.

Наконец, в период восстания Костюшки, Норблен по собственной инициативе воспроизвел все его основные события, став своеобразным хроникером восстания. Чутье художника и убеждения передового человека помогли ему отразить наиболее значительные явления, уловить их исторический смысл и создать цикл рисунков, запечатлевших борьбу восставшего народа.

Вопрос о мировоззрении Норблена, о политических симпатиях и идеалах художника, пришедшего в революционный лагерь и посвятившего ему свое искусство, приобретает особое значение. В большой степени именно благодаря своим убеждениям Норблен занял почетное место в истории польского искусства, так как они придали его творчеству тот оттенок социальной заостренности, ту гражданскую направленность, которые выделяют произведения Норблена среди всей живописи и графики польского Просвещения.

В настоящей статье не будет рассматриваться бытовая тема в творчестве Норблена, так как этот вопрос уже неоднократно освещался рядом исследователей. Более интересным представляется другой аспект — национально-освободительная тема в искусстве мастера, тем более, что находящийся в СССР, в Виннице, альбом рисунков Норблена и художников его круга дает новый материал для исследования этой проблемы.

⁶ Некоторые сюжеты, как «Принятие конституции 3 мая», он неоднократно повторял; по его рисунку была выполнена широко распространенная гравюра Ленцкого.

Поскольку работа Норблена над рисунками, посвященными восстанию 1794—1795 гг., тесно связана и с отдельными фактами биографии художника и с общим ходом событий, которые он отражал, постольку необходимо остановиться вкратце на сущности этих событий.

В 1793 г. произошел второй раздел Польши, обостривший положение в стране до такой степени, что сложилась революционная ситуация. Очагом наиболее радикальных политических течений и группировок была Варшава, ставшая центром деятельности так называемых польских якобинцев, идейно примыкавших к французской революции и активно готовивших восстание. «Варшавские бунтовщики колеблют небо и землю, чтобы поднять народ», — писал в одном из своих донесений Екатерине II Пистор, доверенное лицо императрицы ⁷.

24 марта Костюшко провозгласил в Кракове «Акт восстания», призывая поляков к борьбе против иностранной интервенции. В повстанческое войско быстро начали стекаться крестьяне, мечтавшие не только о национальной независимости, но и о ликвидации крепостничества. Уже в первых боях революционная армия добилась победы. Рацлавицкая битва, вошедшая в историю Польши, была выиграна благодаря героизму косиньеров. Однако движение еще не было общепольским, оно охватило лишь краковскую область.

Только революционные события в Вильне и Варшаве 17—18 апреля 1794 г., возглавленные наиболее радикальными членами партии «патриотов», крепко связанными с народными массами, придали восстанию широту и размах общенационального движения.

Оно было направлено не только против царских войск, изгнанных из города во главе с наместником Игельстромом, но и против своих польских магнатов — изменников родины, которые были потом казнены народом. Пожалуй, впервые в истории Польши народ выступил с оружием, со своими требованиями и со своими вождями: сапожник Ян Килиньский, ксендз Мейер, Конопка и их друзья были героями этих дней. Атмосфера в Варшаве напоминала Париж: изменников вешали, король пытался бежать, но был задержан, брат его — примас — отравился, боясь гнева народа. «Вешались» в качестве предупреждения портреты тех, до кого народ еще не добрался, в том числе портрет короля.

Для варшавской бедноты и мещанства эти несколько месяцев, в течение которых они освободили столицу, отбили осаду пруссаков, захватили и некоторое время удерживали в своих руках власть, были серьезной школой. Психология польского «третьего сословия», выброшенного за борт общественной и политической жизни, забитого, как мало в какой другой европейской стране, резко изменилась. Патриотический подъем сочетался с подъемом своей, классовой гордости. Впервые Польша, где на протяжении веков прививались религиозный фанатизм и крайняя нетерпимость к «иноверцам», стала свидетельницей того, как представители различных вероисповеданий и наций вступали в боевой союз. В эти дни стихли все межнациональные столкновения в Варшаве. «Оборонять возлюбленную отчизну, как истинные ее сыновья, до последней капли крови мы готовы, и имущества падать не хотим», — говорил староста немецких купцов ⁸. В эти дни проводился в жизнь тезис просветителей о том, что «трудящийся народ — это и есть нация».

Когда шляхта попыталась захватить завоеванную народом власть, депутация горожан, которых не хотели пустить в правительственное здание, гордо заявила в своей декларации: «Шляхта продала народ, довела до двукратного раздела страны, разорила ремесла и торговлю. Можем ли мы теперь, совершив революцию, доверять ей одной кормило правления?»

⁷ W. Tokarz. Insurekcja warszawska. Lwów, 1934, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 82.

Все против нее. Мы, мещане, совершили революцию ценой собственной жизни. Наше дело довести революцию до успешного конца»⁹.

Эти мещане, освободив Варшаву, собрались 19 апреля в городской ратуше и приняли решение примкнуть к восстанию Костюшки. Среди их подписей некоторые принадлежали иностранцам, пожелавшим оборонять свою приемную родину. «Аксесс» подписали восемь французов и среди них Jean Pierre Norblin le peintre français¹⁰. Факт добровольного присоединения к восстанию достаточно ясно характеризует мировоззрение художника, не побоявшегося при этом подчеркнуть свою связь с революционной Францией¹¹.

Представление о Норблене, как о человеке с передовыми взглядами, подтверждает и ряд его произведений, в частности, находящихся в СССР в собрании Винницкого краеведческого музея. Среди них есть интересные рисунки, изображающие Марию-Антуанетту в заточении, казнь магнатов-предателей в Варшаве и другие, трактовка которых воскрешает в памяти слова Норблена о «высшей справедливости», которая «карает правителей»¹².

Норблен зарисовал все главные события этих лет, большую часть — с натуры, некоторые — по памяти и по рассказам. Изучение Рембрандта, увлечение историческими сценками, опыты в гравюрной технике — все отошло на второй план. Заказных работ он исполнял в тот период немного. Главное наследие 1791—1795 гг. — сотни рисунков, чаще всего карандашом и тушью, среди которых выделяется около десятка крупных композиций, остальную же часть составляют наброски с натуры.

Норблен создал настоящую летопись восстания; он запечатлел и сцены варшавского восстания 17—18 апреля, и крупнейшие битвы костюшковской армии, портреты военачальников — Костюшки и Суворова, — очень ценные по иконографии, типы польских и иностранных солдат, казнь изменников, парад русских войск в занятой Варшаве и многое другое. Широка охвата и реалистичность, исключительная достоверность изображения, к которой стремился художник, сделали этот цикл рисунков крупнейшим событием в художественной жизни тех лет. При этом надо отметить, что именно в 90-х годах наблюдается сильное влияние художественного метода Норблена на творчество не только его непосредственных учеников, но и многих других польских художников. Объективно он становится одним из ведущих художников Польши; его творчество, до этой поры известное довольно узкому кругу как творчество придворного декоратора Чарторьских, оказывается в центре внимания.

Композиция «Принятие конституции 3 мая» фактически открывает цикл рисунков, посвященных восстанию, так же как в действительности она предвзяла революционные события.

История создания этой композиции, сразу привлекающей общие симпатии к художнику, вызвала интерес всех исследователей Норблена, тем более, что существует очень большое число эскизов и набросков, позволяющих проследить различные этапы работы над ней. Не касаясь этих вопросов подробно, отметим лишь два источника «Конституции 3 мая». Первый — прекрасное знакомство со всеми деталями события. Следует безусловно принять точку зрения польских исследователей, утверждаю-

⁹ W. S m o l e ń s k i. Mieszczanstwo warszawskie w końcu wieku XVIII. Warszawa, 1917, стр. 23.

¹⁰ «Akty powstania kościuszkowskiego», m. 3. Wrocław-Kraków, 1955, стр. 244.

¹¹ Следует вспомнить, что именно в эти годы многие французы, жившие в других странах Европы, отрекались от своей родины, давая письменные заверения в том, что они не имеют ничего общего с «обезумевшей нацией».

¹² J. P. N o r b l i n. List do Czartoryskiego. 7 grudnia 1806. «Lamus», t. 2. Lwów, 1911, стр. 15. Подробнее об этих рисунках см.: Л. И. Т а н а н а е в а. Материалы к творческой биографии Ж. П. Норблена. «Искусство», 1959, № 11, стр. 67.

щих, что Норблен был непосредственным его участником. Поэтому в его рисунках столько жизненной правды, исторической точности и убедительности. Вторым источником можно считать хорошее знание французских гравюр, изображающих «Клятву в зале для игры в мяч», и в первую очередь картины Давида, с творчеством которого Норблен был неплохо знаком¹³. Неудивительно, если Норблен, ища художественного воплощения своего сюжета, обращался к французскому искусству, близкому и хорошо знакомому и уже раньше решавшему подобные вопросы. С этой точки зрения нельзя согласиться с М. Порембским, когда он всячески старается подчеркнуть независимость Норблена от его французских коллег¹⁴. Действительно, Норблен уже до этого умел изображать человеческую толпу, изображать ее чрезвычайно динамично, в едином движении¹⁵. Однако отрицать влияние давидовской композиции на работу Норблена вряд ли стоит, так как она налицо и с очевидностью свидетельствует о прогрессивности художника, творчески воспринявшего традиции самого передового и революционного в Европе тех лет искусства. З. Батовский, отмечавший влияние Давида на Норблена, безусловно прав¹⁶.

Лучшие рисунки Норблена из варшавского цикла — это его эскизы к большой рапперсвильской композиции «Битва на Медовой улице»¹⁷. Это был основной очаг восстания, борьба велась за дворец Игельстрома, осада шла два дня — 17 и 18 апреля. Игельстром бежал, бросив важнейшие архивы посольства и свой гарнизон на произвол судьбы. Гарнизон стойко сопротивлялся, но дворец подожгли, и он был захвачен благодаря самоотверженности повстанцев. Различные эпизоды этой двухдневной жестокой борьбы и воспроизводит Норблен. Характерной особенностью рисунка является то, что в нем чувствуется присутствие самого художника, точно находящегося где-то в толпе, а это редкое явление в творчестве Норблена. Художник помещает зрителя не где-то над толпой (так обычно бывает, когда Норблен изображает большие массы народа), а как бы вместе с ней, и это вносит в рисунки нотку соучастия, особую убедительность и живость.

Пожалуй, лучше всех остальных рисунок «Штурм дворца Игельстрома»¹⁸, лежащий в основе рапперсвильской композиции. Далеко вперед уходит перспектива широкой улицы, застроенной новыми домами. Один из них — дворец Игельстрома — окутан дымом от выстрелов и начинающегося пожара, столб дыма поднимается в небо. У ворот дворца скопилась, несмотря на обстрел, толпа осаждающих. Люди стекаются ко дворцу со всех сторон, отстреливаясь, тянутся вдоль левой стороны улицы, пробиваются в пороховом дыму вперед. Масса людей передана в общих чертах, художника увлекает ее порыв, ее движение. Представляется, что он был очевидцем этой уличной схватки, так естественно и многообразно развертывается напряженная сцена осады. Вдали, у дворца, и с левой стороны улицы нападающих сдерживает ружейный огонь из окон домов. И в этот момент на первом плане, справа, стремительно вырывается из-за угла на Медовую новый отряд. Кажется, это общий порыв вытолкнул вперед пушку, она зловеще направлена в сторону дворца, около суетятся люди — сейчас грянет первый залп. Другие повстанцы, подняв сабли, стреляя, выходят на улицу из-под прикрытия углового дома; впереди — клубы

¹³ Напомним, что существует вольная копия Норблена именно с этой картины Давида. Воспроизведено у М. Порембского, см.: M. P o r e b s k i. *Problematyka historyczna w twórczości J. P. Norblina*. «Biuletyn historii sztuki», 1952, № 1.

¹⁴ M. P o r e b s k i. Указ. соч., стр. 61, 62.

¹⁵ Так, например, зарисовка 1786 г., изображающая сцену в сейме, отличается именно такой динамикой и свободой. Воспроизведено у М. Порембского (указ. соч. рис. 12).

¹⁶ Z. B a t o w s k i. *Norblin*. Lwów, 1911, стр. 120.

¹⁷ Воспроизведены в книге: «Polska jej dzieje i kultura», t. 2, стр. 355.

¹⁸ Воспроизведен в книге «Warszawa wieku Oświecenia» (Warszawa, 1954, стр. 277).

порохового дыма, за ними — охваченные единым порывом люди, пусть не очень организованные, но полные энтузиазма. Контраст пустого пространства улицы и темной массы рвущейся вперед толпы на первом плане придает особую напряженность рисунку, тем более, что художник акцентирует, выделяя резкими черными пятнами, переднюю группу.

От рисунка веет подлинной атмосферой уличных боев, в нем нет почти ничего от прежних приемов, заимствованных Норбленом у Казановы, ничего от эффектных батальных композиций с их отвлеченным пафосом и внешней драматичностью. Естественность движений людей, занятых своим делом, простота общего мотива сочетаются с передачей истинного подъема. Для этого рисунка характерна экономность изобразительных средств, лаконизм деталей. Дается лишь главное, обстановка намечена ровно настолько, чтобы правдиво охарактеризовать место, где совершаются события. Толпы людей, их действия даны суммарно, несколькими штрихами и пятнами выделены лишь некоторые фигуры, наиболее важные в композиционном и сюжетном планах. Норблен старается через сумму взаимосвязанных движений людей создать впечатление о их единой устремленности и достигает этого. Такой сюжетной целостности не наблюдалось в его более ранних жанровых композициях. Новыми чертами является и динамика рисунка, свободный живописный штрих, умение отбросить мелкие подробности. Легкий, прозрачный рисунок заднего плана, создающий иллюзию воздушной перспективы, переходит в более четкий и твердый на переднем плане, цвет здесь сгущается. Как во всех произведениях 90-х годов, рисунок живописен, богат в светотеневом отношении, очень свободен¹⁹.

В большой композиции, созданной на основе рассмотренного нами рисунка и похожей на некоторые гравюры Дюплесси-Берто или Приера, больше сухости и четкости, там все верно с точки зрения перспективы и рисунка, но нет непосредственности и живости эскиза.

Все рисунки Норблена этого периода поражают достоверностью. И «Штурм дворца Игельстрома», и «Краковское предместье», и «Битва на Медовой улице» носят печать непосредственного наблюдения. Быстрые, острые зарисовки передают варшавские улицы в клубах порохового дыма, изображают с какой-то даже обыденностью войну, как трудные будни множества людей. Деловитость, занятость людей, то несущих огромное бревно, чтобы разбить ворота, то методически сужающих круг своих отрядов у горящего дворца, действуют на зрителя не менее убедительно, чем патриотическая символика Смуглевича (см. ниже, стр. 38—39).

Особенно интересны листы, изображающие казнь изменников в Варшаве 9 мая 1794 г. на рынке Старого города. Политическая чуткость Норблена помогла ему обратить главное внимание на узловые моменты восстания. Вполне понятно, что потрясшая всех свидетелей казнь врагов народа, бывшая наряду с освобождением Варшавы высшей точкой восстания, особенно заинтересовала Норблена. Несколько больших законченных рисунков и много набросков передают это суровое и мрачное зрелище.

Сепия 1794 г. изображает яркий солнечный день 9 мая²⁰. Рыночную площадь в Старом городе наполнила огромная толпа. Люди набились в соседние дома, стоят на крыше, угрожающе подняты кулаки и сабли, и отовсюду несутся негодующие крики. Изменников вытащили из тюрьмы, где

¹⁹ Хотя, с другой стороны, в этом рисунке чувствуется близость к известной гравюре Монэ «Штурм Бастилии». Общая композиция, фигура у пушки, фигура бегущего солдата почти точно повторяют персонажей указанной гравюры. Такое сходство настораживает и мешает так прямо, как это делает М. Порембский, считать рисунок Норблена зарисовкой с натуры, хотя последнее и помогает объяснить перспективные искажения и несоответствия планов.

²⁰ Воспроизведено у М. Порембского (указ. соч., рис. 17).

их прятали от народного гнева, и казнят. В узком проходе, оставленном толпой, стоят три виселицы. Двое предателей уже повешено, у третьей виселицы — короткая суета: палач поднимается на лестницу, осужденный связан, к нему со всех сторон тянутся грозящие руки, требуя казни. Норблен изобразил эту мрачную сцену, выбрав высокую «точку зрения». Он сумел охватить в рисунке все пространство, занятое толпой, передать охвативший людей гнев и жажду мести. Кажется, что колышущаяся в тени справа огромная людская масса вот-вот хлынет вперед и раздавит преступников. Но ее удерживает уважение к собственным решениям, сознание важности происходящего. Это суд, но не расправа.

Рисунок Норблена приобретает ценность правдивого исторического документа, показывающего, как польский народ вершил правосудие, казняя предателей и охраняя независимость родины. Под рисунком надпись: «Ожаровский, Анквич, Забелло, 1794 г.». Лаконичная надпись несколько развивается дальше: «Когда четыре изменника Анквич, Ожаровский и Забелло были повешены на площади Старого Места в Варшаве, а Коссаковский на Краковской площади в Варшаве».

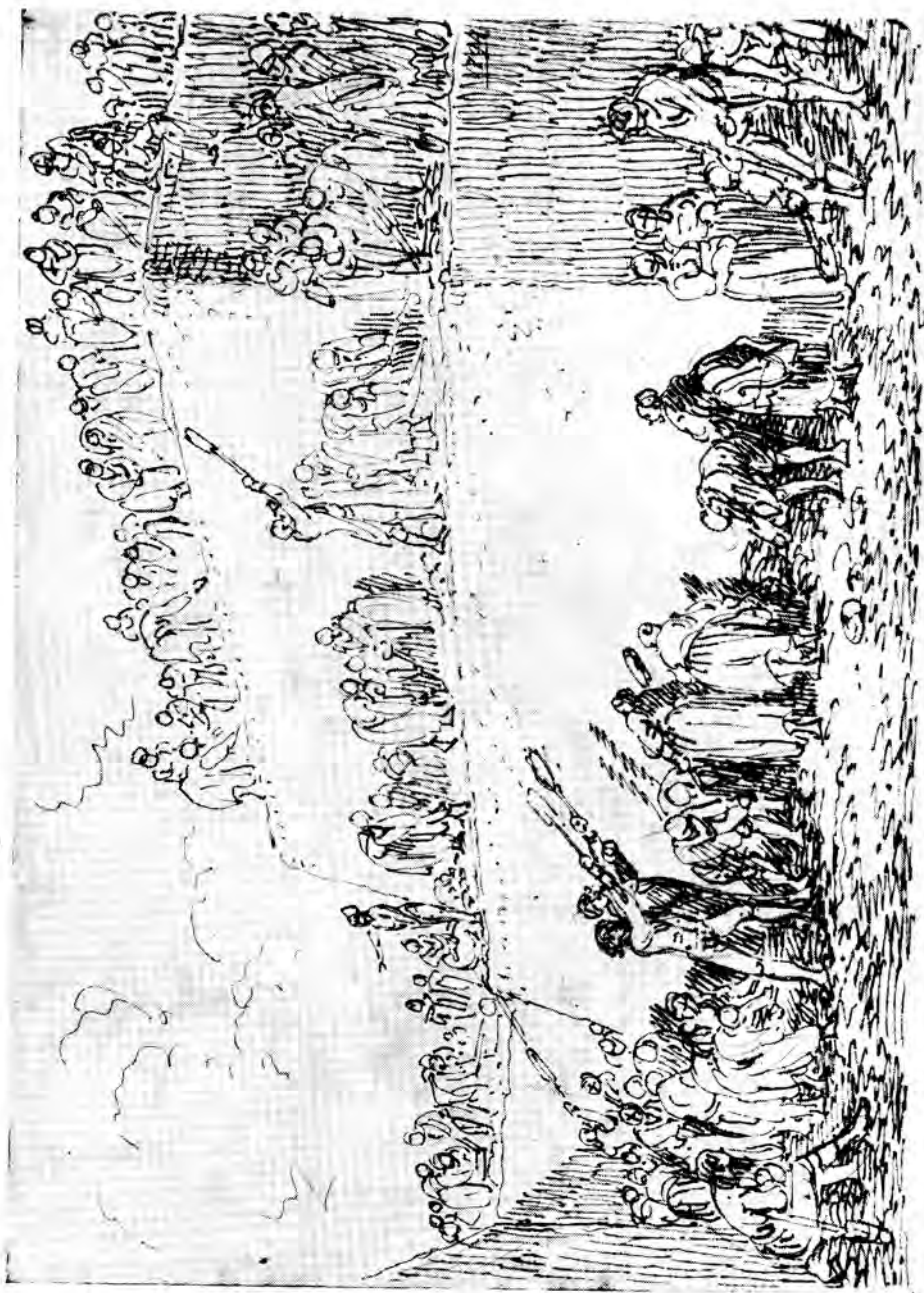
В рисунке обращает внимание свободная манера изображения. Контраст яркого солнечного освещения центральной части сцены, где происходит казнь, и глубокой тени, в которой беспокойно колышется толпа, подчеркивает внутренний смысл композиции, сообщая ей в то же время живописную эффектность²¹.

Рисунки Норблена охватывают все важнейшие эпизоды восстания, все битвы костюшковской армии. Точны зарисовки костюмов всех родов войск, наводивших Польшу, солдат и офицеров всех национальностей, побывавших в то время здесь. Бытовые сценки, одержанные победы и трагическое поражение под Мацевицами — все это запечатлено в десятках рисунков Норблена. Художник впервые в Польше создал довольно реалистический образ современной ему войны. Это уже не отдельный эпизод, вроде «схватки за знамя», не изображение полководца, не победная баталия, прославляющая победителя, с летящей по небу Славой, какие недавно создавались в Польше. Норблен передал будни войны, обычную повседневную жизнь армии — переходы, стоянки, схватки, обозы. Рисуя важнейшие битвы, Норблен стремился показать зрителю «как на ладони» их реальный ход, расстановку основных сил, решающие схватки и т. п. Так, изображая битву под Мацевицами, из которой все последующие художники брали лишь эпизод ранения и взятия в плен Костюшки, он передал картину проигранного сражения, бегущие и рассеянные войска, пленных под казачьим конвоем, брошенный обоз.

Среди норбленовских работ повстанческого цикла большой интерес представляют портреты вождя восстания — Тадеуша Костюшки. Надо сказать, что портрет — не самая сильная сторона творчества Норблена (точнее, портрет маслом, тщательно оконченный и чаще всего эклектичный). В нем всегда чувствуется подражание то Рембрандту (автопортреты), то французской живописи второй половины XVIII в. Но портретные зарисовки, живые наброски пером и карандашом отличаются остротой и естественностью и обычной у Норблена достоверностью. Портретировал Норблен только близких людей, хорошо ему известных.

Костюшку Норблен знал лично и был с ним дружен. Эта связь отразилась в портретах полководца — очень простых и искренних, в которых, несмотря на любовь к объективной точности, проскальзывает личная симпатия художника. Портреты были сделаны в период восстания. З. Батовский опубликовал интересный портрет Костюшки, выполненный

²¹ У Норблена есть еще одна интересная композиция — небольшая картина маслом, на которой изображено «повешение» портретов короля. Им отдают насмешливые поклоны; какая-то женщина в ужасе от такого святотатства падает в обморок. Воспроизведено в книге: «Polska, jej dzieje i kultura» (t. 2, стр. 359).

Ж. П. Н о р б л е н. Возведение бастионов на Праге
Карандаш, тушь. 1794 г.

тушью и карандашом, который точно передает черты и оживленное выражение умного лица польского полковода. Этот живой и легкий рисунок не является случайным наброском, беглой зарисовкой, существует несколько других портретов Костюшки, два из них находятся в СССР в альбоме Винницкого музея²².

Один из них является повторением или прототипом рисунка, опубликованного З. Батовским, но более четок по своим линиям, нарисован тверже. Образ Костюшки тот же. Норблен стремится передать его простоту, оживляя некрасивое лицо улыбкой. Портрет по трактовке образа и композиционному построению напоминает многочисленные изображения вождей французской революции, широко известные по гравюрам того времени. Второй портрет дан в овале, более обобщен и ближе к канонам обычного интимного портрета XVIII в. Костюшко изображен в той же одежде, с той же улыбкой, но она стала более светской и условно любезной.

Существуют портреты Костюшки более высокой художественной ценности. Некоторые работы Грасси, несмотря на идеализацию их героя и окружение его ореолом романтичности, прекрасный портрет работы Госвея и некоторые другие как произведения искусства, безусловно, выше скромных рисунков Норблена, но реалистическая точность, абсолютная беспристрастность и настоящий демократизм, которыми проникнуты работы этого художника (ведь Костюшко был тогда фактически главой государства и стал уже национальным героем), делают его рисунки ценными памятниками эпохи²³.

Вернувшись из армии, Норблен уже не покидал Варшавы. На его глазах прошли и отразились в его рисунках героическая оборона города, штурм Праги и вступление в ноябре 1794 г. русских войск в столицу. Художник побывал во всех концах осажденного города. Рисунок Винницкого альбома «Возведение бастиионов на Праге»²⁴ сделан, по-видимому, с натуры (рис. 1). Характерно, что здесь опять проявляется особая близость художника к изображаемому событию. Он наблюдает и как художник и как зритель за оборонительными работами откуда-то из толпы (левый край рисунка на переднем плане). Выбранная «точка зрения», диагональное построение, напряженный ритм композиции, превосходно переданный Норбленом одним чередованием склоенных и резко выпрямляющихся фигур, вызывают у зрителя такое ощущение, будто земляная стена растет на глазах. Здесь нет ни одного лишнего штриха, все очень точно рассчитано и в то же время очень естественно.

Наиболее значительная работа Норблена, посвященная концу восстания, — это «Пражская резня» (1795 г.)²⁵, в которой автор выступает против ужасов войны. Художник запечатлел тяжелую сцену жестокого и бессмысленного убийства безоружных людей, показал изнанку нравов «просвещенного века», самую ужасную сторону войны, превратившей людей в убийц. Внутренность большой пригородной избы завалена трупами людей всех возрастов, убийства продолжают и сейчас, перед глазами зрителя. Бессилие одних и бессмысленная ярость других переданы художником просто и прямо, без гротеска, без подчеркнутости. Особенную убедительность придает этой картине то, что действие происходит в

²² Оба рисунка изображают Костюшку в профиль, композиционно повторяя в общих чертах рисунок, воспроизведенный у З. Батовского (Z. B a t o w s k i. Указ. соч., стр. 131, рис. 77).

²³ Пожалуй, главное отличие работ Норблена от всех портретов Костюшки данного периода заключается в том, что другие художники стремились передать в первую очередь незаурядную личность, героя, вождя, а Норблен — просто человека. В этом отсутствии патетики и героизма заключается и сила, и, конечно, слабость, выражающаяся в известном снижении образа, вернее, в раскрытии лишь одной его стороны. Зато портретному сходству можно верить полностью.

²⁴ Рис. № 256.

²⁵ Воспроизведено у З. Батовского (указ. соч., табл. 20).

Ж. П. Норблен.
Портрет А. В. Суворова.
Тушь. 1795 г.

Ж. П. Норблен.
Портрет А. В. Суворова.
Тушь. 1795 г.

комнате при ярком солнечном свете, среди обыденных, привычных предметов, в мирной обстановке, а не на поле боя. С художественной точки зрения эта сцена превосходна, исключительно точно передана сама атмосфера — горячая, пыльная, солнечная. Как всегда у Норблена, главный художественный прием — контрасты света и тени, но вся сепия объединяется рассеянными солнечными бликами, скользкими и там и тут, создающими впечатление везде проникающих солнечных лучей.

Сохранились и другие наброски, посвященные той же теме. «Пражская резня» — их обобщение, вывод художника и мрачная концовка его хроники восстания.

Хочется остановиться на другого рода рисунках из Винницкого альбома — речь идет о портретах А. В. Суворова²⁶. Рисунков, посвященных русскому полководцу, четыре. Один из них²⁷ — профильный портрет Суворова. Из трех других — один изображает парад русских войск 2 февраля 1795 г. в Варшаве под командой Суворова, два других — отдельно фигуру Суворова, дирижирующего полковым оркестром²⁸.

Суворов, что вполне понятно, особенно интересовал Норблена. Поэтому он изобразил полководца дважды — в анфас и в профиль. Оба эти рисунка выполнены тушью, очень тщательно и изображают невысокого человека в гренадерской шапке и сапогах со шпорами, без мундира, в широкой рубахе, который управляет оркестром порывистыми движениями

²⁶ Подробнее о портретах А. В. Суворова см. статью: А. М. Амшинская и А. В. Помагнацкий. Неизвестные изображения А. В. Суворова работы художника Я. Норблена. — «Сообщения Института истории искусств», вып. 13—14. М., 1960, стр. 139—153.

²⁷ Рис. № 795.

²⁸ Рисунки снабжены подписями: «Суворов с натуры» и «Суворов на параде с натуры». Подписи, как и предыдущие, сделаны, возможно, не рукой художника (рис. № 337, 342).

обеих рук. В фасовом рисунке лицу придано напряженное выражение, черты лица, вся фигура обострены художником. Оттенок гротескности, однако, не снижает ценности этого интересного рисунка.

Профильный портрет А. В. Суворова сделан очень старательно: набросан карандашом, тщательно обведен тушью, тени наложены точечной штриховкой, редкой у Норблена. Изображен старик с усталым, слегка обрюзгим лицом, с редкими седыми клочками волос, сквозь которые просвечивает лысина, сзади волосы собраны в тощую косичку. На этот раз Суворов в мундире, с жабо, но облик его лишен малейшего намека на парадность, торжественную приподнятость, которая присутствует во всех известных портретах Суворова.

Норбленовские рисунки 90-х годов явились новой ступенью в развитии творчества художника и в истории польского искусства тех лет. Они окончательно утвердили активную связь искусства с повседневной жизнью, ввели в сферу изобразительного искусства образ простого польского народа²⁹. Конечно, рисунки Норблена далеки от того, чтобы охватить все стороны польской действительности, они передают многие события без большой глубины, им не всегда хватает обобщения, часто за хроникальной достоверностью передачи явлений исчезает полноценный художественный образ. Но все это, как и другие менее значительные слабости, искупается безусловными достижениями художника, о которых уже шла речь выше и среди которых следует подчеркнуть еще один момент. Норблен, в своем стремлении как можно точнее следовать за жизненной правдой, был почти единственным в польском искусстве художником, не искавшим героя в лице Костюшки или Станислава Августа. На главное место в его рисунках периода восстания выдвигаются массы простых, безмянных людей: солдаты, косиньеры, мещане, которые строят заграждения, борются, казнят изменников и т. п.

Характерно то, что даже рисуя события, имевшие своего главного героя, Норблен не выделяет его, интересуясь общим характером происходящего, действием всей массы людей. Так, изображая Рацлавичскую битву, в которой покрыл себя славой простой крестьянин Бартош, своей шапкой потушивший фитиль вражеской пушки, или битву под Мацевевицами, где был взят в плен раненый Костюшко, главным героем Норблен относит незначительное место. Главным для него оказывается передача смысла всего события, в первом случае — отваги и самоотверженности косиньеров — вчерашних крестьян. Бартош просто один из них. Во втором случае главным объектом художника становится поражение повстанческой армии, переданное во всей картине затихающего боя. Уже верховые конники-казаки конвоируют пленных поляков. Рассеянные остатки войска пытаются спастись от артиллерийского огня, и над полем сражения поднимаются три огромных столба дыма. Взятие в плен Костюшки — только один из эпизодов этой большой трагедии. Показ тяжелых будней войны, в центре которых действия больших масс простых людей, был прогрессивен для Польши, где уже устанавливался культ «Верховного начальника» и излюбленной темой становилась «Присяга Костюшки на краковском рынке» (характерно, что Норблен ни разу не изображал этот эпизод).

Городская толпа, шумная и разнообразная, уже давно нашла в Норблене своего выразителя. Если у Каналетто, при всем реализме и наблю-

²⁹ До Норблена и одновременно с ним в Польше работали мастера, в чьем творчестве отражена жизнь польских крестьян, их быт, типы современных горожан. Таковы отдельные образы с городских пейзажей Б. Белотто (Каналетто) и особенно произведения Ю. Валла. Ю. Валл в 70-х годах XVIII в. рисовал сценки из быта польского крестьянства и шляхты, сцены на сейме и др. Ему свойственны наблюдательность и живая, свободная компоновка. Однако по своей роли в развитии польского искусства Ю. Валл значительно уступает Норблену, тем более, что в поздний период творчества он находился под явным влиянием французского художника.

дательности, человеческие фигуры сливались с образом городского пейзажа и одушевляли его, то у Норблена пейзаж, архитектура, природа подчинены людям, служат фоном для действий народной массы. Изображая чинное «Гулянье в Лазенках», сцены сейма, напоминающие отдельные листы Хогарта, посвященные выборам, шумные и пестрые рынки, — Норблен научился блестяще передавать многообразие человеческой толпы и ее общий облик, движение массы людей. Причем художественные средства его становились все отточеннее и экономнее, все большую роль играл свет, рисунки становились тоньше и живописнее. Передавая массу, охваченную единым порывом, передавая коллективные действия, целеустремленность десятков людей, рисунок Норблена становился энергичнее и тверже, появились контрастные сопоставления, напряженность и динамика. Но и содержание стало несколько иным, сама его концепция несколько переменилась. Исчезает тот сатирический оттенок, тот взгляд со стороны, который чувствуется в «Сеймиках» или «Городских рынках», зато появляется момент сочувствия, соучастия, почти субъективной оценки лиц и событий, раньше отсутствовавший у Норблена.

Однако сказанное не означает, что Норблен не видел отдельных героев восстания, что народ оставался в его глазах безликой массой. В этом смысле особенно интересен рисунок сепией, изображающий косиньера — польского санкюлота, в 1794 г. покрывшего себя славой под знаменами Костюшки в период, когда восстание носило еще народный характер. Рисунок Норблена ³⁰ относится как раз к 1794 г., ко времени, когда в памяти у всех была Рацлавицкая битва. Это довольно большой рисунок, изображающий рослого и сильного, немолодого крестьянина в краковской сермяге, опирающегося на косу и погруженного в раздумье. Поверх обычной одежды повешено солдатское обмундирование, из-под конфедератки падают длинные на крестьянский манер волосы, его главное оружие — коса; все это создает характерный облик мирного человека, вчерашнего земледельца, вынужденного событиями взяться за оружие. В обычной для 90-х годов живописной манере Норблен внимательно зарисовывает детали внешнего облика косиньера. Историческая, документальная точность безупречны, как всегда у Норблена. Но главное внимание привлекает лицо косиньера. Это типичное лицо польского крестьянина, переданное несколько обобщенно, исполненное и спокойной уверенности, твердости, и суровой озабоченности. Это лицо и поза человека, остановившегося в невеселом раздумьи, напоминают о том тяжелом разочаровании, которое ожидало польских крестьян, солдат Костюшки, уже в осенние месяцы 1794 г. Они отдавали Польше жизнь, а взамен не получали почти ничего. Вслед за героическим порывом косиньеров охватили горькие колебания. Завершились же они массовым отходом народа от восстания, что решило судьбу последнего. Косиньер Норблена стоит где-то на грани этого поворота. Случайно или сознательно, но этот рисунок запечатлел не столько солдата костюшковской армии, сколько поднявшегося на борьбу и уже предчувствующего близкое поражение крестьянина. Пожалуй, рисунок Норблена — наиболее умное и глубокое изображение косиньера; все остальные художники, обращаясь к этой теме (и в конце XVIII и в XIX в.), увлекались показом подвига Гловацкого или изображали радость победы после Рацлавиц. Норблен здесь, как и во всем своем творчестве, шел своей, независимой от официальных вкусов дорогой. Раскрепощение художника, превращение его в слугу общества, слугу народа, свершившееся во Франции, эхом докатилось до берегов Вислы. Провозвестником художника нового типа в Польше и стал Норблен.

³⁰ Рисунок воспроизведен в журнале «Biuletyn historii sztuki» (1951, № 4, рис. № 39).

А. Орловский. Коси́ньер.
Тушь. 1797 г.

* * *

Норблен вошел в польское искусство и как талантливый педагог, воспитавший группу молодых польских художников, развивавших впоследствии его реалистический метод и некоторые особенности его стиля. Так называемая «школа Норблена» включает в себя несколько незаурядных талантов. Здесь следует назвать в первую очередь Александра Орловского (1777—1832), Михала Плоньского (1778—1812), Гжегожа Вакулевича. Наиболее серьезно и непосредственно к теме восстания 1794 г. обращался только А. Орловский (бывший его участником), причем не только в 90-х годах, но и в более поздний период своего творчества.

А. Орловский неоднократно работал вместе с Норбленом, и даже те его рисунки 90-х годов, которые были выполнены самостоятельно, очень близки тематически и идейно к произведениям его учителя. И надо сказать, что именно в рисунках, непосредственно и тесно связанных с влиянием Норблена, А. Орловский достигает наи-

большей идейной и художественной значительности. Примером этого может служить «Коси́ньер» А. Орловского³¹, датированный 1797 г. и очень близкий к рассмотренному выше рисунку Норблена того же названия. Коси́ньер, с косой в левой руке, в одежде полукрестьянина-полусолдата, изображен на фоне батареи, возле которой отдыхают вооруженные люди, — скорее всего это та самая батарея, которую брали почти голыми руками крестьяне при Рацлавицах. Несмотря на небольшие размеры этого рисунка пером, чувствуется явное стремление придать ему монументальность: коси́ньер стоит на переднем плане, выделяясь на фоне облаков, очень низкий горизонт поднимает его фигуру, придавая ей большую значительность. Рамка сверху закруглена — художник точно делает эскиз большой композиции. Рисунок тщательно отделан и закончен.

Трактовка крестьянина здесь несколько иная, чем у Норблена. В рисунке нет внимательной точности норбленовской сени — это объясняется не только особенностями творчества Орловского, которые уже начали

³¹ Рисунок находится в собрании Национального музея в Варшаве (Голуховский альбом, № 1143).

Ж. П. Н о р б л е н. Сцена из восстания 1794 г.

Туть, перо. Конец 90-х годов XVIII в.

определяться в то время, но и тем, что в 1794 г. Норблену важно было со всей возможной точностью запечатлеть новый, только что появившийся в жизни тип человека; Орловский же, возможно, хотел напомнить о героизме крестьян — участников восстания, позднее обманутых и преданных.

Существует много разнообразных зарисовок, относительно которых нельзя сказать с уверенностью — Норблен или Орловский был их автором³². Таковы рисунки Винницкого альбома, изображающие, по-видимому, штурм пражских укреплений и тревогу в лагере повстанцев. Живописность и экспрессивность в сочетании с живой компоновкой сближают эти рисунки со зрелыми работами Орловского, в которых романтический оттенок, создаваемый известной экзотичностью образа и романтическим эффектом освещения, приобретает все большее значение³³.

Особый интерес представляет группа рисунков из собрания Варшавской национальной библиотеки³⁴, которые иногда приписываются Орловскому. Действительно, по целому ряду признаков — острой экспрессивности, выразительности лиц и движения, романтической приподнятости, живописности — эти рисунки чрезвычайно напоминают работы Орловского, только более позднего периода. Но люди, изображенные в этих набросках, безусловно, являют типы периода восстания Костюшки; возможно, что это — наброски Орловского к какой-либо из его поздних композиций, посвященных теме восстания; можно обнаружить сходство некоторых фигур ранней картины Орловского «Битва на Краковском предместье в 1798 г.»³⁵ с отдельными персонажами упомянутых рисунков.

³² Возможно, в них сказывается рука обоих художников, так как известно, что Норблен подправлял рисунки своего ученика.

³³ Характерно, что А. Орловский в более поздний период своего творчества часто возвращается в поисках темы к событиям своей юности, к эпизодам восстания.

³⁴ Как работы неизвестного художника, они частично воспроизведены в книге: «Warszawa wieku Oświecenia» (стр. 263, 274, 279, 298).

³⁵ См. З. Б а т о в с к и й. Указ. соч., рис. 110.

Неизвестный художник. Типы восстания 1794 г.

Если пока не представляется возможным определить с уверенностью автора и дату создания (хотя в пользу Орловского склоняется ряд исследователей), то большая художественная ценность рисунков не вызывает никаких сомнений. Эти набросанные карандашом и акварелью типы восставших горожан, эти живые, в полном смысле слова выхваченные из толпы люди, переданы с большой остротой и живостью, прекрасно соответствующим их состоянию. Все это простые горожане, некоторые из них впервые взяли за оружие, другие сражаются, как бывалые солдаты. В гражданской одежде, в шляпах и конфедератках, с саблями и штыками, они охвачены огнем борьбы, они действуют. Каждая фигура изображена в бурном, резком движении, точно схваченном художником. Живость и убедительность набросков такова, что они кажутся сделанными с натуры или по свежим впечатлениям, хотя, как сказано было выше, утверждать этого никак нельзя. Как бы то ни было, но это — искусство нового времени, полное стремления к свободе, романтического воодушевления и острой выразительности.

Все раннее творчество Орловского указывает на появление в польском искусстве новых веяний, сближающих его с той дорогой, на которую вступало в это время европейское искусство. Романтизм с его культом глубокого и бурного чувства, тягой к героической одушевленности, любовью к экзотическому, необычному уже находил почву в Польше.

Целый ряд сцен в графике Орловского — биваки у костра, сцены ночных столкновений, сцены с разбойниками — уже овеяны таинственностью, бурным и взволнованным настроением, которыми проникнуты образы людей и природы; в них появляются резкие контрасты света и тени, в них сквозит симпатия к Востоку, что нашло воплощение в творчестве художника позднейшего периода, в годы жизни его в Петербурге, куда Орловский уехал в 1803 г. Но и в ранних его работах, еще находившихся под сильным влиянием Норблена, пробиваются живые ростки романтизма, ставшего впоследствии одним из наиболее характерных направлений в польском искусстве XIX в., с которым на разных ступенях его развития связаны имена А. Гроттгера, П. Михаловского и многих других известных художников. В годы, последовавшие за отъездом Орловского из Польши,

Неизвестный художник. Типы восстания 1794 г.

когда его талант развивался уже в живой, прямой связи с русским искусством, в Польше линия романтического искусства слабеет, чтобы вновь вспыхнуть, уже на новой основе, в раннем творчестве А. Бродовского и мастеров виленской школы.

* * *

О тех же преромантических тенденциях, появляющихся в польском искусстве в 90-х гг. XVIII в., говорит и творчество К. Войняковского. Это был по преимуществу портретист, и портретист прирожденный, владевший кистью меткой и смелой, порой до беспощадности пристальный наблюдатель, и при этом временами почти романтик, охваченный мечтой о яркой, героической личности. Но нас интересует, в особенности, та сторона его творчества, в которой проявилась рассматриваемая нами тенденция к прямому изображению действительных событий, к патристическому искусству. Войняковский был в неменьшей степени человеком своего общества и гражданином, чем Норблен или Орловский, и это нашло отражение в целом ряде работ, посвященных прямо или косвенно теме восстания. В его произведениях этого рода сказывается довольно сильное влияние Ю. Грасси, в рисунках дает о себе знать общее почти для всех польских художников периода 90-х гг. влияние Норблена. Однако Войняковский обладал достаточно сильной индивидуальностью и смог, преодолев эти влияния, овладеть совершенно своеобразным и цельным по художественным особенностям стилем.

Будучи портретистом, он обратился в первую очередь к образу Т. Костюшки и создал один из самых популярных портретов вождя восстания. Костюшко он написал в образе «Начальника», изобразив вождя борющейся нации. Подчеркнуты демократические устремления Костюшки — он одет в белый сюртук краковских крестьян и фригийский колпак (несколько наивная, но вполне прозрачная аллегория). Некрасивое, но одухотворенное лицо Костюшки исполнено решимости и душевного подъема: с саблей в руке, он как бы клянется в верности Польше. Момент присяги Костюшки был одной из излюбленных тем в польском искусстве того времени; но если обычно изображалось само историческое событие, то

К. Войняковский.
Портрет Т. Костюшки.

Масло. 1794 г.

здесь налицо попытка передать душевное состояние человека, посвящающего себя служению высоким патриотическим идеалам. Однако индивидуальные черты живого человека здесь несколько растворяются в образе идеального героя, что вообще мало свойственно Войняковскому, и придает портрету известную отвлеченность. Правдивость портретной характеристики, романтически возвышенный стиль произведения и его патриотичность сделали эту работу Войняковского широко известной и любимой народом.

Не менее интересной частью творчества Войняковского нам представляются его рисунки, в которых трагические события, связанные с концом независимой Польши, появляются в сильно опосредованной, как бы пропущенной через личное чувство форме. Войняковский никогда не изображает события восстания со спокойной трезвостью и интеллектуальным холодком Норблена. Он уже в го-

раздо большей степени человек и художник нового времени (в чем он опять-таки сближается с Орловским), внесший в свои произведения страсть, раскрывший душу для целого мира эмоций, то нежных, то задумчивых, то романтически бурных. Работы Орловского тоже всегда одушевляет чувство, но чувство несколько однообразной эмоциональной силы, когда художник играет как бы на одной и той же струне, играет сильно, с риском ее оборвать (не отсюда ли происходит отчасти свойственная порой Орловскому некоторая грубость и прямолинейность как в характере эмоций, так и в способе их выражения?).

В сравнении с ним Войняковский располагает гораздо более тонкой и многообразной гаммой настроений, эллигических по преимуществу, украшенных блестками утонченного, но не манерного чувства, перемежающихся вспышками истинной страсти. Может быть, сама направленность творчества, жанр портрета сделали Войняковского особо чутким к полутонам настроений и скрытому, прорывающемуся порой кипению темперамента.

Герои рисунков Войняковского — это, собственно, герои чувствительных романов и сентиментальной поэзии того времени — красивые и мечтательные, населяющие храмы уединения в волшебно-простых английских парках, начинавших в это время входить в моду (например, «Аркадия» Радзивиллов). Но мир чувств, охвативший их, — мир мятежный, взволнованный, тревожный, в котором звучат отголоски трагических событий 90-х годов. Женщина, плачущая над портретом утраченного ею любимого, толпа молящихся, в порыве отчаяния и последней надежды обращающаяся к богу, скиталец, умирающий у порога дома, наконец, женщины, бегущие с детьми из горящей Праги (название рисунка

К. Войняковский. «Прага взята».
Тушь. 90-е годы XVIII в.

гласит: «Прага взята») ³⁶, — таковы образы его рисунков, всегда, впрочем, сохраняющие особую поэтичность.

По документальной точности изображения действительных событий рисункам Войняковского далеко до работ Норблена или даже Орловского, но в них находит воплощение мир как бы раскованных чувств, все смелее входящий в искусство. Это показывало, насколько Польша была близка к передовым, ведущим направлениям в искусстве эпохи, и это свидетельствовало о том, что определенное отставание в области культуры, вызванное особыми условиями предшествующей эпохи, было преодолено полностью.

* * *

Характеристика темы восстания и вместе с тем обзор важнейших направлений в польском искусстве конца XVIII в. были бы очень неполными без характеристики творчества Ф. Смуглевича — художника, пользовавшегося при жизни громкой славой, значительно померкнувшей, однако, в глазах потомков. Смуглевич в неменьшей степени, чем Норблен, которому он совершенно противоположен во всех основных принципах своего творчества, был связан с идеологией передовых кругов общества, с их позицией в области искусства. Позиция же эта, сохраняя последовательное неприятие форм, завещанных предыдущей эпохой (что было очень характерно для ведущих польских просветителей), сводилась к попыткам создать в Польше искусство гражданственное, морализующее, способное, воплощая высокие идеалы, воспитать и морально преобразить общество.

Творчество Смуглевича и оказалось в известной мере реализацией этих чаяний и надежд, и расцветало под непосредственным и заботливым попечительством Г. Коллонтая. Это не мешало Смуглевичу быть придворным художником короля и его стипендиатом; многие работы его возникали под прямым воздействием Станислава Августа. Но Смуглевич никогда не был только придворным мастером, и идейный диапазон его творчества был гораздо шире и прогрессивнее. Смуглевич действительно стремился после своего приезда в Польшу из Рима (где он проработал 20 лет в тесной связи с мастерской Р. Менгса, обучаясь у А. Марона, находясь в орбите идей Винкельмана) создать произведения, отражающие передовые идеалы своего времени. Он писал портреты, в том числе групповые портреты-апофеозы прославленных польских родов (например, портрет семьи Прозоров), иллюстрировал знаменитую «Историю народа польского» Нарушевича, пытался воспроизвести главные события современности, в том числе события национально-освободительного движения.

В этих последних работах, где художник старался воплотить высокие патриотические идеи в воспринятую у Менгса классицистическую, идеальную форму, часто наблюдается отсутствие цельности, известный разрыв между отдельными, частными реалистическими деталями и общим стилем картины, отличающимся броским пафосом.

Люди на картинах Смуглевича усиленно жестикулируют, рассуждают, демонстрируют, но редко действительно являют порыв живого чувства. Последнее совершенно несвойственно рассудочному творчеству Смуглевича, и этим он резко очерчивает свой творческий предел: все идеалы преромантизма остаются чуждыми ему. Но то же стремление к большому гражданственному искусству характеризует творчество Смуглевича как художника нового типа, стремящегося полнее отразить общенациональные идеалы.

Героическая аскеза и огромный пафос революционных полотен Л. Давида были несколько чужды Смуглевичу (не говоря уже о разнице самого

³⁶ Собрание Кабинета изобразительных искусств при Библиотеке общественных наук УССР (Львов), рис. № 2496.

таланта), в многоречивой пышности и витиеватой риторичности полотен которого скрывались отголоски барочных приемов, тогда еще очень сильных в Польше.

В произведениях Смуглевича, посвященных событиям освободительной борьбы, в центре внимания оказался образ Костюшки. Не в пример Норблену, классицист Смуглевич всегда искал героя, который явился бы средоточием высоких моральных идеалов.

Обращаясь к теме восстания, Смуглевич в привычной для него полу-аллегорической форме старался показать не только реальную сцену, но и скрытый от людей внутренний смысл событий, а это в свою очередь помогало ярче провести ставшую столь популярной мораль высоко нравственного или патриотического содержания.

«Присяга Костюшки на краковском рынке»³⁷ — излюбленная тема большинства картин, посвященных восстанию 1794—1795 гг. Смуглевич трактует ее следующим образом: на обширном, заполненном толпой народа рынке, перед торжественно выстроившимися войсками Костюшко произносит присягу. Композиция картины построена по принципу широко открытой перед зрителем сцены, в центре которой стоит Костюшко среди своих генералов (группа эта написана очень свободно, лица генералов портретны, переданы живо и реалистически). Непосредственно перед Костюшкой художник поместил аллегорическое изображение Польши, которой он присягает. Она изображена в виде статуи женщины в античной одежде с оковами на руках. Лицо полно величавой грусти. Порабощенная и униженная родина зримо присутствует, таким образом, при величайшем национальном событии — при провозглашении освободительного восстания.

Существует и другая композиция, «Польша в оковах», — произведение, пожалуй, более художественно цельное (хотя и более отвлеченное), где перед аллегорической статуей Польши, скопированной с предыдущей картины³⁸, изображены три сословия, олицетворенные шляхтичем, горожанином и крестьянином, клянущиеся в верности Родине. Провозглашение идей сословного равенства в живописи было новым и прогрессивным событием.

Интересно, что в этих последних картинах Смуглевича отвлеченные, аллегорические образы несли в себе большую идейную насыщенность, подобно тому, как это было во французском искусстве. Аллегория Польши не привнесена в картину ради украшения или отвлеченной морализации, она воспринимается как органичная часть, является воплощением патриотических идеалов народа, призывает к подвигу во имя новой, принадлежащей всем сословиям родины. Крестьяне, горожане и шляхта равны перед ее лицом; Родина равно взывает ко всем. Крестьяне могут служить примером остальным сословиям. Эпизод из битвы под Рацлавицами, изображенный на заднем плане картины, как бы иллюстрирует слова современника: «Простой народ, ничего не имея, приносил в жертву родине свою жизнь», и должен вдохновить всех на новые подвиги.

Эти картины Смуглевича (он повторял их несколько раз, как и «Смерть Ясиньского» или «Сессия четырехлетнего сейма») — огромный шаг вперед в развитии гражданственного содержания в искусстве, отражения им наиболее актуальных событий реальной жизни. Патриотические аллегории Смуглевича являются одной из идейных вершин польского искусства тех лет.

³⁷ Воспроизведено у М. Порембского (указ. соч., стр. 59).

³⁸ Интересно отметить, что на пьедестале статуи изображена Корнелия, подающая щит сыновьям.

Таким образом, тема национального освобождения, как мы видим, сыграла огромную роль в развитии творчества целого ряда художников, очень несходных между собой, следующих различным художественным принципам.

Конечно, наш обзор художников, разрабатывавших эту тему, очень ограничен. Она возникала в работах многих других мастеров — таких, как Ян Богумил Плерш, Зыгмунт Фогель и др. Но в творчестве этих художников разбираемая нами тема не была определяющей, она оживала в момент патриотического воодушевления и лишь подчеркивала его силу. Все это говорит о том, какое большое формирующее значение сыграл период 80—90-х годов в сложении основ польской художественной школы. Патриотический подъем ускорил обращение искусства к темам реальной действительности, придал искусству остроту патриотического одушевления, волнения, борьбы. Тема освободительного движения, отраженная в польском искусстве тех лет, является предвестьем ее развития, определяющего судьбы польского искусства в XIX в.

А. И. Бортник

(Воронеж)

ПЕТРАШЕВЦЫ И ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Русско-польский революционный союз, начало которому положили декабристы, укрепляли и расширяли русские и польские революционеры 30—40-х годов XIX в. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и петрашевцы подходили к этому союзу с позиций своей формировавшейся революционно-демократической идеологии.

Положение в Польше и польское национально-освободительное движение вызывали сочувствие петрашевцев. Об исключительно большом интересе их к польским делам свидетельствует, в частности, подбор литературы в их библиотеке. В следственных материалах имеются списки книг, выписанных петрашевцами через книгопродавцов из-за границы. Пятнадцать книг в этом списке — о Польше¹. Среди них «История революции в Польше» Л. Мерославского, «Конституция Царства Польского 1791 г.», книга Накваского об отмене унии в западноукраинских землях России, «Польский вопрос» Гуровского, книга Распайля «Польша на берегах Вислы и в эмиграции в 1839 г.» и др.

Перечисленными в списках книгами, разумеется, не исчерпывается литература по польскому вопросу, имевшаяся в библиотеке петрашевцев и вообще использованная ими. Так, например, шпион П. Д. Антошелли доносил, что однажды при посещении им М. В. Петрашевского петрашевец М. Н. Чириков принес взятый им для прочтения первый том «Истории Польши и ее революции» Р. Солтыка и просил второй том этого сочинения². На Солтыка, как историка польского восстания 1830 г., наряду с Л. Мерославским, обратил внимание петрашевец Г. П. Данилевский. Он же сделал ряд выписок о ноябрьском восстании 1830 г. из сочинения Л. Блана «История 10 лет», кстати сказать, также не указанного в списках книг петрашевцев среди следственных материалов, но читавшегося петрашевцами³. В бумагах М. В. Петрашевского, взятых у него при обыске, найдена выписка из произведений Мицкевича⁴. Стихотворение Мицкевича «Русским друзьям» вместе с переводом на русский язык обнаружено в бумагах Н. А. Момбелли. Петрашевец П. А. Кузьмин читал, как это

¹ «Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 559—577; «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 729—746.

² «Дело петрашевцев», т. III, стр. 336, 397.

³ Там же, стр. 336. Г. П. Данилевский, в то время студент Петербургского университета, был распропагандирован В. П. Катеневым из группы А. Д. Толстова и А. В. Ханькова. Он был знаком также с Н. Г. Чернышевским. В указателе к первому тому Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского он ошибочно выдан за Н. Я. Данилевского, известного впоследствии реакционера, неославянофила.

⁴ В. И. Семеновский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922, стр. 13.

видно из его дневника, записки главноуправляющего путями сообщения России, участника подавления восстания 1830 г. К. Ф. Толя⁵. Н. А. Спешнев был знаком с сочинением польского философа и революционера Г. Каменского «Философия материальной экономии человеческого общества», которое подверг критике в письмах к Э. Хоецкому. И. Л. Ястржембский изучал сочинения польского экономиста А. Цешковского⁶ и т. д. Следует также заметить, что Н. Г. Чернышевский, сблизившийся с петрашевцами группы А. В. Ханькова, также интересовался польской литературой, первоначально, по-видимому, в плане занятий славяноведением под руководством профессора И. И. Срезневского, а в дальнейшем в связи со своими политическими взглядами и сочувствием польскому освободительному движению. В развитии этих взглядов Н. Г. Чернышевского немалую роль сыграло сближение его с петрашевцами А. В. Ханьковым, И. М. Дебу, П. Н. Филипповым, А. Д. Толстовым, принадлежавшими к революционно-демократическому ядру петрашевцев. О занятиях Н. Г. Чернышевского польской литературой свидетельствуют его записи в дневнике. Из этих записей видно, что он читал и переводил на русский язык произведения польских писателей, а в одной записи в дневнике отмечено: «Списал польские гимны...»⁷

Более или менее систематическую информацию о положении в Польше и польском национально-освободительном движении петрашевцы получали из иностранных газет, которые они читали. Так, например, М. В. Петрашевский, отвечая на один из вопросов следственной комиссии, заявил, «что во французских газетах, равно как и немецких и английских, читал я неоднократно утверждения, что действительно много поляков находится в Сибири»⁸.

Некоторую информацию о Краковском восстании 1846 г. и о связанном с ним национально-освободительном и антикрепостническом движении в Галиции и в Царстве Польском петрашевцы могли получать через М. Е. Салтыкова-Щедрина, который служил с лета 1846 г. в канцелярии Военного министерства, а в августе того же года был причислен в качестве «чиновника для усиления» к «особому» или «временному», отделению, ведавшему делами, связанными с Краковским восстанием. При этом М. Е. Салтыков «занимался по 2-му столу», через который проходили дела «по политическим обстоятельствам», в отличие от 1-го стола, где сосредоточивалось делопроизводство «по военным мероприятиям»⁹.

Наконец, петрашевцы, несомненно, получали сведения о польском движении от поляков, входивших в кружки петрашевцев, в свою очередь получавших эти сведения через приезжавших в Петербург соотечественников. Да и сами поляки-петрашевцы ездили в Литву и Польшу и переписывались со своими родственниками и знакомыми, проживавшими на родине¹⁰.

Вопрос о положении в Польше обсуждался на собраниях петрашевцев, и в следственные материалы попали их высказывания. Понятно, что следственной комиссии удалось выудить лишь незначительную часть того, что говорилось у петрашевцев о польском национально-освободительном движении. Это подтверждается частично тем, что доносил Анто-

⁵ «Дело петрашевцев», т. II. М.—Л., 1941, стр. 249.

⁶ Там же, стр. 203.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 123, 256, 261, 262 и др. Какую-то роль в развитии интереса Н. Г. Чернышевского к польскому освободительному движению сыграла, по-видимому, его дружба с В. И. Лободовским, ранее бывшим студентом Харьковского университета. У В. И. Лободовского были товарищи среди поляков, о которых он рассказывал Н. Г. Чернышевскому.

⁸ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 158.

⁹ С. А. Макаши. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. М., 1949, стр. 152, 515.

¹⁰ См., напр., «Дело петрашевцев», т. II, стр. 218, 275; т. III, стр. 431.

нелли о последних двух-трех месяцах своих посещений «пятниц» и о встречах с отдельными петрашевцами. Причем этот источник не был, конечно, сколько-нибудь полным, ибо провокатор не мог много выспрашивать, чтобы не вызвать подозрений. Более серьезными уликами были найденные при обысках во время арестов в бумагах петрашевцев случайно сохранившиеся рукописи, в которых имеются, в частности, высказывания о Польше ¹¹.

Из донесений Антонелли, который побывал только на семи последних «пятницах» М. В. Петрашевского, известно, что вопрос о Польше обсуждался на одном из этих собраний 8 апреля 1849 г. Это донесение подтверждено показаниями некоторых петрашевцев и позднейшими воспоминаниями И. Л. Ястржембского ¹². На собрании у Н. А. Момбелли 16 декабря 1846 г. в очевидной связи с Краковским восстанием 1846 г. выступал А. И. Макшеев с рефератом «Польская революция». Сам Момбелли, выступая с рефератом на собрании 14 октября 1846 г. и давая в нем анализ международного положения, резко осудил «представителей деспотизма» — крепостническо-самодержавную Россию и Австрию — за «самовольное уничтожение» Краковской республики ¹³. Еще раньше, в 1844 г., познакомившись с польским офицером Ленцем, он записал в своем дневнике подробный рассказ этого офицера о польском восстании 1830 г. ¹⁴, который и использовал, по-видимому, как материал для обсуждения польского вопроса на собраниях.

Вопрос о Польше решался петрашевцами в духе их взглядов по национальному вопросу вообще, т. е. в духе уважения прав всех народов, признания суверенитета каждого народа, права на самоопределение наций, в духе идеи дружбы, союза и братского сотрудничества всех народов. «Всякий народ должен управляться сам собою, быть сам властелином», — говорил М. В. Петрашевский в беседе с Антонелли ¹⁵. Еще в 1840 г. М. В. Петрашевский высказал в цитированной выше записке мысль о том, что государства должны быть основаны по народам и каждое государство должно вмещать один народ. По-видимому, сама эта мысль, хотя и в общей форме, была вызвана размышлениями прежде всего о борьбе польского народа за свою независимость. В другой записке, относящейся к 1841 г., М. В. Петрашевский уже прямо говорит о Польше в связи с вопросом о содержании большого количества войск, чтобы держать в подчинении угнетенные народы. «Если вывести войско из Польши, — пишет он, — то сколько выиграет этим денег и увеличится русская армия?» ¹⁶. И на допросе в следственной комиссии М. В. Петрашевский заявлял, что он высказывал «мысли о том, что со временем нужда в военной силе может уменьшиться и даже самое войско исчезнуть» ¹⁷. Он считал, что это осуществится в условиях полной демократизации общественного строя, представления о котором у М. В. Петрашевского и петрашевцев строились в соответствии с их утопическо-социалистическими взглядами.

Подчеркивая необходимость ведения пропаганды революции в различных слоях народа, М. В. Петрашевский указывал, что вести ее также нужно среди представителей различных национальностей, в частности, среди поляков для подготовки восстания в Польше ¹⁸. Он всячески приветствовал участие в этой работе студента-поляка из училища правоведения, в котором вели пропаганду петрашевцы. Этот студент в беседе с товарищами высказывался за «восстановление Польши». Позже по доносу агента

¹¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 12.

¹² Там же, т. II, стр. 221; т. III, стр. 165.

¹³ Там же, т. I, стр. 287.

¹⁴ Там же, стр. 264—271.

¹⁵ Там же, т. III, стр. 385.

¹⁶ Там же, т. I, стр. 548.

¹⁷ Там же, стр. 161.

¹⁸ Там же, т. III, стр. 386.

он был арестован и сослан в Оренбург в арестантские роты. М. В. Петрашевский следил за ходом возбужденного по этому поводу дела и высказывал свое возмущение зверской расправой со студентом-поляком¹⁹.

В духе признания права Польши на самоопределение и независимость высказывался Н. А. Момбелли. Он с сочувствием писал, что поляки, «несмотря на всю бедственность настоящего положения, еще надеются, и не без основания, на возвращение своей независимости»²⁰. Занося в дневник известия об аресте Т. Г. Шевченко и других членов Кирилло-Мефодиевского общества на Украине, выражая им искреннее и глубокое сочувствие, Н. А. Момбелли писал о предполагаемом плане Т. Г. Шевченко и его последователей «возбудить» революционной пропагандой восстание на Украине и высказывал свое убеждение, что это восстание поддержала бы и Польша. «С восстанием же Малороссии,— писал Н. А. Момбелли,— зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие»²¹. Момбелли перевел на русский язык стихотворение А. Мицкевича «К русским друзьям». Этим он выражал свое высокое уважение к великому польскому поэту, к памяти декабристов и к их союзникам и друзьям полякам, продолжая, таким образом, традиции заключенного ими русско-польского революционного союза. Сам Н. А. Момбелли был в дружеских отношениях со многими поляками и, очевидно, знал польский язык²².

Н. А. Спешнев, сблизившийся за границей с польскими эмигрантами²³, первоначально также полагал, что революция в России начнется с восстания в ее западной части. В показаниях следственной комиссии он называл таким местом Волынь, но имел в виду, по-видимому, прежде всего Польшу. Он говорил, что «Черносвитов расспрашивал его о плане действия; по отзыву же его, Спешнева, что плана собственно еще нет, что он зависит от случая и что теперь на Волыни не так смирно, Черносвитов сказал, что восстания должно ожидать не на Волыни, ибо там войска много ...»²⁴. Оценка Р. А. Черносвитовым положения на Волыни соответствовала действительности, так как Волынь и Польша в 1848 г. были наводнены царскими войсками; там фактически было введено военное положение, и это воспрепятствовало распространению восстания, начавшегося на польских землях, входивших в состав Пруссии.

По возвращении из-за границы Н. А. Спешнев поддерживал связь с польскими эмигрантами посредством переписки с Э. Хоецким. Из писем его к Э. Хоецкому видно, что он знал польский язык, следил за развитием польской общественно-политической мысли, в частности, читал произведения польского философа и революционера Г. Каменского, сосланного в 1846 г. в Вятку. В своих письмах к «польскому товарищу» (Э. Хоецкому) Н. А. Спешнев подверг критике идеалистическую основу взглядов Г. Каменского, обнаружив при этом свое знакомство с сочинением

¹⁹ «Петрашевцы. Сборник материалов», т. 3. Под ред. П. Е. Щеголева. М.— Л., 1928, стр. 25; «Дело петрашевцев», т. III, стр. 399, 407.

²⁰ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 287.

²¹ Там же, стр. 312.

²² Там же, стр. 296.

²³ В книгах В. Ф. Ратча «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 гг.» (Вильна, 1866) и «La question polonaise dans la Russie occidentale» (Paris, 1869), революционные убеждения Н. А. Спешнева объясняются его сближением с поляками и польской эмиграцией. В действительности дело обстояло иначе. В докладе генерал-аудиториата по делу петрашевцев о Н. А. Спешневе говорится: «Направлением же своим он обязан своим убеждениям, а убеждения свои приобрел только прилежным изучением сочинений других и потом собственным соображением и умозаключением». И дальше сказано, что эти убеждения у него сложились вскоре по выходе из лицея, после которого Н. А. Спешнев еще учился в Петербургском университете («Петрашевцы», стр. 70).

²⁴ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 488.

К. Маркса «Нищета философии»²⁵. Критикуя Каменского и в какой-то мере разделявшего его взгляды Э. Хоецкого, Н. А. Спешнев в то же время обосновывал необходимость «соглашения с целью определенных действий» представителей различных направлений в освободительном движении, обращая преимущественное внимание на партийные, а не национальные различия или родство направлений²⁶.

Выше было отмечено, что у Г. П. Данилевского были найдены при аресте и обыске выписки из «Истории 10 лет» Луи Блана о польском восстании 1830—1831 гг., свидетельствующие как об интересе, так и о сочувствии этого петрашевца к польскому восстанию. В одной из этих выписок речь идет о подготовке восстания в тайных политических обществах Польши, в другой, являющейся выдержкой из манифеста польского сейма, подчеркивается значение польского движения для европейской демократии: «...Верные поляки своею смертью хоть на миг укажут глазам Европы ее угрожаемую свободу». Есть выписка из прокламации сейма, представляющая собой призыв к восстанию, и др.²⁷

Сочувствие петрашевца Ф. Г. Толя освободительному движению Польши видно из следующего факта, ставшего известным из доноса Антонелли, на который обратила внимание следственная комиссия: «Толь хотел пригласить на новоселье к Антонелли, 17 апр., несколько человек от себя и в том числе одного поляка Кимпинского, который, по словам его, предан своему отечеству до невозможности»²⁸. Заметим при этом, что Ф. Г. Толь не только «хотел пригласить», но и пригласил Кимпинского, который и был вместе с Толем по его приглашению у Антонелли на новоселье. Из доноса Антонелли видно, что они держали себя осторожно, тем не менее Антонелли отметил, что они «говорили несколько вольно»²⁹. Дружеское и участливое отношение Ф. Г. Толя к представителям польского освободительного движения видно также из поведения его на допросе, где он старался скрыть «восторженные выходки в пользу Польши» И. Л. Ястржембского, об одной из которых стало также известно следственной комиссии из доноса Антонелли³⁰.

Петрашевцы были убеждены, что борьба Польши за свободу не противоречит освободительному движению в других странах, а, наоборот, является его составной частью. Это проявилось, в частности, в высказывании И. Л. Ястржембского на одном собрании петрашевцев и в их сочувственном отношении к этому высказыванию. Как доносил Антонелли, Ястржембский на этом собрании говорил, что он поляк душой и телом, что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый бы одним взмахом топора отрубил ей голову³¹. На допросах в следственной комиссии по поводу этого высказывания И. Л. Ястржембского петрашевцы старались защитить его, отрицая самую возможность такого высказывания Ястржембского или смягчая его. Например, согласно показанию Н. С. Кашкина, Ястржембский говорил, что он «ни к какому народу ненависти не питает, а что, напротив, хотя он и любит Польшу, как отечество свое, всею душою, но если бы гибель Польши была необходима для счастья всех других народов, то он готов первый принести топор на отсечение главы ее»³². В этих решительных словах выражалась уверенность И. Л. Ястржембского

²⁵ В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 199.

²⁶ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 489, 492.

²⁷ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 355—356.

²⁸ Там же, т. II, стр. 173; т. III, стр. 436.

²⁹ Там же, т. III, стр. 439, 440.

³⁰ Там же, т. II, стр. 184.

³¹ Там же, т. III, стр. 431.

³² Там же, т. II, стр. 215.

и других петрашевцев в том, что не гибель независимости Польши, а, наоборот, ее успешная борьба, как и борьба других народов за свою свободу, необходима для счастья всех народов. О непреклонной воле революционеров Польши к победе в справедливой борьбе за свободу сочувственно говорил петрашевец А. П. Баласогло и выразил уверенность, что в будущем результатом этой борьбы будет братство народов³³.

М. Е. Салтыков-Щедрин, прошедший первую политическую школу под руководством М. В. Петрашевского сначала в лицее, а потом в кружке, в вопросе об отношении к польскому национально-освободительному движению разделял общую позицию основной группы петрашевцев, к которой он принадлежал. Высланный в 1848 г. в Вятку, он вступил там в связь с ссыльными поляками, среди которых был Г. Каменский³⁴. Позже, во время восстания 1863 г., М. Е. Салтыков-Щедрин в одной из публикаций в «Современнике» заявил об этой своей позиции, заклеил верноподданничество и лжепатриотизм российских либералов и обратился с теплым, обнадеживающим словом к полякам³⁵.

Среди ближайших друзей И. Л. Ястржембского были петрашевцы А. И. Пальм и С. Ф. Дуров. О Дурове П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посещавший «пятницы» Петрашевского, писал в воспоминаниях, что он был «революционером, т. е. человеком, желавшим провести либеральные реформы путем насилия»³⁶. В период восстания 1863 г., когда, по выражению В. И. Ленина, вся орава русских либералов отхлынула от Герцена, выступившего в защиту Польши, С. Ф. Дуров остался верен позиции петрашевцев и откликнулся на эти события стихотворением «Что миг — то новые удары». В нем он, несмотря на поражение восстания и всего революционного движения 60-х годов, выразил уверенность, что дело, начатое революционерами той поры, не пропадет, что

Для пышных жатв готово поле,
И пахарь добрый есть у нас...

В другом стихотворении, относящемся к этому же времени, он говорил, что «...есть в народе силы создать все то, чего мы не могли», что дадут свои всходы посеянные петрашевцами и революционерами 60-х годов семена «народности, свободы и добра»³⁷. Отношение петрашевцев к польскому национально-освободительному движению с революционно-демократических позиций было предпосылкой для сотрудничества их с поляками в революционной пропаганде и для участия поляков в кружках петрашевцев. С другой стороны, участие поляков в кружках петрашевцев свидетельствовало об отходе некоторой части деятелей польского освободительного движения от шляхетско-и буржуазно-националистической позиций, об усвоении ими революционно-демократической и социалистической идеологии.

В кружки петрашевцев входили поляки: И. Л. Ястржембский, помощник инспектора классов и преподаватель политэкономии и социологии в Технологическом институте и в других учебных заведениях Петербурга, Н. А. Кашевский, чиновник Морского министерства, пианист и учитель музыки, А. Т. Мадерский, из однодворцев Каменец-Подольской губ., вольнослушатель Петербургского университета³⁸, Е. А. Марцыновский,

³³ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 89.

³⁴ Н. А. Белоголовой. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, стр. 232; С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 380.

³⁵ В. Я. Кирпотин. Проблема революции и организации революционеров в публицистике М. Е. Салтыкова-Щедрина 1863—1864 годов. «Вопросы истории», 1954, № 11, стр. 49.

³⁶ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. I, стр. 194.

³⁷ «Поэты-петрашевцы». Л., 1957, стр. 172, 173.

³⁸ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 9, д. № 55, ч. 119, л. 266.

чиновник департамента железных дорог ³⁹, И. С. Понятовский, чиновник департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ ⁴⁰, К. Я. Витковский, чиновник заемного банка, В. О. Войцеховский, чиновник Главного архива Министерства иностранных дел и др.

Кроме того, многие петрашевцы, поляки и неполяки, были связаны со своими родственниками, товарищами и знакомыми из Польши. Выше упоминалось о связи Н. А. Спешнева с польскими эмигрантами посредством переписки с Э. Хоецким. Жена Н. А. Спешнева была полькой, и он поддерживал связь с ее братьями, из которых двое были в эмиграции, а один проживал в Белоруссии. Кроме того, двоюродный брат жены Спешнева Владимир Цехановецкий, кандидат Петербургского университета, был связан с петрашевцами и, по-видимому, также с Н. А. Спешневым.

Ф. Г. Толь, как отмечалось, был в дружбе с польским патриотом Кимпинским, Д. Д. Ахшарумов переписывался с семейством Вольховских, проживавших в Варшаве ⁴¹. И. Л. Ястржембский был связан со многими поляками, из которых он называет в своих показаниях подполковника путей сообщения Мрочковского, чиновника Военного министерства Франца Козловского, помещика Минской губ. Гаусмана. Он встречался со многими польскими офицерами ⁴² и переписывался со своими родственниками в Польше, Н. А. Момбелли был в дружеских отношениях с польскими офицерами Ленцем, Варским, Высоцким и др. Вместе с Головинским и Барановским в сенате служил еще один петрашевец, «образованный поляк», о котором пишет в своем дневнике Н. Г. Чернышевский. Много поляков было в учебных заведениях, где вели пропаганду петрашевцы.

Оказавшись после разгрома в ссылке, петрашевцы сблизились там со ссыльными поляками. А. В. Ханыков, В. А. Головинский, А. Н. Плещеев, П. Г. Шапошников, попавшие в оренбургскую ссылку, вступили там в дружеские отношения с Зыгмунтом Сераковским, Брониславом Залеским, Якубом Гордоном, Юлианом Ясенчиком, Желиговским («Совой»), Аркадием Венгжиновским и др. М. Е. Салтыков-Щедрин, как указывалось, сблизился с ссыльными поляками в Вятке. Бр. Залеский в своих воспоминаниях пишет о петрашевцах, что поляки «с ними очень скоро пришли к взаимопониманию» ⁴³.

Посредством этих связей революционно-демократические и социалистические идеи петрашевцев распространялись среди поляков и оказывали влияние на польское революционное движение. В духе материализма, атеизма, революционного демократизма и утопического социализма вел пропаганду среди поляков сам М. В. Петрашевский. В докладе генерал-аудиториата на основании признания А. Т. Мадерского отмечено, что Петрашевский, «железя перевоспитать его, начал с того, что стал разрушать его религиозные верования и поселять в нем дух либерализма и

³⁹ Там же, ч. 97, л. 5.

⁴⁰ Там же, ч. 72, л. 8.

⁴¹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 129.

⁴² И. Л. Ястржембский. Мемуар петрашевца. «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 30.

⁴³ Br. Z a b s k i. Wygnańcy polscy w Orenburgu. «Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Pażyżu», Paris, 1867, стр. 104.

Исключение представляет Ф. М. Достоевский, у которого оказались расхождения с поляками, бывшими вместе с ним на каторге. Правда, в том, что пишет Достоевский о поляках в «Записках из Мертвого дома», нет ничего недоброжелательного и скорее там выражено сочувствие им, но Ш. Токажевский в своих воспоминаниях («Sedem lat Katorgi, Pamiętniki Szmona Tokarzewskiego», Warszawa, 1907) дает резко отрицательный отзыв о Ф. М. Достоевском. Объясняется это, с одной стороны, тем, что Достоевский действительно отходил от демократических позиций, в частности, в национальном вопросе, еще в кружке петрашевцев он не разделял философско-материалистических взглядов революционной группы петрашевцев; с другой стороны, и сам Токажевский, и его товарищи были проникнуты шляхетским национализмом, например, считали Украину, Вольнь, Подолию, Литву польскими землями, а не украинскими и литовскими.

социализма»⁴⁴. М. В. Петрашевский посещал поляков Е. А. Марцыновского и И. С. Понятовского. В свою очередь они бывали на его «пятницах». М. В. Петрашевский оказал большое влияние и на И. Л. Ястржембского.

С материалистической и атеистической позиций Н. А. Спешнев в своих письмах к Э. Хоецкому критиковал взгляды Г. Каменского и самого Э. Хоецкого. Этим он содействовал начавшемуся преодолению в польском революционном движении религиозно-мистической и идеалистической идеологии.

Среди поляков такую же пропаганду вели и другие петрашевцы. Со слов своего родственника, служившего в сенате, Н. Г. Чернышевский записал в дневник, что «образованный поляк, с которым служит он, толковал ему о праве на собственности (французский вопрос, коммунизм ...)⁴⁵. Этот распропагандированный петрашевцами «образованный поляк», участник их «собраний», служил в сенате, как сказано выше, вместе с другими петрашевцами, среди которых был В. А. Головинский, блестящий пропагандист, входивший в руководящую группу петрашевцев, приговоренных первоначально к расстрелу.

Из петрашевцев-поляков самым выдающимся был И. Л. Ястржембский, вошедший в основную, руководящую группу петрашевцев и оказавшийся первоначально также в числе приговоренных к расстрелу. Он усвоил и пропагандировал все основные идеи петрашевцев. По философским взглядам И. Л. Ястржембский был материалистом и атеистом⁴⁶. О богословии он говорил, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клубков⁴⁷. И. Л. Ястржембский восторженно одобрял письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, читавшееся на собрании петрашевцев. Он стал на классовую точку зрения в вопросе о путях освобождения Польши, связывая его с освобождением угнетенных классов. Следственная комиссия обратила внимание на заявление И. Л. Ястржембского о том, что если бы он видел, что «бедные классы» страдают и в освобожденной Польше, то он отказался бы от этой своей душевной мысли⁴⁸.

Вслед за М. В. Петрашевским, И. Л. Ястржембский называл царя богдыханом. Как-то в разговоре с извозчиком в ответ на жалобу последнего на оброк и сечение розгами спросил его: «Сколько вас у барина?» — Извозчик отвечал, что 800. Ястржембский сказал: «Вот как бы каждый из вас дал по колотушке барину, так вот и не надо было бы платить оброк, да и дозонов-то нечего было бы вам бояться ...»⁴⁹.

На собраниях петрашевцев А. Л. Ястржембский читал рефераты по политической экономии в свете домарковского, утопического социализма. Однако, по-видимому, знакомство петрашевцев с «Нищетой философии» К. Маркса, имевшейся в их библиотеке, обусловило отрицательное отношение их к Прудону. Согласно доносу Антонелли, на одном собрании петрашевцев И. Л. Ястржембский и М. В. Петрашевский, отмечая кое-что положительное у Прудона, «бранили и находили недостатки у него»⁵⁰.

И. Л. Ястржембский, по воспоминаниям его учеников, был прекрасным педагогом-пропагандистом, оказывавшим большое влияние на своих слушателей. Один из его учеников по дворянскому полку, писатель М. И. Венюков, вспоминал, что И. Л. Ястржембский очень ловко умел возбудить «глубокое негодование на общественные порядки, при которых

⁴⁴ «Петрашевцы», стр. 20. Под «либерализмом» царские чиновники разумеют здесь революционные идеи. М. В. Петрашевский и петрашевцы отмежевывались от либерализма (см. напр., «Дело петрашевцев», т. I, стр. 92, 93, 95; т. II, стр. 91 и др.).

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 238, 239.

⁴⁶ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 212.

⁴⁷ Там же, стр. 213.

⁴⁸ Там же, стр. 217.

⁴⁹ Там же, стр. 213.

⁵⁰ Там же, стр. 212.

бедный и слабый сполна принесены в жертву сильному и богатому». Он разоблачал буржуазное и царское законодательство, которое «покровительствует стяжанию и карает всякую попытку имущественной нивелировки». С чуть заметным сарказмом И. Л. Ястржембский говорил, что «по науке и закбну бедность есть порок» и что «он чувствует себя кандидатом в преступники всякий раз, когда у него в кармане остается всего один четвертак». Он высмеивал теорико божественного освящения царской власти. «Сущие власти от бога учреждены суть», — говорил он и добавлял, что все же «из арсенала они имеют оружие, чтобы смирать противляющихся повелениям божим, которые приходят к нам за подлежащими мерами через начальство»⁵¹.

Среди учеников И. Л. Ястржембского были поляки, вышедшие из дворянского полка офицерами. Ястржембский продолжал с ними встречаться, выезжал к ним в Красносельский лагерь и проводил среди них пропаганду идей петрашевцев⁵².

Пропаганду в учебных заведениях вели также другие преподаватели-петрашевцы: Ф. Г. Толь — в школе военных кантонистов, Главном инженерском училище и в других частных пансионах, Ф. Н. Львов — в Павловском кадетском корпусе, Милюков — в Дворянском полку, во 2-й Петербургской гимназии, в Сиротском институте, Белецкий — в 1-ом и 2-ом кадетском корпусах; связанный с петрашевцами через А. П. Милюкова и А. В. Ханькова Введенский — в Дворянском институте и Артиллерийском училище.

В учебных заведениях вели пропаганду среди учащихся также петрашевцы-студенты А. В. Ханьков, П. Н. Филиппов, А. Д. Толстов, В. Сипко, Н. Г. Чернышевский, А. Т. Модерский, В. П. Катенев, Н. С. Курочкин, В. А. Головинский, А. Н. Барановский и др. В учебных заведениях Петербурга училось много поляков. По свидетельству Бр. Залеского, разъезжаясь на каникулы, и по окончании учебных заведений они распространяли идеи петрашевцев, о которых узнали в Петербурге⁵³.

Пропаганда идей петрашевцев не прекратилась и после разгрома их кружков. Ее продолжали вести уцелевшие от разгрома петрашевцы и их последователи. Она продолжалась и в ссылке, где петрашевцы сблизилась с поляками.

Ряд польских исследователей отмечает влияние на Г. Каменского дружбы М. Е. Салтыкова-Щедрина с поляками. Этим объясняется, в частности, активное пропагандирование Каменским польско-русского союза в его работе «Россия, Европа, Польша»⁵⁴. Особенно большое значение имело сближение поляков с петрашевцами в оренбургской ссылке. Позже многие из них стали выдающимися деятелями польского освободительного движения. По данным Бр. Залеского, в оренбургской ссылке было до двух тысяч поляков. Многие из них в 50-х годах возвратились из ссылки по амнистии или продвинулись по службе и попали в Петербург и западные города. Они вновь приняли деятельное участие в национально-освободительном движении. Среди них особенно большую роль сыграл замечательный сын польского народа, друг русских революционеров-демократов З. Сераковский. В то же время среди петрашевцев в оренбургской ссылке были такие блестящие пропагандисты, как А. В. Ханьков и В. А. Головинский.

⁵¹ В. И. Семеновский. Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 139—141.

⁵² И. Л. Ястржембский. Указ. соч., стр. 30.

⁵³ Br. Zaleski. Zygmunt Sierakowski. В сб. «Benedykt Dybowski. Pamięci Zygmunta Sierakowskiego». Lwów, 1906, стр. 41.

⁵⁴ Н. Каменский. Pamiętniki i wizerunki. Wrocław, 1951, стр. XV—XVI; З. Млынарский. Традиции польско-русской дружбы в исторических исследованиях польских ученых. «Славяне», 1955, № 2, стр. 30.

Из литературы уже хорошо известна дружба З. Сераковского с Н. Г. Чернышевским. Однако еще раньше у обоих из них на пути оказался такой, по словам Н. Г. Чернышевского, «ужасный пропагандист», как А. В. Ханыков. Говоря о своих революционно-демократических убеждениях, Н. Г. Чернышевский отмечал, что их «зародыш положил Ханыков»⁵⁵. Конечно, Н. Г. Чернышевский был уже раньше подготовлен к восприятию революционно-демократических идей, но все же роль А. В. Ханыкова в формировании мировоззрения и революционных взглядов Н. Г. Чернышевского была значительна.

Не менее активным было влияние А. В. Ханыкова на З. Сераковского и его товарищей в оренбургской ссылке. Возможно, что З. Сераковский познакомился с А. В. Ханыковым еще в Петербургском университете. В 1847 г. З. Сераковский перешел с математического факультета на юридический, где в качестве вольнослушателя учился также А. В. Ханыков после исключения его в 1847 г. из университета как политически неблагонадежного. Зорко присматривавшийся к студентам А. В. Ханыков, как свидетельствуют об этом обстоятельства его знакомства с Н. Г. Чернышевским, вряд ли мог не обратить внимания на вожака революционной группы студентов-поляков. Во всяком случае З. Сераковский и его товарищи по ссылке с нетерпением ожидали встречи с ним в Уральске, куда он был переведен. «Горим желанием, — пишет в своих воспоминаниях товарищ З. Сераковского по ссылке Я. Гордон, — увидеть как можно скорее новопривезенного из Оренбурга за политику некоего Ханыкова, ожидая скорого возвращения его с прогулки, на которую он выпущен»⁵⁶.

В воспоминаниях о ссылке в Оренбурге и Уральске Я. Гордон почти целую главу посвятил А. В. Ханыкову. Мы видим из этих воспоминаний, что и в ссылке А. В. Ханыков остался непреклонным в своих убеждениях. «Он был мученик за свои убеждения, — пишет Я. Гордон, — и был в изгнании в условиях далеко ужаснейших, нежели кто-либо из поляков»⁵⁷. Несмотря на это, он был все тот же замечательный, очень влиятельный пропагандист.

Одно место в речи А. В. Ханыкова на обеде петрашевцев в честь Фурье наводит на предположение, что А. В. Ханыков читал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. В этом месте А. В. Ханыков показывает историю общества, как борьбу классов, почти в тех же противопоставлениях, что и в «Манифесте», завершая ее борьбой пролетариата и буржуазии⁵⁸. Может быть поэтому Я. Гордон называет А. В. Ханыкова «коммунистом из школы Фурье», т. е. коммунистом, еще не порвавшим с учением Фурье.

А. В. Ханыков был сначала в ссылке в Орске, откуда, по сведениям Я. Гордона, полученным им, по-видимому, от самого Ханыкова, губернатор Обручев приказал отправить его в Оренбург и предать военному суду за участие в переписке с сосланными в Орск поляками, которых Обручев отправил позже в одну из отдаленнейших частей Сибири. Таким образом, еще в Орске А. В. Ханыков сблизился с находившимися там ссылными поляками.

Перовский, бывший председателем военно-судной комиссии по делу петрашевцев, по вступлении в оренбургское военное губернаторство, приказал дело А. В. Ханыкова прекратить, а его самого отправить на службу

⁵⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 235. А. В. Ханыков был близок также к М. Е. Салтыкову-Щедрину. Когда Салтыков был сослан в Вятку, брат Ханыкова, чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, просил письмом вятского губернатора обратить внимание на писателя и облегчить его участь (Н. А. Белоголовый. Указ. соч., стр. 232).

⁵⁶ J. Gordon. *Sołdat czyli sześć lat w Orenburgu i Uralsku. Nowe pamiętniki*. Wyd. drugie i dopelnione. Lipsk, 1865, стр. 98.

⁵⁷ Там же, стр. 99.

⁵⁸ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 17.

в Уральск. К этому времени (1850 г.) здесь оказался и З. Сераковский, переведенный из Ново-Петровска, где он служил рядовым с осени 1848 г.⁵⁹

Наряду с З. Сераковским, Я. Гордон называет еще двух поляков, своих «товарищей по оружию и несчастью», — Сонцова и Лешинского⁶⁰. Кроме того, к этому же времени сюда прибыл Юлиан Ясенчик⁶¹.

О близости А. В. Ханыкова к этим полякам свидетельствует также М. Савичев в своих воспоминаниях о Т. Г. Шевченко. В 1852 г. он был назначен в Ново-Петровск. В Уральске «знакомые Шевченко, — писал М. Савичев, — узнав, что я еду ... в Ново-Петровск, надавали мне писем и разных словесных поручений к Тарасу Григорьевичу. Это были три молодых поляка из конфирмованных и четвертый — А. В. Ханыков, одетый в „сермяжную броню“ в деле Петрашевского»⁶².

По воспоминаниям Я. Гордона, А. В. Ханыков говорил о политике со своими друзьями-поляками в очень вольнолюбивом духе. Я. Гордон отмечает его блестящий ум, проявлявшийся в «разговоре, благородных и выразительных движениях, силе слов и румянце, оживлявшем временами пожелтевшее его лицо»⁶³.

Так же, как внушал он Н. Г. Чернышевскому уверенность в близости крестьянской революции в России, он внушал эту уверенность и полякам. Под влиянием этих бесед с А. В. Ханыковым, Я. Гордон пишет о русском народе: «Смотря на этот народ царских подданных, этого льва, дремлющего в голоде и нищете, возникает мысль, что раньше или позже придет момент, когда доведенный до крайности и познавший свою силу, он сокрушит крепкую узду и в крови угнетателей утопит свое ярмо»⁶⁴.

А. В. Ханыков, по свидетельству Я. Гордона, «считал церковь гнилым трупом, попов — обманщиками». «Один же раз, — писал Я. Гордон, — довелось услышать мнение, которое меня сильно поразило: „Хорошо бы было, — сказал он, — ввести в России вольтеризм. Народ, пришедший к уразумению, что нет бога, уяснил бы себе, что нет и царя“»⁶⁵.

По воспоминаниям современников, А. В. Ханыков предстает перед нами как умный, опытный, талантливый пропагандист, прекрасный человек, верный друг, дороживший доверием друзей-поляков. Беседы с А. В. Ханыковым, несомненно, оказали глубокое влияние на З. Сераковского и его товарищей, внушая им, в частности, плодотворность идеи дружбы и революционного сотрудничества русского и польского народов.

Поляки, находившиеся в других местах Оренбургского края и Сибири, были близки с петрашевцами А. Н. Плещеевым, В. А. Головинским, П. Г. Шапошниковым, а также с сосланными туда петрашевцами. Переписка поляков и А. Н. Плещеева с Т. Г. Шевченко свидетельствует о близких, дружеских отношениях польских и русских ссыльных. Это лишнее подтверждают воспоминания Бр. Залеского.

Мы видим, таким образом, как еще в 30 — 40-х годах XIX в. в условиях самодержавного и крепостнического гнета лучшие сыны русского и польского народов установили тесные дружеские связи и мечтали о союзе свободной революционной России со свободной Польшей и боролись за этот союз.

⁵⁹ Бр. Zaleski. Указ. соч., стр. 103.

⁶⁰ J. Gordon. Указ. соч., стр. 7.

⁶¹ J. Jaseńszuk. Dziesięć lat nienoli moskiewskiej. Lipsk, 1867, стр. 153.

⁶² М. Савичев. Кратковременное знакомство с Т. Г. Шевченко. «Казачий вестник», 1884, № 53—54. Цит. в кн. «Збірник праць перші і другі наукових шевченківських конференцій» (Киев, 1954, стр. 33).

⁶³ J. Gordon. Указ. соч., стр. 100.

⁶⁴ Там же, стр. 9.

⁶⁵ Там же, стр. 100.

А. П. Рогов

ИЗВЕСТИЯ ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ
В ХРОНИКЕ МАЦЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО И ИХ ИСТОЧНИКИ

Ни одна из польских хроник не уделила такого внимания истории Киевской Руси, как Хроника Мацея Стрыйковского. Стрыйковский выделил события русской истории в особый раздел. Между тем все другие польские хронисты излагали эти события либо наряду с польскими (Длугош, а вслед за ним в известной мере Меховский), либо в связи с польскими (Кадлубек, Кромер). Конечно, и в этих источниках можно почерпнуть ценные сведения по истории Киевской Руси, но в Хронике Стрыйковского они отражены значительно полнее¹. Впрочем, нельзя не отметить, что события, происходившие в Северо-Восточной Руси в эпоху феодальной раздробленности и в Московской Руси, не выделены им среди известий по истории Литвы и Польши, как это делали его предшественники для всей истории Руси. Таким образом, Стрыйковский проявлял интерес в большей степени именно к истории Киевской Руси, хотя он и заявлял в заглавии своего труда, что пишет Хронику всей Руси. Причина этого заключается в том, что южные и западные земли Киевской Руси как раз вошли в состав Литовско-Польского государства. Нельзя не учитывать и того, что в условиях обострившихся в XVI в. литовско-польских споров за украинские земли и в момент разгара Ливонской войны, когда Русское государство отвоевывало свои «вотчины» и «дедины», интерес к истории этих земель в Литве и Польше особенно возрос. И упоминания Стрыйковского о том, что тот или иной знатный род Литвы ведет происхождение от князей Киевской Руси, весьма показательны. Так, князей Заславских на Волыни он выводит от Владимира и Ярослава Киевских через Давыда Игоревича². От киевских князей через князей друцких Стрыйковский ведет родословие князей Острожских³.

Существенно способствовало развитию Стрыйковским этой темы и наличие русских источников, имевшихся в его распоряжении. Вполне понятно, что общерусские источники древнего периода были распространены и на Западной Руси, считавшей себя наследницей Киевской. Стрыйковский использовал и тот материал по русской истории, который был накоплен его предшественниками. В ряде случаев весь его рассказ о тех или иных событиях Киевской Руси строится целиком на материале предшествующих польских хроник. Таков, например, его рассказ о двух по-

¹ М. S t r y j k o w s k i. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi (далее — S t r y j k o w s k i), t. I, Warszawa, 1846, стр. 160, 161.

² Там же, т. I, стр. 103.

³ Там же, т. II, стр. 261.

ходах Болеслава на Киев ⁴. Вообще у него при изложении многих русских событий второй половины XI и XII вв. очень редки ссылки на русские летописи. И было бы неправильно объяснять это отсутствием у Стрыйковского русских источников об этом периоде. Видимо, эти летописи были очень краткими и фрагментарными, подобными той «Хронике», которую Стрыйковский воспроизвел в своем труде ⁵.

* * *

Среди польских хроник, использованных Стрыйковским в качестве источника по русской истории, на первом месте стоит известный труд Яна Длугоша. Стрыйковский высоко ценил Длугоша и собирался даже, как он сам пишет в предисловии к Хронике, перевести его на польский язык. Стрыйковский широко использовал его материалы, однако чаще всего не непосредственно, а в передаче Меховского. Точная ссылка на книгу Длугоша с указанием страницы этого труда встречается у нашего хрониста всего два раза — при упоминании о генетах и при описании похода легендарного русского князя Одонацера на Рим ⁶. Много раз автор ссылается только на хронику Меховского, даже когда она дословно совпадает с хроникой Длугоша. Это относится к описанию освобождения Киева от печенегов при Святославе ⁷, к известию о битве Святополка Окаянного с Ярославом ⁸, к описанию перемирия, заключенного Владимиром Мономахом с половцами, когда в качестве заложника половцам был оставлен сын Владимира Святослав ⁹. То же можно сказать о тех местах текста, где идет речь о борьбе Юрия Всеволодовича и Ярослава Всеволодовича с братьями Владимиром, Константином и Мстиславом ¹⁰, о походе Владимира Рюриковича на Литву ¹¹ и т. п. Иногда Стрыйковский повторяет ошибки Меховского, которых нет у Длугоша. Так, Стрыйковский пишет вслед за Меховским, что после смерти киевского князя Святослава ему наследовал Рюрик Мстиславович, тогда как у Длугоша, в соответствии с летописями, правильно назван Рюрик Ростиславович ¹².

И все же, как отмечалось, сказанное еще не дает оснований считать, что Стрыйковский непосредственно не обращался к Длугошу. Прежде всего у Стрыйковского очень много ссылок на труды Длугоша и Меховского одновременно, правда, только на книгу Меховского имеются подробные ссылки (с указанием ее названия и листа). Сам Меховский нигде в своей хронике не ссылается на Длугоша, но совершенно очевидно, что Стрыйковский был осведомлен, какой материал имелся у Длугоша. При этом Стрыйковский отнюдь не механически отмечал тождество Меховского и Длугоша. В пользу этого соображения свидетельствует такой факт. При описании съезда русских князей в Киеве в 1134 году Стрыйковский приводит речь князя Ярослава так, «как ее Кроммер с Длугоша

⁴ Там же, т. I, стр. 157.

⁵ Там же, стр. 167, 168.

⁶ Там же, стр. 23, 111.

⁷ Там же, стр. 120; Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego, t. I, Warszawa, 1962 (далее — Długosz), стр. 169.

В указанном издании Я. Длугош в своем труде касается событий до 1038 г.; следующие его известия использованы в настоящей работе по изданию: «Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście», t. I, Kraków, 1867; t. II, Kraków, 1868.

⁸ Strujkowski, t. I, стр. 155; сравни: Długosz, t. II, стр. 169.

⁹ Strujkowski, t. I, стр. 175; сравни: Długosz, t. I, стр. 362.

¹⁰ Strujkowski, t. I, стр. 222; сравни: Długosz, t. II, стр. 171, 172.

¹¹ Strujkowski, t. I, стр. 223; сравни: Długosz, t. II, стр. 173.

¹² Strujkowski, t. I, стр. 209; сравни: Długosz, t. II, стр. 147 и Mathiae de Michovia. Chronica Polonorum в кн. J. Pistorius. Polonicae historiae corpus, t. 2, Basiliae, 1582 (далее — Mathius de Michovia), стр. 81.

описал»¹³. У Длугоша, действительно, имеется эта речь, и Кромер передает ее¹⁴, однако у Кромера не сказано, что речь заимствована у Длугоша. В хронике же Меховского этой речи не помещено. Таким образом, непосредственное обращение Стрыйковского к труду Длугоша не подлежит сомнению. Речь идет, конечно, о рукописи (вплоть до 1611 г. хроника Длугоша оставалась неизданной).

Известно, что в XVI в. с хроники Длугоша делались списки. Неоднократно выдавался Краковской капитулой читателям и сам подлинник¹⁵. Если бы у Стрыйковского был один из списков, ему незачем было бы ссылаться на лист собственно труда Длугоша. Пользуясь списками других летописей, он этого никогда и не делал. Видимо, Стрыйковский, изучая Длугоша, учитывал, что Меховский в значительной мере повторяет Длугоша, но в то же время несравненно более доступен, чем последний (ко времени, когда Стрыйковским писалась хроника, труд Меховского уже выдержал два издания: 1519 и 1521 гг.).

По этим причинам, видимо, и делались Стрыйковским двойные ссылки из Длугоша и Меховского.

Нельзя не учитывать и того, что именно по русской истории Меховский наиболее полно повторял сведения Длугоша. Эта особенность хроники Меховского еще в 1891 г. была отмечена польским историком А. Божемским. «Почти дословное выписывание (из Длугоша. — А. Р.) в хронике можно встретить прежде всего там, где рассказ идет о русских делах», — читаем мы в его специальном исследовании о хронике Меховского¹⁶. К сожалению, А. Божемский не отметил еще одну важную особенность известий Меховского о событиях на Руси — дополнение им хроники Длугоша. В нашу задачу не входит специальное изучение этого вопроса, но уже само сопоставление известий Длугоша, Меховского и Стрыйковского показывает, что труд Меховского имел для Стрыйковского и самостоятельное значение как источник по истории Киевской Руси. Длугош, например, ничего не пишет о втором епископе (Лаврентии), пришедшем с Коломаном в Перемышль¹⁷, об «избиении» Владимирком Галицким венгров у Салогыни¹⁸, о просьбе галицких бояр к Ярославу Владимировичу не участвовать в сражении на реке Серет¹⁹, не указывает дату смерти Всеволода Ольговича (12 июля)²⁰. Все эти сведения Стрыйковский мог найти только у Меховского.

Широкое использование Стрыйковским польских хроник как источника для русской истории не мешало ему проявлять к ним критическое отношение. Особенно важно, что Стрыйковский с большим доверием относится к той хронике, которая написана ближе по времени к описываемым событиям. Рассказывая о походе Казимира II на Русь в 1179 г., Стрыйковский замечает, что Длугош и Меховский преувеличили его успехи, ибо «Винцентий Кадлубек, при жизни которого эти события происходили, не упоминает, что Казимир в то время отобрал так много русских земель, но взял только Брестье Литовское»²¹. С Кадлубком Стрыйков-

¹³ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 196.

¹⁴ «Kronika Marcina Kromera». Warszawa, 1767, стр. 154, 155 (далее — K r o m e r).

¹⁵ См. об этом подробнее: H. B a r y c z. Dwie Syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności. «Pamiętnik literacki», Rocznik XLIII, z. 1—2, Warszawa—Wrocław, 1952, стр. 202—204.

¹⁶ A. B o r z e m s k i. Kronika Miechowity. Rozbiór Krytyczny. «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-filozoficzny». Serya II, t. I, Kraków, 1891.

¹⁷ Mathius de Michovia, стр. 46; сравни: D ł u g o s z, t. I, стр. 378; S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 198.

¹⁸ Mathius de Michovia, стр. 69; S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 198.

¹⁹ Mathius de Michovia, стр. 69; S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 200.

²⁰ D ł u g o s z, t. II, стр. 30; Mathius de Michovia, стр. 68; S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 197.

²¹ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 202.

ский сопоставляет Меховского и говоря о времени первой консолидации литовских земель. На основании данных Кадлубка Стрыйковский отвергает 1205 г. как время образования Литвы²². В том же рассуждении содержится еще одно свидетельство критического подхода Стрыйковского к польским хроникам: установление противоречий в утверждениях автора хроники. «Меховский сам в противоречии с собой, в некоторых местах описывает войны Литвы с Русью за 500 лет»²³, — пишет Стрыйковский. В подтверждение своей мысли об очень давнем существовании Литвы Стрыйковский ссылается еще и на «русские истории», т. е. русские летописи. Вообще, сопоставление Стрыйковским данных польских хроник с летописями — довольно характерная черта его труда. При этом замечательно, что, выверяя сведения польских хронистов по русским летописям, Стрыйковский не исправляет, а только дополняет их фактами из польских хроник. Что же касается корректив польских хроник, то они многочисленны. Рассказывая о замышлявшемся Святополком убийстве Бориса, Стрыйковский пишет, что ему «обещали помочь вышгородцы (не новгородцы, как Меховский написал)»²⁴. Описывая битву Олега Северского с Изяславом Владимировичем, Стрыйковский исправляет Меховского (точнее Длугоша), который назвал Изяслава сыном киевского князя. «Князя переяславского, не киевского, как Меховский на листе 64 пишет, ибо тогда Святополк был киевским», — замечает Стрыйковский²⁵. Это исправление особенно важно. Оно свидетельствует о свободном владении Стрыйковским летописным материалом. Дело в том, что при описании битвы в летописи (под 1096 годом) не говорится, в каком городе княжил Владимир, отец Изяслава, но зато выше, под 1094 г., сказано, что Владимир «сел» на княжение в Переяславле²⁶.

По летописям, видимо, Стрыйковский исправляет Меховского и при изложении событий XII в. Меховский путал князя Ярослава Изяславича с Ярославом Ярославичем, и Стрыйковский, рассказывая о борьбе Ярослава Изяславича с Романом Галицким, замечает: «Здесь ошибся Меховский, написав Ярослав Ярославич, ибо должно быть Ярослав Изяславич»²⁷. У Длугоша имя князя указано тоже правильно — Ярослав Изяславич²⁸. Однако источником, по которому Стрыйковский контролировал правильность известия Меховского, были русские летописи («о чем русские летописи и Меховский свидетельствуют») ²⁹. Встречаются у Стрыйковского и такие случаи, когда две версии, т. е. польских хроник и русских летописей, излагаются параллельно. Стрыйковский отмечает тот и другой варианты, не высказываясь о степени достоверности каждого. Так он поступает и при решении вопроса о том, одна или две битвы были у Ярослава со Святополком Окаянным. Рассказав о двух битвах, по Длугошу и Меховскому, Стрыйковский отмечает: «Хроники русские только одну битву Святополка, когда он был поражен, вспоминают»³⁰. И далее Стрыйковский передает рассказ летописи о позорном конце Святополка, о чем не пишут польские хроники. Еще М. Кроммер отметил эту особенность русских летописей. Однако он мало доверял летописному рассказу, предварив его словом «якобы»³¹. Видимо, больше доверяя русским летописям, Стрыйковский выбросил «якобы». Так же он поступил при изложении

²² Там же, стр. 217.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 153.

²⁵ Там же, стр. 176.

²⁶ «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), т. I, М.— Л., 1950, стр. 148 и 168.

²⁷ Там же, стр. 202.

²⁸ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 97.

²⁹ Там же, стр. 202.

³⁰ Там же, стр. 157.

³¹ К р о м е р, стр. 71.

событий второй половины XI в. и начала XII в. Встретив слишком много расхождений между данными польских хроник и русской летописи, он после изложения польского материала целиком воспроизвел рассказ русской летописи. «Но русские хроники не в каждом месте с ними согласуются, поэтому я здесь кратко передаю рассказ из русской хроники, не пришеивая польских и других посторонних историков», — замечает по этому поводу Стрыйковский³².

Когда ему встречаются разночтения в названиях, Стрыйковский, как правило, отдает предпочтение русским летописям. Так, он правильно передает имя Кий, тогда как у Длугоша и Меховского оно искажено (Киг)³³. Название Звенигорода, Стрыйковский передает как «Свинигрод», однако это не искажение хрониста, а один из вариантов названия летописей³⁴. У Стрыйковского правильно названа дочь Владимира — Предислава, тогда как у Длугоша — Пшецлава³⁵. Несомненно, что правильно передавать русские названия Стрыйковскому помогало хорошее знание русского языка (напомним, что Стрыйковский много лет провел в Белоруссии). Он свободно читал имена, написанные под титлами, что не всегда было доступно даже такому историку, как Кромер, который имя Святополк читал как Стополк, т. е. не раскрывая титла³⁶.

Сопоставляя Хронику Стрыйковского с трудами его предшественников, необходимо иметь в виду, что иногда ссылки на летописи или, наоборот, указания, что те или иные известия отсутствуют в летописях, имеются и у его предшественников, главным образом у Кромера. Однако такое совпадение, а иногда и заимствование, еще не означает, что Стрыйковский довольствовался этим произведенным до него сличением. О походе Болеслава на Русь Стрыйковский замечает: «Все русские хроники никакого упоминания не делают ни о второй, ни об этой третьей битве и поражении Ярослава от Болеслава, а только о первой битве, когда Святополк, взяв на помощь Болеслава, князя польского (как они пишут) поразил, войско Ярослава и так далее»³⁷. Аналогичное по существу, но более краткое замечание находим у Кромера: «Русские хроники ни второй, ни этой третьей битвы не вспоминают, но пишут, что Ярослав после отъезда короля возобновил войну против Святополка»³⁸. Из сопоставления этих двух замечаний видно, что если Стрыйковский вслед за Кромером и обратил внимание на разницу в описании событий польскими и русскими источниками, то сам он самостоятельно пользовался летописями, и потому смог сообщить о них сведения подробнее, чем Кромер. Будучи наблюдательным исследователем, Стрыйковский заметил, что летопись называет Болеслава не королем, а князем. Характерно, что Болеслава летопись называет князем всего один раз, под 996 годом³⁹, и то титул этот встречается только в перечне князей, с которыми Владимир Святославич жил в мире: «И бе живя с князи околними миром, Болеславом и Андрихом Чешьским»⁴⁰. Здесь мы опять встречаем уже отмечавшееся не механическое, а творческое дополнение одного источника другим.

Специально следует остановиться на использовании Стрыйковским в качестве источника «Записок о московитских делах» Сигизмунда Гер-

³² *Strujkowski*, t. I, стр. 168.

³³ Там же, т. I, стр. 112; сравни: *Długosz*, т. I, стр. 51 и *Mathius de Michovia*, стр. 10.

³⁴ О названиях Звенигорода в летописях см.: В. Р. История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского. «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, июль, стр. 107.

³⁵ *Strujkowski*, t. I, стр. 156; сравни: *Długosz*, t. I, стр. 336.

³⁶ *Strujkowski*, t. I, стр. 155 и др.; сравни: *Kromer*, стр. 71.

³⁷ *Strujkowski*, t. I, стр. 157.

³⁸ Там же, т. I, стр. 171.

³⁹ ПВЛ, т. I, стр. 96, 97.

⁴⁰ Там же, стр. 86.

берштейна. К Герберштейну Стрыйковский относился с особым доверием и пользовался его материалами при изложении ряда событий как Московской, так и Киевской Руси. «Записки» Герберштейна, выдержавшие до 1582 г., т. е. до времени составления Хроники Стрыйковского, 12 изданий, были исключительно популярны в Западной Европе. Материалами Герберштейна широко пользовались даже те иностранцы, которые сами бывали в России (Флетчер, Петрей, Олеарий, Мейерберг и др.). Примечательно, что Стрыйковский только один раз (и совершенно справедливо) усомнился в достоверности известия Герберштейна — о дате крещения Руси. Герберштейн писал, что это произошло в 6469 г.⁴¹ «В этом расчете лет Сигизмунд Герберштейн или его печатник значительно ошиблись, показывая год крещения Владимира на листе 7 «Записок о Московии» (6469), вопреки всем русским хроникам и историкам греческим и польским, которых для этого я сверил больше десятка», — замечает Стрыйковский⁴².

Даже тексты русских летописей Стрыйковский нередко приводит по Герберштейну, сохраняя все особенности, а иногда и явно ошибочные его переводы летописей. По Герберштейну, Стрыйковский пишет, что Гостомysl посоветовал пригласить трех братьев-варягов⁴³, что Владимир Святославович наблюдал из башни момент убийства Ярополка⁴⁴. Правда, при этом Стрыйковский не ссылается на Герберштейна, и потому можно предположить о существовании у обоих авторов общих источников — летописей. Эту мысль подтверждает как будто бы и свидетельство Воскресенской летописи о совете Гостомысла призвать варягов⁴⁵. Однако в Воскресенской летописи между известием о совете Гостомысла и сообщением о приходе трех братьев-варягов говорится об изгнании варягов за море, после чего пригласить трех братьев решают сами новгородцы. Стрыйковский же передает сокращенный рассказ об этом с тем же пропуском, как у Герберштейна. Показательны и те ошибки, которые Стрыйковский повторяет вслед за Герберштейном. Добрыня у Стрыйковского женщина⁴⁶, Малк Любчанин — Калужа Малый, как и у Герберштейна⁴⁷, а Рогволод назван псковским, а не полоцким князем⁴⁸.

* * *

Итак, самым важным источником хроники Стрыйковского были русские летописи.

Стрыйковский называет их «русскими хрониками», «древними русскими хрониками», реже — «русскими историями». Понятие «летопись», «летописец» применительно к общерусским летописям Стрыйковский не употребляет. «Русскими летописцами» он называет белорусско-литовские

⁴¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московских делах (далее — Герберштейн). СПб., 1908, стр. 9.

⁴² Strujkowski, t. I, стр. 133.

⁴³ Там же, стр. 113; сравни: Герберштейн, стр. 4.

⁴⁴ Strujkowski, t. I, стр. 125; сравни: Герберштейн, стр. 9.

⁴⁵ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. VII, стр. 268.

⁴⁶ Strujkowski, t. I, стр. 122; сравни: Герберштейн, стр. 6.

⁴⁷ Strujkowski, t. I, стр. 122; сравни: Герберштейн, стр. 6. Об этой ошибке Герберштейна см.: А. В. Фролов-с-к-ий. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? «Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук», т. II. Одесса, 1922, стр. 73.

⁴⁸ Strujkowski, t. I, стр. 124; сравни: Герберштейн, стр. 78. Псковским князем Рогволод назван еще и в изданной в 1795 г. так называемой «Российской летописи по списку Софийскому великаго Новаграда», стр. 46. Такое разночтение в данной летописи, являющейся собственно Софийской I, есть не что иное, как простая ошибка, которыми вообще изобилует тот поздний и крайне неисправный список, по которому была напечатана летопись (об этом см. предисловие к ПСРЛ, т. II, стр. 80).

летописи (поскольку они были написаны на белорусском языке). Чаще, впрочем, Стрыйковский говорит о «русских и литовских летописцах».

Прежде всего следует отметить их сравнительно большое число у Стрыйковского. Он очень редко ссылается на одну летопись. Ни один другой польский, да, пожалуй, и вообще любой зарубежный средневековый историк, не собрал их в таком количестве, как Стрыйковский.

При наличии разночтений или отсутствии того или иного известия в летописях Стрыйковский фиксирует это. Причем он не говорит, что этот недостаток относится к той или иной летописи, а относит его к группам летописей. Это видно уже при первой ссылке Стрыйковского на летописи, в которой он говорит, что часть славян, «в чем согласуются русские хроники, занимали землю, и в то время назывались норчи или норчи»⁴⁹. Эти два варианта названия соответствуют двум основным вариантам их чтения в летописях. Если в Софийской I, Псковской I, Тверской и Воскресенской летописях читаем «норица»⁵⁰, то в остальных — «норчи» или «норци»⁵¹.

В приведенном примере мы можем указать среди известных нам летописей те, к которым восходят варианты названий Стрыйковского, но это можно сделать далеко не всегда. Так, рассказывая о смерти Олега, Стрыйковский утверждает, что в одних хрониках говорится, что Олег нашел свою смерть, когда сел на кости коня, «а другие и Герберштейн пишут, что ногой ударил в конский череп»⁵². Как известно, в дошедших до нас летописях сохранился только второй вариант. Упомянутая о боярах, посланных древлянами к Ольге, Стрыйковский пишет, что их было 50, и добавляет: «Другие указывают 46». Первую цифру мы находим в летописях Новгородско-Софийского вида (Софийской I, Тверской и других)⁵³. Но число 46 вообще не встречается в летописях.

Использование Стрыйковским не одной, а нескольких летописей, разных по составу, значительно осложняет выделение летописных сводов. Во всяком случае полной уверенности в правильности разграничения известий хронистом по отдельным сводам быть не может. Те факты, которые мы считаем заимствованными из разных летописей, могли быть взяты им из одного неизвестного нам свода. И, наоборот, известия, знакомые нам уже по сводам, Стрыйковский мог читать еще в отдельных летописях, которые затем, а может быть и до Стрыйковского, были объединены в своды.

При рассмотрении известий Стрыйковского по истории Киевской Руси становится ясно, что Стрыйковскому была знакома «Повесть временных лет». Стрыйковский знал рассказ Повести о расселении славян, предшествующий рассказу о Кие, Щеке и Хориве, ему был известен рассказ о призвании варягов, причем с легендой московского происхождения о начале их генеалогии от римского императора Августа. Хронист хорошо знал известия летописей об Олеге, хотя ему был, по-видимому, неизвестен договор князя с греками. Ничего не пишет Стрыйковский о договоре Игоря с греками, хотя сообщает о самом походе Игоря на Византию. Корсунская же легенда о Владимире Святославиче в летописях, которые изучал Стрыйковский, имелась. Таким образом, именно «Повесть временных лет», а не начальный свод, в котором отсутствуют перечисленные выше известия о древнейшем периоде Киевской Руси, был известен Стрыйковскому.

Но в какой именно редакции была известна Стрыйковскому «Повесть временных лет»? Если суммировать его наблюдения над источниками русских известий, то основными летописными сводами, знакомыми ему, ока-

⁴⁹ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 111.

⁵⁰ ПСРЛ, т. V, стр. 82; т. VII, стр. 261; т. XV, стр. 18.

⁵¹ ПСРЛ, т. II, стр. 5; т. IX, стр. 3 и др.

⁵² S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 116.

⁵³ ПСРЛ, т. V, стр. 103; т. XV, стр. 59 и др.

жуются софийско-новгородские летописи, в основе которых лежит «Новгородско-Софийский свод, возникший в 30-х годах XV в., Тверской сборник и отчасти Летописец Переяславля Суздальского. Именно в этих источниках встречаем мы известия о Гостомысле, старейшине новгородском⁵⁴, о 50 послых древлян к княгине Ольге⁵⁵. В них встречается имя философа Кирилла, пришедшего к Владимиру Святославичу⁵⁶, известие, хотя и искаженное, о назначении Леона митрополитом в Киеве, а Иоакима Корсуянина — архиепископом в Новгороде⁵⁷. Здесь же сообщение о том, что Владимир Святославич отдал Судиславу Псков, а Станиславу — Смоленск⁵⁸, указание количества новгородцев, перебитых Ярославом (1000 человек), и численность собранного им войска против Святополка (1000 новгородцев и 30 тысяч варягов) — все это, а также ряд других известий мы находим именно в летописях Новгородско-Софийского вида или в летописях, в той или иной мере зависимых от них (Воскресенская, Тверская, Никоновская). Не только факты, но и их группировка и расположение в Хронике Стрыйковского также свидетельствуют о влиянии на нее Новгородско-Софийского свода⁵⁹. Историю правления Ярослава Владимировича Стрыйковский начинает с описания розыска тела Глеба⁶⁰, т. е. с того известия, с какого начинают его летописи Новгородско-Софийского вида или зависимые от них (Софийская I, Воскресенская, Тверская и др.)⁶¹. Характерно, что даже вводная фраза у Стрыйковского такая же, как в этих летописях (в летописях другого типа она отсутствует): «Ярослав стал править во всей Руси». В летописях она гласит: «Ярослав прия власть всю русския земли»⁶². Знакомство Стрыйковского с новгородско-софийскими летописями повлияло даже на составленную самим Стрыйковским характеристику Владимира Мономаха. Стрыйковский, в согласии с летописями, одной из основных заслуг Мономаха считает борьбу с половцами («половцев поганных несколько раз поразил») ⁶³. В Софийской I летописи о Мономахе сказано сходно: «Прослувый в победах за русскую землю с погаными половцами»⁶⁴. В то же время в Лаврентьевской летописи говорится просто «прослувый в победах»⁶⁵, без указания в победах над кем, а в Ипатьевской, хотя и имеется намек о поражениях, нанесенных Владимиром половцам («наипаче же бе страшен поганым»), но прямо они не названы.

Буде сказанное не означает, однако, что у Стрыйковского летописи Новгородско-Софийского вида были подобны тем, которые дошли до нас. В хронике Стрыйковского мы не найдем московских известий Софийской I летописи и новгородских известий Новгородской IV летописи. Может быть, это и не интересовало Стрыйковского. Но с другой стороны, это не

⁵⁴ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 113; А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 213.

⁵⁵ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 118; ПВЛ, т. II, стр. 299.

⁵⁶ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 129; ПВЛ, т. II, стр. 330.

⁵⁷ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 132; А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 213.

Искажение этого известия у Стрыйковского заключалось в том, что он константинопольского патриарха Фотия принял за Киевского митрополита, Леон (Леонтий) показан как епископ в Новгороде и только Иоаким правильно указан как архиепископ Великого Новгорода. Упоминание Новгородка, который не существовал в X в., является, по-видимому, западнорусской переработкой текста летописи, направленной к утверждению особой древности и независимости этого старейшего города Литовского государства.

⁵⁸ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 152; ПВЛ, т. II, стр. 343.

⁵⁹ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 154.

⁶⁰ Там же, стр. 158.

⁶¹ ПСРЛ, т. V, стр. 133; т. VII, стр. 327; т. XV, стр. 140.

⁶² Там же.

⁶³ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 188.

⁶⁴ ПСРЛ, т. V, стр. 156.

⁶⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 129.

дает возможности отнести летописный источник Стрыйковского к какой-то определенной летописи.

Отличительной особенностью летописей Новгородско-Софийского вида, имевшихся у Стрыйковского, было наличие в них довольно значительных пропусков и сокращений. Конечно, историк едва ли ставил задачу во всей полноте передать летописные тексты. И для исследования Хроники Стрыйковского как исторического источника представляют интерес не пропуски в тексте его Хроники, а пропуски в использованных им летописях, которые он отмечает словами «этого в русских хрониках нет» или «об этом русские хроники не упоминают». Такими замечаниями сопровождается он свои известия о походах князя Игоря в Византию ⁶⁶, Святослава на хазар ⁶⁷, Владимира на Польшу ⁶⁸, выступление Брячислава Изяславича против Ярослава Мудрого ⁶⁹ и ряд других.

Многочратно сокращавшийся Новгородско-Софийский свод имел довольно широкое распространение в Западной Руси. На это обратил внимание еще А. А. Шахматов. Он указал целый ряд летописей западнорусского происхождения, представляющих собой извлечения из свода 1448 г. в соединении с извлечениями IV и V Новгородских летописей. Эти извлечения были со значительными пропусками, но иногда и с дополнениями (летопись епископа Павла): сборник XV в. из собрания Ф. А. Толстого ⁷⁰, так называемый «Супрасльский список» первой половины XVI в. ⁷¹, знаменитая летопись Авраамки ⁷². Отметив это, А. А. Шахматов пришел к выводу, что «в конце XV в. в Смоленске происходила работа над новгородскими летописными сводами», но в то же время в ряде случаев в самом Новгороде производились неоднократные сокращения свода и уже в таком виде своды попадали в Западную Русь ⁷³, где подвергались новой обработке.

Вообще, изучение А. А. Шахматовым общерусской части западнорусских летописей показало, что там, где эта часть имеется, она составлена путем сокращения, выборки известий из текста именно Новгородско-Софийского свода. Правда, в западнорусских летописях сокращения эти настолько значительны, что предполагать, что они служили источником для Стрыйковского, невозможно. Но в то же время в хронике Стрыйковского имеется, по сравнению с летописными данными известных нам летописей Новгородско-Софийского вида, ряд сокращений. В них не содержалось сведений о походах Игоря на Византию, Владимира Святославича на Червенские города, восстании киевлян в 1068 г. и о многом другом.

Скорей всего летописи Стрыйковского представляли собой сокращенные новгородско-софийские летописи, еще не переработанные для западнорусских летописей, т. е. они не включали добавлений западнорусских известий.

Выше речь шла не о конкретных летописях, а об определенном виде летописей — новгородско-софийском. Отмеченные выше известия по истории Киевской Руси присущи всем летописям этого вида. Но нельзя из этих летописей выделить какую-то определенную, к которой можно было бы возвести основные сведения Стрыйковского. При рассмотрении летописных известий этого хрониста обращает на себя внимание, что они восходят только к Тверской и Львовской летописям. Речь идет об упоминании о возвращении воеводы Вышаты из греческого плена, не одного, а с «ыны-

⁶⁶ Strujkowski, t. I, стр. 117.

⁶⁷ Там же, стр. 121.

⁶⁸ Там же, стр. 157.

⁶⁹ Там же, стр. 158.

⁷⁰ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Рукописный отдел, Толст. I, № 89.

⁷¹ См.: М. А. Оболенский. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836.

⁷² ПСРЛ, т. XVI.

⁷³ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 306.

ми» (Тверская и Львовская летописи)⁷⁴ и об указании христианского имени князя Владимира — Василий, полученном им при крещении⁷⁵. Совпадение известий Львовской и Тверской летописей вполне объяснимо, поскольку эти летописи имели общий протограф — свод конца XV — начала XVI в.⁷⁶ Стрыйковский вероятно был знаком с Тверской летописью, поскольку одно из двух приведенных выше известий имеется только в Тверской летописи — и с «ыными». Учитывая многочисленность летописей, использованных Стрыйковским, мы вовсе не настаиваем, что только через посредство Тверской летописи хронист мог получить известия, характерные для Новгородско-Софийской летописи. Несомненно только, что Тверская летопись была известна Стрыйковскому и являлась одним из его источников.

Вопрос о том, каким путем Стрыйковский мог познакомиться с Тверской летописью, решается сравнительно просто. Тверская летопись имела распространение в Западной Руси. Дошедший до нас список Тверской летописи⁷⁷ написан белорусской скорописью начала XVII в. и, как отмечал издатель летописи А. Ф. Бычков, «на поле рукописи нередко встречаются заметки на польском языке, писанные почерком XVII в. и заключающие в себе краткое содержание тех событий, перед которыми они помещены»⁷⁸. Более поздние редакции Тверской летописи (с рядом дополнений) также находятся в западнорусских сборниках XVII в. вместе с украинской хроникой Пантелеймона Кохановского⁷⁹, либо в сборниках со статьями, касающимися Польши и Литвы⁸⁰.

Среди летописных известий Стрыйковского два могут быть отнесены к Летописцу русских царей или к Летописцу Переяславля Суздальского. Первое известие такое: на вопрос древлян, где их послы, Ольга отвечает, что они «приставлены к скарбу». Такое же известие содержит и Устюжский летописный свод, но так как других признаков использования его Стрыйковским нет, то, вероятно, можно объяснить происхождение этого известия в Устюжском летописном своде и летописях Переяславля Суздальского от общего источника. Второе известие — о том, что после крещения Ольги патриарх дает ей пресвитера. О западнорусском происхождении Летописца уже говорит само название имущества «скарбом». Ряд других лингвистических особенностей, также свидетельствующих о западнорусском происхождении летописи, были отмечены в свое время А. А. Шахматовым, М. С. Бережковым и, особенно, А. С. Орловым⁸¹.

Характерно и то, что Стрыйковский турок и всех кочевников называет татарами, а это, как отмечали А. А. Шахматов и А. С. Орлов, является характерной чертой именно Летописца Переяславля Суздальского. Указанные исследователи обратили внимание, что оба сохранившиеся списка Летописца находятся в сборниках, содержащих западнорусские статьи. В Никифоровском сборнике Летописец помещен рядом с западнорусской «Летописью Великого княжества Литовского», причем этот сборник

⁷⁴ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 159; сравни: ПСРЛ, т. XV, стр. 149 и т. XX, стр. 190.

⁷⁵ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 131; сравни: ПСРЛ, т. V, стр. 104.

⁷⁶ А. Н. Н а с о н о в. Летописные памятники Тверского княжества. «Известия Академии наук СССР», 1930, № 9, стр. 720—723 и др.

⁷⁷ См. ПСРЛ, т. XV.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ГПБ, Рукописный отдел, F.IV.214 и F.IV.215.

⁸⁰ А. Н. Н а с о н о в. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. «Археологический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 26—40.

⁸¹ А. А. Ш а х м а т о в. Обзорные русские летописные своды XIV—XV вв. М., 1939, стр. 127; М. С. Б е р е ж к о в. Несколько слов о Летописце Переяславля Суздальского. «Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине», т. III. Нежин, 1900, стр. 66; А. С. О р л о в. О Галицко-Волинском летописании. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)», т. V. М., 1946, стр. 30, 31.

имеет множество польских, латинских и западнорусских пометок XVI—XVII вв.⁸² Архивский же список, по которому осуществлял свое издание М. А. Оболенский, находится в сборнике, содержащем рассказ о Совии, который завел в Литве языческие обычаи⁸³.

А. А. Шахматов отметил также, что Летописец по архивному сборнику имеет ряд «более уместных на юго-западе» полемических статей против латинян. В пользу юго-западного происхождения Летописца А. А. Шахматов приводит, кроме того, то обстоятельство, что его составитель употребляет характерное для Галицко-Волынской земли понятие «царити» наряду с «княжити»⁸⁴.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на характерное для Хроники Стрыйковского наименование Владимира Святославича царем. Так («царю!») называет Владимира отец воина, сражавшегося в единоборстве с печенегом под Переяславлем⁸⁵. Настас Корсунянин начинает письмо обращением: «Владимер, царь»⁸⁶.

Все сказанное не может означать, конечно, что Летописец Переяславля, известный Стрыйковскому, идентичен с дошедшим до нас. При разборе известий Хроники мы отмечали, что Стрыйковский неправильно писал о получении христианских имен (Роман и Давид) Борисом и Глебом лишь после смерти («переменив им после смерти имена») ⁸⁷. В Летописце же прямо сказано (и в этом одна из его отличительных черт от других летописей), что князья получили их при крещении. Видимо, у Стрыйковского была какая-то иная разновидность Летописца, возникшая в период распространения этого памятника на Западной Руси.

* * *

Среди русских известий Стрыйковского особый интерес представляет рассказ о происхождении регалий Владимира Мономаха. Стрыйковский помещает этот рассказ после изложения всех событий, связанных с правлением Мономаха, после рассказа о его смерти. При этом Стрыйковский как бы вновь возвращается к тому, что он уже говорил, и сообщает новые подробности из жизни Мономаха. «Половцев поганых несколько раз поражал и генуэзцев-итальянцев, которые тогда владычествовали в Таврике, где ныне владычествует Перекопская Орда, и Кафу, или Феодосию, знаменитый столичный город у них взял. Когда же он другой раз столкнулся с генуэзцами у моря, то вызвал сам на поединок их военачальника, старосту Кафинского, а когда они сошлись на поединок, Владимир храбро сбросил его с коня и, поймав, связал и привел вооруженного к своему войску, снял с него большую золотую цепь, искусно украшенную жемчугом и драгоценными камнями, и оставил ее после у себя своим наследникам, великим князьям»⁸⁸. Только одно в этом рассказе — упоминание о поражении половцев — находит соответствие в русских летописях, причем, как говорилось выше, только в летописях Новгородско-Софийского вида.

Уже из расположения этого рассказа в Хронике видно, что он не находился в летописях, служивших основными источниками для Стрыйковского по истории Киевской Руси. Не находим мы его и в польских хрониках, написанных предшественниками Стрыйковского. Упоминание об этом

⁸² С. А. Белокуров. Русские летописи, I—III. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, кн. 4, стр. L и LI.

⁸³ М. С. Бережков. Указ. соч., стр. 68.

⁸⁴ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи. «Памятники древней письменности», вып. CXVIII. СПб., 1902, стр. 31—33.

⁸⁵ S t r y j k o w s k i, t. I, стр. 127.

⁸⁶ Там же, стр. 129.

⁸⁷ Там же, стр. 158.

⁸⁸ Там же, стр. 188.

события имеется только у Герберштейна, но это именно всего лишь упоминание. Говоря о знаках царского достоинства московских государей, Герберштейн замечает: «Владимир отнял их у некоего разбитого им в бою генуэзца, начальника Кафы»⁸⁹, то есть он очень кратко излагает рассказ, который имеется у Стрыйковского, опуская многие существенные подробности (не сказано, что это был поединок, не дано описания самой реликвии и т. д.). Вместе с тем нельзя считать, что труд Герберштейна послужил источником для Стрыйковского. Нельзя предположить и заимствование Герберштейном у Стрыйковского, ибо известно, что сочинение Герберштейна вышло в свет ранее Хроники Стрыйковского. Остается заключить, что оба автора пользовались каким-то одним общим источником.

Каково же происхождение этого рассказа, когда и где он мог возникнуть? Несомненно, что эта повесть имеет легендарный характер. Историческая достоверность ее видна хотя бы из того, что в ней Кафа уже в XII в., когда жил Владимир Мономах, оказывается занятой генуэзцами, тогда как в действительности они появились там лишь в XIII в.⁹⁰ Естественно, что и сама повесть не могла возникнуть ранее этого времени. Вероятно, она возникла где-то в конце XV — начале XVI в. Именно в это время появляются такие памятники, как «Сказание о Вавилонском царстве» и «Сказание о князьях Владимирских», повествующие о легендарных обстоятельствах возникновения царских регалий. И по этим повестям бармы появляются в России при Владимире Мономахе, однако то, как они попали к нему, объясняется совершенно иначе. Согласно этим источникам, их присылает Владимиру византийский император Константин Мономах после победоносного похода войск Владимира во Фракию. «Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабицу сердоликову, из нея же Август, царь римский, веселяшеса, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аварьску исковану, и ины многи дары царьския. И предаде их митрополиту Неофиту с епископы и своим благородным посланником, и посла их к великому князю Владимиру Всеволодичу»⁹¹. Сравнивая две версии о происхождении регалий, мы видим, что версия, переданная Стрыйковским и Герберштейном, принижает значение московских регалий. Она показывает их просто как военные трофеи, взятые всего лишь у воеводы венецианской колонии Кафы, и тем самым лишает их значения символа преемственности Москвы от Византии — Второго Рима. Перед нами рассказ, как бы противопоставленный Повести о князьях Владимирских⁹². В связи с этим обращает на себя внимание следующее.

Начиная с конца XV в., в дипломатических переговорах польско-литовских послов с русскими большую роль играет вопрос о признании царского титула русских правителей. От этого признания упорно уклонялась правящая верхушка в Польше и Литве. Для обоснования прав русских государей на царский титул русской дипломатией широко было использовано «Сказание о князьях Владимирских». Содержащийся в нем рассказ о происхождении регалий, которыми русские государи венчаются на царство, настойчиво повторялся польско-литовским послам в России в XVI в. «И после того времени обычай в Русском государстве и по се

⁸⁹ Герберштейн, стр. 32.

⁹⁰ На эту несообразность было указано еще Н. М. Карамзиным («История государства Российского», т. II, СПб., 1842, прим. 421).

⁹¹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 177.

⁹² Нельзя поэтому согласиться с Р. П. Дмитриевой, которая считает, что С. Герберштейн передал легенду о Владимире Мономахе лишь «в несколько ином виде» (Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 107). Нам представляется, что между той и другой версиями есть принципиальная разница.

время: который государь тем венцом венчается, то и пишется царем русским и великим князем», — вот какой делали вывод русские послы из этого рассказа⁹³.

«Сказание о князьях Владимирских» затрагивало польско-литовскую правящую верхушку не только тем, что оно проповедовало утверждение власти русских государей. Им совершенно не импонировала та родословная литовских князей, которая приводилась в «Сказании»⁹⁴. Согласно этому источнику, Гедимин, от которого ведут происхождение литовские князья, был конюхом князя Витеня, а сам Витень происходил от смоленских князей. Литовские же летописи дают иное родословие: Витень — это «муж мудрый и годный» из «поколения Колюмнов», а Гедимин приходился ему сыном⁹⁵. Герберштейн в своем сочинении, как и Савва Спиридон, называет Гедимина слугой Витеня, однако он ссылается при этом на польские хроники. Действительно, в польских исторических сочинениях XVI в. содержится такая версия о происхождении литовских князей⁹⁶. В условиях ожесточенной борьбы литовской шляхты за свою самостоятельность легенда об особой знатности литовских князей и панов служила идеологическим оружием. И потому понятно, что в противовес этому поляки подхватили версию о конюхе Гедимине. Собственно, и Савва Спиридон, автор «Послания», заимствовал сведения о родословии князей литовских из польских хроник⁹⁷, дополнив их утверждением о происхождении Витеня от русских князей.

Интересно отметить, что сведения о родословии у Герберштейна, как и в «Сказании», следуют непосредственно за рассказом о происхождении регалий московских государей⁹⁸. Создается впечатление, что оба памятника в источнике, которым пользовался Герберштейн, неразрывно связаны между собой. Если учитывать антилитовскую направленность приведенного родословия, то наиболее вероятным местом возникновения интересующего нас памятника следует признать польские земли. Являясь публицистическим произведением, этот памятник был сознательно построен по схеме «Сказания». Возражая «Сказанию» по вопросу о регалиях, он в то же время давал несколько иную версию литовского родословия, не ставя литовских князей в какую бы то ни было зависимость от русских, но в то же время и не допуская возвеличения.

То, что этот предположительно реконструируемый нами памятник польской публицистики был известен Герберштейну, вполне объяснимо: Герберштейн более десяти раз бывал в Польше⁹⁹, поддерживал связи с польскими дипломатами.

* * *

Таким образом, в Хронике Стрыйковского мы находим целый ряд важнейших исторических сведений как оригинальных, так и заимствованных из других источников. Переработка же некоторых летописных известий в Хронике сама по себе является источником для изучения общественно-политической борьбы в старой историографии Польши, Литвы, Белоруссии и Украины XVI в.

⁹³ Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 144.

⁹⁴ Эта взаимосвязь объясняется тем, что оба памятника первоначально являлись частями одного сочинения — «Послания» Спиридона Саввы, что установлено Р. П. Дмитриевой (указ. соч., стр. 73—109).

⁹⁵ ПСРЛ, т. XVII, стр. 256, 257, 309, 310, 490 и др.

⁹⁶ J. Wolff. Ród Gedimina. Kraków, 1886, стр. 6.

⁹⁷ Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 88.

⁹⁸ Герберштейн. стр. 32, 33.

⁹⁹ Герберштейн. Указ. соч. Введение А. И. Маленина, стр. XVII.

С. М. Фалькович

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ
О СЕНТЯБРЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ 1863 г.
В ПОЛЬСКОМ ПОВСТАНЧЕСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Опубликованное в журнале «Исторический архив» письмо Людвика Булевского к Джузеппе Мадзини от 20 августа 1863 г.¹ представляет документ, интересный для истории польского восстания, вспыхнувшего 100 лет назад. Это письмо рассказывает о пребывании Л. Булевского в Польше в июне — августе 1863 г., в период важной для судеб польского народа напряженной борьбы, в момент, когда польские революционные силы настойчиво стремились вырвать руководство движением из рук «белых» и вернуть восстание на путь революции. Написанное не сторонним наблюдателем, а страстным патриотом и активным борцом, письмо Л. Булевского чрезвычайно ярко и вместе с тем правдиво отображает обстановку в стране летом 1863 г.

Но особенное значение оно имеет для изучения событий, несколько более поздних, — для истории сентябрьского переворота «красных» в Варшаве. Об этом перевороте, явившемся последней попыткой левого крыла восстания взять власть в свои руки, сохранились весьма скудные данные. Поэтому документ, освещающий подготовку революционного заговора, не может не привлечь внимания исследователей и должен быть рассмотрен всесторонне.

Анализ письма Л. Булевского позволяет, в первую очередь, поставить вопрос о весьма активной роли в восстании и, в частности, в сентябрьском перевороте, всех левых сил польского национально-освободительного движения, в том числе и «левицы» эмиграции, видным представителем которой был Людвик Булевский. Активный член Централизации Польского демократического общества, Л. Булевский еще в 1862 г. выступил как сторонник восстания, поддерживал варшавский ЦК, стремился сплотить вокруг него эмиграцию². Он выдвигал лозунг сочетания национальной и социальной революций и 20 января 1863 г. выпустил последний номер «Демократы польского», где потребовал немедленного разрешения аграрного вопроса³. Л. Булевский стоял за союз с революционной Россией, был дружен с М. А. Бакуниным, помогавшим ему в попытках объединить эмиграцию⁴, был тесно связан с представителями западноевропейского рево-

¹ С. М. Фалькович. О польском восстании 1863 г. «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 208—213.

² «Летописи марксизма», 1927, кн. IV, стр. 81; «Wytrwałość», Bruksela, 29. I. 1865.

³ «Wytrwałość», 29. I, 5. II. 1865.

⁴ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 561, 562; Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, 1862 г., д. 109, лл. 534—536.

люционного движения, в частности, с Дж. Мадзини. Есть сведения и о знакомстве Л. Булевского с К. Марксом ⁵.

Таким образом, взгляды автора письма на положение в Польше, его оценку событий восстания можно рассматривать как выражение позиции всего левого польского революционного лагеря. Становится ясным, что уже в то время передовые элементы понимали сущность политики «белых», видели гибельность для Польши курса на ожидание интервенции западных стран и активно стремились изменить этот курс. Известно, что еще в начале восстания Л. Булевский поддерживал сношения с повстанческим правительством ⁶, однако только из письма 20 августа мы узнаем о его попытках непосредственно встать на службу восстания, о двукратном посещении им Польши. Характерно, что свое пребывание в Польше Л. Булевский использовал для активной борьбы за революционизирование курса восстания. Как видно из документа, он несколько раз посылал в Варшаву ноты протеста и требования, а убедившись в безрезультатности этих шагов, энергично взялся за подготовку революционного переворота.

Письмо Л. Булевского дает возможность более точно наметить круг участников революционного заговора, выяснить их планы, определить сроки подготовки переворота.

Как известно, еще в июле 1863 г. среди членов повстанческой организации Варшавы возникла серьезная оппозиция «Жонду». Однако тогда «белому» руководству на время удалось подавить недовольство и репрессировать зачинщиков «смуты». Игнаций Хмеленьский был выслан в Краков, Станислава Франковского направили в Пруссию, Юзефа Нажимского отстранили от дел и некоторое время держали под арестом. Но оппозиция не была сломлена. С начала сентября атаки на «Жонд» Маевского участились, в Варшаву вернулись В. Бехоньский, Ст. Франковский, тайно прибыл И. Хмеленьский. Наконец, 17 сентября наступление «красных» заставило К. Маевского уступить и отказаться от власти ⁷.

Все эти известные подробности создания сентябрьского Жонда «красных» рисуют Варшаву как главный и единственный центр революционного заговора. Однако такая картина кажется не совсем правильной. Несомненно, роль варшавской организации в восстании всегда была первостепенной, но ограничение сентябрьского заговора рамками Варшавы снижает значение переворота, превращает его в верхушечный *coup d'Etat*. Между тем данные письма А. Булевского свидетельствуют о том, что революционный заговор имел массовую опору в провинциальных повстанческих организациях, в частности, в Галиции.

Правда, отдельные упоминания о существовании в Кракове очага оппозиции встречались в литературе. Однако обычно эта оппозиция трактовалась как сборище «смутьянов», постоянно всем недовольных «крикунов», как конгломерат разношерстных элементов ⁸. Такой взгляд вызывает возражение, особенно в свете данных рассматриваемого документа. Представляется не случайным, что именно в Кракове еще в июле 1863 г. была издана брошюра А. Щепаньского «Назад!» («W tył!»), призывавшая вернуться к политике Центрального Комитета. Этот лозунг и определял, несомненно, направление деятельности краковской оппозиции, которая, таким образом, предстает как организация революционных элементов, сплоченных одной идеей. Важным моментом было пребывание в Кракове в тот период И. Хмеленьского, который, без сомнения, возглавлял оппозицию (по-видимому, Л. Булевский имел в виду именно его и Ю. Нажим-

⁵ C. B o b i ń s k a. Marks i Engels a sprawy polskie do osiemdziesiątych lat XIX wieku. Warszawa, 1954, стр. 156.

⁶ «Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym». Wrocław, 1956, стр. 268.

⁷ Там же, стр. 269—273.

⁸ «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 564; S t r u ś [J. S a w i c k i]. Ludzie i wypadki z 1861—1865. Lwów 1894.

ского, когда писал о своих контактах со стоявшими во главе заговора бывшими членами ЦК). В Краковском воеводстве находился и будущий член сентябрьского Жонда В. Бехоньский⁹. Все это подтверждает предположение о революционном облике галицийской оппозиции. А свидетельство Л. Булевского о ее составе уничтожает всякие сомнения: кроме отстраненных от власти членов ЦК, он называет членов непризнанных провинциальных организаций Галиции и Кракова (т. е. галицийских «красных») и сторонников Мерославского. Последнее обстоятельство не должно нас удивлять, ведь за Л. Мерославским в это время шла еще значительная часть действительно революционных элементов. Именно это и подчеркивал Л. Булевский, говоря, что мерославчики «добились ныне огромного прогресса» и «образуют теперь просто революционную партию».

Таким образом, можно утверждать, что произошедший в Варшаве в сентябре 1863 г. переворот «красных» не был обычным эпизодом в борьбе за власть среди верхушки повстанческой организации. Переворот возник как результат массового недовольства политикой «белых», как результат широко распространившегося революционного заговора, одним из главных центров которого был Краков. Возможно даже, что именно краковской оппозиции принадлежала инициатива в разработке плана переворота. Во всяком случае письмо Л. Булевского позволяет предполагать, что активная подготовка переворота началась в Кракове еще в конце июля (если не раньше), т. е. вскоре после временного «усмирения» варшавских «недовольных». По-видимому, краковская оппозиция вела подготовку в тесном контакте с Варшавой, куда уже в конце августа (к первоначально намеченному сроку переворота) выехал В. Бехоньский¹⁰.

Характерно, что, по словам Л. Булевского, план переворота намечал захват власти не только в Варшаве, но одновременно на местах, а именно в Кракове и Львове. К сожалению, нет почти никаких сведений о результатах осуществления этого плана. Правда, известно, что сентябрьское правительство, придя к власти, назначило полномочным комиссаром Галиции вместо В. Маевского Игнация Мацевского, однако он не успел по существу вступить в свою должность. Задача историков — подробнее выяснить связь между сентябрьскими событиями в Галиции и переворотом «красных» в Варшаве. Во всяком случае письмо Л. Булевского дает основание для таких поисков, свидетельствуя о существовании планов совместного выступления «красных» в столице и в провинции. Этот документ еще раз подтверждает роль галицийского центра в революционном заговоре, говорит о сплочении всех революционных сил восстания против реакции.

Письмо Л. Булевского содержит данные, ценные не только для внутренней истории восстания 1863 г. Оно позволяет поставить вопросы, выходящие за рамки чисто польских. Важнейшим из них является вопрос об источниках информации К. Маркса и Ф. Энгельса о польских событиях, о степени связей польской «левицы» с вождями мирового пролетариата.

Общезвестен тот интерес и внимание, с каким К. Маркс и Ф. Энгельс следили за событиями в Польше. Их оценка восстания на разных его этапах отличается меткостью и глубиной анализа, что отмечает в своей интересной книге польский историк Ц. Бобиньская. При этом она считает, что источники информации К. Маркса и Ф. Энгельса были весьма ненадежными, хотя сама приводит данные о контактах К. Маркса с А. Жабицким, Л. Булевским, Я. Чиньским, Я. Н. Яновским¹¹.

Между тем ряд соображений заставляет иначе взглянуть на эти связи. Что касается восстания 1863 г., обращает на себя внимание частое совпадение взглядов и оценок представителей польского революционного

⁹ «Zeznania śledcze...», стр. 46, 151, 265.

¹⁰ Там же, стр. 265.

¹¹ С. Б о б и н с к а. Указ. соч., стр. 156.

лагеря со взглядами и оценками классиков марксизма. Так, письмо Л. Булевского переключается с письмом К. Маркса Ф. Энгельсу 15 августа 1863 г., где он указывает на гибельность для восстания влияния Наполеона III и аристократической «белой» партии¹². Представляется, что причиной таких совпадений и переключек мог быть непосредственный обмен мнений между К. Марксом и Ф. Энгельсом, с одной стороны, и польской «левицей», с другой. Иными словами, последняя могла быть информатором К. Маркса и Ф. Энгельса, оказывая, таким образом, определенное влияние на складывание у них представлений о польских делах.

Письмо Л. Булевского может служить подтверждением такого предположения. Дело в том, что исследователей всегда удивлял факт упоминания К. Марксом в письме к Ф. Энгельсу от 12 сентября 1863 г. о перевороте «красных», произошедшем лишь 17 сентября, т. е. на пять дней позже¹³. Пытаясь объяснить это противоречие, Ц. Бобиньская ссылалась на циркулировавшие за границей слухи об атаках «красных» против Жюнда В. Маевского. Эти слухи в передаче Лапиньского, который тогда поддерживал с К. Марксом близкое знакомство, и могли, по ее мнению, лечь в основу сообщения К. Маркса¹⁴.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее острая борьба за власть в Варшаве развернулась лишь в начале сентября, и вряд ли слухи о ней могли так быстро дойти до Лондона. Есть основания предположить, что в основе этих слухов лежали какие-то иные сведения. В частности, такие сведения могли исходить от левого крыла эмиграции, принимавшего, как видно из письма Л. Булевского, активное участие в революционном заговоре. Само это письмо, датированное 20 августа и сообщавшее о намеченном на конец августа перевороте, могло послужить первоисточником правильной информации К. Маркса. Была ли эта информация передана непосредственно или прошла через вторые и третьи руки (например, через Лапиньского), — это уже другой вопрос, требующий особого изучения.

Во всяком случае несомненно одно: основоположники марксизма в своих выводах о польском восстании имели возможность опираться на информацию, исходящую из революционного лагеря. Таким образом, даже этот небольшой документ дает возможность поднять большой и важный вопрос о связях польских революционеров с создателями научного социализма и побудить историков продолжить исследования в этом направлении.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 162.

¹³ Там же, стр. 164.

¹⁴ С. Бобиньска. Указ. соч., стр. 171—172.

Б. С. Поцков

(Петрозаводск)

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Выдающийся польский ученый и прогрессивный общественный деятель Иоахим Лелевель (1786—1861 гг.) внес большой вклад в развитие польской исторической и общественной мысли первой половины XIX в. Круг его научных интересов охватывал всеобщую историю, историю славян и Польши с глубокой древности до современных ему событий, археологию, нумизматику, картографию, историю географии и права. В каждой области науки он сказал новое слово, решительно боролся против методологии и всех выводов феодальной историографии, сводившей исторический процесс к описанию правлений князей и королей.

Пламенный патриот, республиканец и интернационалист И. Лелевель создал новую концепцию польской истории. Он выдвинул главное в изучении истории Польши — историю ее народа и его культуры. На страницах его трудов впервые появился польский крестьянин. Независимо от французских историков периода Реставрации Лелевель пришел к пониманию борьбы классов: он прослеживал постоянную борьбу крестьян и шляхты, которая проходила красной нитью через всю польскую историю. Одним из важных итогов лелевелевского синтеза польской истории являлся его вывод о древнем гминовладстве (народоправии) славян, под которым ученый подразумевал фактически первобытнообщинный строй. Вывод И. Лелевеля о равенстве древних славян наносил удар по сторонникам теории извечности частной собственности и вызывал бешеную злобу реакционеров.

Историческая концепция И. Лелевеля была идеалистической, но она сыграла прогрессивную роль в идейно-политической борьбе, развернувшейся в Польше в XIX в. Лагерь польской демократии взял на свое идейное вооружение выводы И. Лелевеля о роли народных масс в истории, о классовой борьбе крестьян и шляхты, об исконных республиканских институтах польского государства. Активный участник и один из лидеров левого крыла польского восстания 1830—1831 гг. И. Лелевель сыграл выдающуюся роль в развитии революционных взглядов польских эмигрантов. Он исходил из неразрывной связи национально-освободительной борьбы и социальных преобразований в Польше, верил в творческие силы польского народа, указывал, что только народные массы являются силой, способной возродить национальную независимость страны.

Жизненный и творческий путь И. Лелевеля, крупного политика и ученого, чьи труды открывали новые горизонты в науке, привлекал постоянное внимание широких кругов польского общества. Однако классово ограниченная польская шляхетско-буржуазная историография не

смогла дать правильной оценки его взглядов и выяснить его роль в истории науки. Польские реакционные историки — К. Гоффман, К. Сенкевич, краковская историческая школа, — решительно выступали против республиканских и демократических взглядов И. Лелевеля, отрицали научное значение его трудов, а варшавская историческая школа того времени старалась выхолостить прогрессивное содержание взглядов историка и представить его как обыкновенного либерала. В межвоенной Польше утвердился взгляд на И. Лелевеля как на непосредственного предшественника официальной исторической науки польского буржуазного государства. Буржуазные польские историки в XX в. канонизировали Лелевеля-историка, замалчивая демократизм его исторической концепции и осуждая революционную программу Лелевеля-политика.

Подлинно научное изучение жизни и творчества И. Лелевеля начато впервые в Польской Народной Республике¹. Развитие новой исторической науки в народной Польше проходило в борьбе с буржуазной идеологией. Поэтому традиционный подход к И. Лелевелю, утвердившийся в буржуазной историографии межвоенной Польши, был преодолен не сразу.

В первые послевоенные годы в Польше были изданы некоторые работы, оценивавшие взгляды И. Лелевеля со старых позиций. К числу таких работ принадлежит опубликованная в 1946 г. книга проф. И. Хшановского «Иоахим Лелевель. Человек и писатель»², написанная еще до второй мировой войны. Автор отрывает общественно-политическую деятельность И. Лелевеля от его научного творчества. Лелевель — демократ и революционер — остался вне поля его зрения, хотя работа написана с большой симпатией к польскому историку.

Анализируя мировоззрение польского ученого, И. Хшановский не останавливался на процессе складывания его общественно-политических и философских взглядов, но старался доказать его религиозность. Высоко оценивая научные заслуги И. Лелевеля, он отмечал его новаторство, основание им подлинно научной критики источников, изучение им истории народа и его культуры. Но сам анализ взглядов И. Лелевеля на историю Польши, содержащийся в книге, был весьма некритическим и часто подменялся простым изложением его взглядов. И. Хшановский считал, что ошибочность некоторых выводов И. Лелевеля была обусловлена лишь тем, что он располагал слишком ограниченным кругом источников³.

Аналогичная оценка наследия И. Лелевеля содержится в четвертом томе известного труда проф. А. Брюкнера «История польской культуры»⁴, изданном в 1946 г. Автор дал высокую оценку И. Лелевелю как ученому, отметил разносторонность его научных интересов, новаторство, большое влияние его на молодежь. Однако историческая концепция историка не рассмотрена А. Брюкнером, отметившим только республиканизм историка. Оставляя вне поля зрения оценку И. Лелевелем роли народных масс в истории, вывод о классовой борьбе, исследователь не проанализировал эволюцию его взглядов. Фактически замалчивая демократическое содержание исторической концепции ученого под шелухой похвал по его адресу, А. Брюкнер старался противопоставить Лелевеля-ученого и Лелевеля-политика, подчеркивал, что он не был человеком действия, и все существо его политической деятельности сводил к отсутствию у него энергии.

С подобных позиций написаны страницы, посвященные И. Лелевелю, в работе проф. К. Тыменецкого «Очерк истории польской историогра-

¹ A. F. G r a b s k i. Badania nad Joachimem Lelewelem w Polsce współczesnej (1945—1960). «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 184—190.

² J. C h r z a n o w s k i. Joachim Lelewel. Człowiek i pisarz. Warszawa, 1946.

³ Там же, стр. 79, 175.

⁴ A. B r ü c k n e r. Dzieje kultury polskiej, t. 4. Dzieje Polski poroźbiórowej. 1795 (1772) — 1914. Kraków, 1946, стр. 333—336, 413—415.

фии»⁵. Отдав должное научному авторитету историка, автор умалчал об общественно-политическом значении его исторической концепции, развитии его взглядов и истоках его мировоззрения, представив И. Лелевеля лишь последователем республиканцев XVIII в., в частности Руссо.

Серьезной работой, посвященной И. Лелевелю, явилась книга проф. Ж. Кормановой «Иоахим Лелевель»⁶, в которой обращено большое внимание на изложение общественно-политических взглядов историка и описание его революционной деятельности. Ж. Корманова пришла к выводу, что в период работы И. Лелевеля в Виленском университете его мировоззрение еще полностью не оформилось. В 1821—1824 гг. он был в теории республиканцем, но на практике проявлял лояльность по отношению к царизму и был далек от мысли о действенной борьбе с ним. Удаление И. Лелевеля из Виленского университета способствовало превращению его в «страстного демократа и убежденного республиканца»⁷. В период пребывания в Варшаве в 1824—1831 гг. И. Лелевель стал политиком и общественным деятелем, идейным руководителем польской демократии⁸.

Ж. Корманова рассмотрела участие И. Лелевеля в ноябрьском восстании 1830—1831 гг. Анализируя различные версии о его связях с организаторами движения, она не решила окончательно этот вопрос, но пришла к заключению, что «Лелевель оставался в тесном контакте с подпольной Польшей, а его скромный домик на улице Длугой был уже не только мастерской ученого, но стал очагом заговорщических совещаний»⁹. По мнению автора, именно в 1831—1832 гг. во Франции И. Лелевель превратился в «пламенного апостола новой правды, непреклонного борца демократической, республиканской и народной польской мысли»¹⁰. В книге освещается политическая деятельность историка в эмиграции, его сотрудничество с революционерами разных стран, связи И. Лелевеля с К. Марксом и Ф. Энгельсом¹¹.

Ж. Корманова рассмотрела главные аспекты творчества И. Лелевеля, указала на его раннюю научную самостоятельность, отметила особенности его взглядов на основные проблемы прошлого своей родины. Книгу Ж. Кормановой можно рассматривать как определенный этап в изучении жизни и творчества И. Лелевеля: на страницах этой работы впервые в польской историографии обращалось особое внимание на его общественно-политическую деятельность, демократические взгляды и связи с европейской демократией.

Большой вклад в исследование различных проблем научного творчества И. Лелевеля внес проф. М. Серейский. В статье «Опыт характеристики идеологических позиций И. Лелевеля как историка»¹² он впервые в польской историографии попытался выяснить классовую направленность его исторической концепции. Автор справедливо отметил, что истоки взглядов И. Лелевеля надо искать не в историко-литературных традициях, а в общественных, экономических и политических отношениях в Польше первой половины XIX в.¹³ Исследователь пришел к правильному выводу

⁵ K. T u m i e n i e s k i. Zarys dziejów historiografii polskiej. Kraków, 1948, стр. 36—38.

⁶ Z. K o r m a n o w a. Joachim Lelewel. Łódź, 1946. См. рецензию акад. В. И. Пичеты в журнале «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 136—138.

⁷ Z. K o r m a n o w a. Указ. соч., стр. 34.

⁸ Там же, стр. 37.

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ Там же, стр. 61.

¹¹ Ж. Корманова писала, что «Лелевель никогда не стал полностью на почву научного социализма» (там же, стр. 82. Курсив наш.— Б. П.). В действительности польский историк вообще не воспринял марксизм.

¹² M. H. S e r e j s k i. Próba charakterystyki ideologicznej postawy J. Lelewela jako historyka. «Przegląd historyczny», t. XL, 1950, стр. 53—71.

¹³ Там же, стр. 53.

о том, что нет оснований разграничивать творчество И. Лелевеля до Ноябрьского восстания и в эмиграции, так как после 1831 г. не произошло существенных изменений его взглядов, а западная историография не оказала на него значительного влияния.

Анализируя оригинальность выводов И. Лелевеля как выражение специфических условий Польши, отличавшихся от передовых капиталистических стран, М. Серейский отметил, что своеобразие общественно-экономических отношений в Польше не способствовало распространению там теорий капиталистического Запада. Национальные и общественные отношения в стране создавали благоприятные условия для развития в Польше романтизма. В концепции национальной истории, развитой И. Лелевелем — главой польской романтической историографии, видное место занимала борьба славянских элементов за свое национальное возрождение¹⁴. Слабое развитие капитализма в Польше привело к тому, что И. Лелевель, в отличие от Тьерри, Гизо, Минье, не замечал роли буржуазии. Он искал специфические черты своей страны в аграрных отношениях древней Польши, придавал особое значение сельскому населению¹⁵. «Исторические концепции Лелевеля, — писал М. Серейский, — отражали во всей полноте актуальность в Польше крестьянского вопроса и приближавшейся аграрной революции»¹⁶. И. Лелевель был в Польше первым историком, интересовавшимся острыми социальными проблемами, его можно назвать «отцом» идеи классовой борьбы в польской историографии; однако он видел противоречия не между крестьянством и шляхтой в целом, а между основами гминовладства и аристократическим духом, отрицая в будущей социальной революции необходимость применения силы для уничтожения кастовых привилегий¹⁷. М. Серейский пришел к заключению, что И. Лелевеля следует считать мелкобуржуазным историком¹⁸.

Девяностолетие со дня смерти И. Лелевеля не было ознаменовано в Польше появлением каких-либо значительных работ, посвященных его творчеству. В газетах и журналах были опубликованы лишь краткие статьи, характеризующие его научные заслуги, передовые политические взгляды и общественную деятельность.

Имя И. Лелевеля часто звучало в выступлениях участников первой методологической конференции польских историков, состоявшейся в конце декабря 1951 — начале января 1952 г. в Отвоцке. Выступавшие неоднократно обращались к наследию И. Лелевеля, показывая демократические, прогрессивные черты его исторической концепции¹⁹. Особое внимание оценке И. Лелевеля на конференции уделил М. Серейский в докладе «Традиции польской историографии»²⁰. Он показал, что И. Лелевель близок современной польской историографии интересом к роли народных масс в истории, отрицанием извечности частной собственности, борьбой за новую, антифеодальную Польшу. М. Серейский последовательно подчеркнул прогрессивные стороны взглядов историка.

Важным вкладом в польскую историографию явилась книга М. Серейского «Иоахим Лелевель. Из истории передовой исторической мысли в Польше»²¹, представляющая краткий очерк жизни, политической деятель-

¹⁴ М. Н. S e r e j s k i. Próba charakterystyki ideologicznej postawy J. Lelewela jako historyka. «Przegląd historyczny», t. XL, 1950, стр. 58.

¹⁵ Там же, стр. 61—63.

¹⁶ Там же, стр. 64.

¹⁷ Там же, стр. 65, 66, 68.

¹⁸ Там же, стр. 70.

¹⁹ «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Przemówienia, referaty, dyskusja», t. I—II. Warszawa, 1953.

²⁰ М. Н. S e r e j s k i. Tradycje historiografii polskiej. «Pierwsza konferencja...», t. I, стр. 123—125.

²¹ М. Н. S e r e j s k i. Joachim Lelewel. Z dziejów postępowej myśli historycznej w Polsce. Warszawa, 1953.

ности и научных достижений польского ученого. Дав общую характеристику социально-экономического развития Польши в первой половине XIX в., автор показал, что идеология И. Лелевеля, одного из руководителей антифеодального лагеря, оформившегося в качестве политического деятеля после ноябрьского восстания 1830—1831 гг., выражала интересы мелких производителей и мелких собственников. Историк приближался частично к революционным демократам, однако он был чужд социализму²².

Рассматривая основные элементы методологии И. Лелевеля, взгляды которого, по мнению автора, окончательно выкристаллизовались в начале эмиграции, М. Серейский подчеркнул, что он был в Польше одним из немногих ученых, интересовавшихся теоретическими проблемами. Исследователь обратил внимание на близость польскому историку рационалистической философии XVIII в., особенно ее материалистических тенденций, хотя мировоззрение И. Лелевеля в целом было идеалистическим²³.

Автор проанализировал достижения И. Лелевеля в области истории Польши, вспомогательных исторических дисциплин и всеобщей истории. М. Серейский показал, что в лелевелевских идеалах возвращения к первобытной демократии проявлялись буржуазные по существу требования²⁴. Концепция И. Лелевеля была антифеодальной и выполняла тогда передовую роль²⁵.

Формирование теоретических основ историографии И. Лелевеля рассмотрено в работах проф. Н. Ассородобрай, опубликованных в 1955—1957 гг.²⁶ Она показала, что кристаллизация методологических основ историографии И. Лелевеля проходила в 1818—1826 гг. В эти же годы созревало его критическое отношение к официальной истории Польши, стремление сосредоточиться на изучении не истории государства, а истории народа. Н. Ассородобрай обратила внимание на взаимозависимость формирования научного новаторства польского историка и созревания шляхетско-революционной идеологии²⁷. Методологические взгляды И. Лелевеля, в которых основную роль играло понимание им связи истории и философии, стали теоретической основой всего его творчества; уточнению подвергались только оценка роли масс в истории и теория классовой борьбы²⁸.

Итоги своего анализа творчества И. Лелевеля Н. Ассородобрай изложила в статье «Формирование теоретических основ историографии Иохима Лелевеля (предвосстанческий период)». Она отметила интерес историка к судьбам народа, который в его повествовании являлся героем истории, обратила внимание на стремление И. Лелевеля писать историю культуры, под которой он понимал историю, охватывавшую все стороны жизни²⁹. Эта программа исследований открывала большие перспективы для познания истории в диалектической связи. Для историзма И. Лелевеля характерно познание всего исторического процесса с точки зрения диалектики общественных перемен и отношений между классами³⁰. Еще до восстания 1830—1831 гг. ему была близка идея о способности масс к политической активности³¹.

²² Там же, стр. 8, 9, 11.

²³ Там же, стр. 60—61.

²⁴ Там же, стр. 84, 101.

²⁵ Там же, стр. 107, 108.

²⁶ N. A s s o r o d o b r a j. Założenia teoretyczne historiografii Lelewela. «Materiały dyskusyjne komisji naukowej obchodu roku Mickiewicza. PAN. Sekcja historii i historii filozofii». Warszawa, 1955; N. A s s o r o d o b r a j. Lelewela «historia filozoficzna». «Myśl filozoficzna», 1956, N 2, стр. 54—83; N. A s s o r o d o b r a j. Kształtowanie się założeń teoretycznych historiografii Joachima Lelewela (Okres przedpowstaniowy) «Z dziejów polskiej myśli filozoficznej i społecznej», t. III, Warszawa, 1957, стр. 112—194.

²⁷ N. A s s o r o d o b r a j. Lelewela «historia filozoficzna», стр. 54—55.

²⁸ Там же, стр. 55, 63.

²⁹ N. A s s o r o d o b r a j. Kształtowanie się założeń..., стр. 114, 126.

³⁰ Там же, стр. 131—132.

³¹ Там же, стр. 135.

Н. Ассородобрай высоко оценила теоретическую работу польского историка. Она пришла к выводу, что значительная роль И. Лелевеля в польской историографии связана не только с его новаторским синтезом истории Польши, но и с теоретическим осмыслением им исторических событий³².

В последней части статьи Н. Ассородобрай рассматривает понимание И. Лелевелем взаимосвязи национальной и всемирной истории. История Польши была для ученого частью всемирно-исторического процесса. Его лекционные курсы, в которых он выдвигал на первый план динамику общественных перемен, созревание нового в старом, оказывали большое влияние на формирование мировоззрения филематской молодежи и молодого А. Мицкевича³³. Вместе с тем Н. Ассородобрай пришла к выводу, что в годы виленской профессуры в работах И. Лелевеля только вырисовывались контуры синтеза истории Польши, созданного им впоследствии и оказавшего большое влияние на идеологов польского национально-освободительного движения³⁴.

Работы Н. Ассородобрай имеют большое значение для выяснения этапов и путей формирования мировоззрения И. Лелевеля и его исторической концепции.

Изучению взглядов И. Лелевеля на проблемы всеобщей истории посвящены статья М. Серейского «Лелевелевское понимание всеобщей истории» и его монография «Концепция всеобщей истории Иоахима Лелевеля»³⁵.

В статье М. Серейский пришел к заключению, что взгляды И. Лелевеля на всеобщую историю сформировались главным образом в 1822—1824 гг. во время чтения им университетских курсов³⁶. Историк выступал за универсальное понимание всеобщей истории, отвергал как априоризм, так и описание изолированных исторических фактов. Предметом всеобщей истории, по его мнению, были все народы и все отношения людей³⁷. Он исходил из необходимости изучать национальную историю на всемирно-историческом фоне³⁸. Истории, рассматривающей героев, он противопоставлял историю «общественных союзов» народов³⁹.

Монография М. Серейского посвящена анализу взглядов Лелевеля на всеобщую историю, оформившихся в предшествующий Ноябрьскому восстанию период. Автор обратил особое внимание на связь И. Лелевеля с западноевропейской историографией и показал, что, изолируя польского историка от развития европейской науки, нельзя понять генезис его исторической теории. Вместе с тем исследователь подчеркнул, что взгляды И. Лелевеля создавались на основе условий польской жизни⁴⁰.

Большой интерес представляет очерк развития исторической науки в Варшавском и Виленском университетах, содержащийся в этой книге. Как отметил М. Серейский, окончивая университет, И. Лелевель имел определенно выраженные научные интересы. Если в начале учебы он часто некритически следовал за своими предшественниками, то в конце университетских занятий молодой историк выработал уже самостоя-

³² N. A s s o r o d o b r a j. Kształtowanie się założeń..., стр. 142.

³³ Там же, стр. 177.

³⁴ Там же, стр. 178, 191.

³⁵ M. H. S e r e j s k i. Lelewelowskie pojęcie historii powszechnej. «Studia i materiały do dziejów nauki polskiej», t. 6. Historia nauk społecznych, zesz. 4. Warszawa, 1957, стр. 45—62; M. H. S e r e j s k i. Koncepcja historii powszechnej Joachima Lelewela. Warszawa, 1958.

³⁶ M. H. S e r e j s k i. Lelewelowskie pojęcie..., стр. 46.

³⁷ Там же, стр. 49.

³⁸ Там же, стр. 51.

³⁹ Там же, стр. 54, 58.

⁴⁰ M. H. S e r e j s k i. Koncepcja historii powszechnej..., стр. 7.

тельные концепции и нередко вступал в полемику с признанными авторитетами ⁴¹.

В монографии М. Серейский повторил выводы своей статьи о взглядах И. Лелевеля на всеобщую историю. Он пришел к заключению, что И. Лелевель принадлежал к тому направлению в романтической историографии, которое не отказывалось от наследия эпохи Просвещения, но преодолевая его недостатки, углубляло историческое познание. Автор отметил общественно-политическое значение исторической теории И. Лелевеля ⁴².

Приступая к освещению вклада И. Лелевеля в изучение различных разделов всеобщей истории, М. Серейский отметил его интерес к античности, особенно к истории финикийян, евреев и греков ⁴³. В греческой истории И. Лелевель привлекали прежде всего демократические Афины ⁴⁴. Он отводил Риму видное место в истории древнего мира, но его симпатии были на стороне Греции.

Серьезное внимание уделял И. Лелевель средним векам. В его оценке средневековья сочетались взгляды деятелей Просвещения и новые воззрения начала XIX в. ⁴⁵ Польскому историку было присуще отрицание существования феодализма в странах Восточной Европы и противопоставление исторических путей народов Западной и Восточной Европы ⁴⁶. М. Серейский пришел к выводу, что в лелевелевской концепции средние века — это не тысячелетие застоя, но и не пример для подражания, а звено в историческом развитии европейских народов ⁴⁷.

Автор проанализировал взгляды И. Лелевеля на новую историю, отметив, что он уделял этому периоду истории меньше внимания, чем античности и средневековью. В новой истории И. Лелевель искал «дух времени», особое внимание он уделял как политическим, так и культурным связям государств ⁴⁸. Взгляды польского историка на всеобщую историю не были оторваны от жизни, а выросли из актуальных проблем современной ему действительности, они отражали его политические убеждения, которые вызвали энтузиазм патриотической молодежи ⁴⁹.

Работа М. Серейского «Концепция всеобщей истории Иоахима Лелевеля» является первой монографией, посвященной изучению взглядов И. Лелевеля на проблемы всеобщей истории. Она дает полное представление о взглядах историка.

Жизни И. Лелевеля в эмиграции посвящена интересная работа проф. С. Кеневича «Брюссельский отшельник» ⁵⁰, в которой в доступной широкому кругу читателей форме рассказывается о политической деятельности и научной работе польского историка ⁵¹.

Другие польские исследователи осветили в своих работах некоторые частные проблемы, связанные с изучением научного наследия И. Лелевеля. Критике И. Лелевелем «Истории» Н. М. Карамзина посвятил статью Б. Гальстер ⁵². Автор пришел к выводу о сходстве взглядов

⁴¹ Там же, стр. 217.

⁴² Там же, стр. 258—259.

⁴³ Там же, стр. 260, 274.

⁴⁴ Там же, стр. 282.

⁴⁵ Там же, стр. 304.

⁴⁶ Там же, стр. 320.

⁴⁷ Там же, стр. 340—341.

⁴⁸ Там же, стр. 343.

⁴⁹ Там же, стр. 298, 401.

⁵⁰ S. K i e n i e w i c z. Samotnik brukselski. Opowieść o Joachimie Lelewelu. Warszawa, 1960.

⁵¹ Подробнее см.: Б. С. П о п к о в. Книга об Иоахиме Лелевеле. «Новая и новейшая история», 1961, № 1, стр. 158.

⁵² B. G a l s t e r. O lelewelowskiej krytyce «Historii» Karamzina. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 3, стр. 121—139.

И. Лелевеля и декабристов в оценке русского дворянского историка⁵³. Совпадение этих взглядов важно для характеристики виленского научного центра, из которого вышел А. Мицкевич. Рецензия И. Лелевеля сыграла серьезную роль в борьбе с феодальной историографией в 20-е годы XIX в.⁵⁴

Важные вопросы генезиса научных взглядов И. Лелевеля впервые поднимаются в статье Ф. Броновского «Идея гминовладства в раннем творчестве Иаохима Лелевеля»⁵⁵. Здесь рассматриваются его неопубликованные работы «Последнее прибытие скифов в Скандинавию» и «Взгляд на историю народов дохристианского периода с рассмотрением их начала и происхождения» и дается общая характеристика научных интересов польского историка в годы его учебы в Виленском университете. Автор справедливо отметил, что университетские годы И. Лелевеля сыграли важную роль в развитии будущего ученого. Именно в это время формировался его интерес к проблемам, над которыми он работал в зрелые годы⁵⁶.

Рассматривая неопубликованные работы И. Лелевеля, Ф. Броновский отметил, что взгляды, изложенные в них, несмотря на то, что они были заимствованы из литературы, содержали много оригинального⁵⁷. Именно в этих работах молодой ученый уже проявил симпатии к демократическим, республиканским формам правления в древности, изложил начала идеи гминовладства. Эта идея связывалась тогда у И. Лелевеля с примитивными обществами и отношениями, основанными на родовой связи. По мнению Ф. Броновского, в этих работах польского историка видны черты, общие с демократическим течением эпохи Просвещения, ведущим начало от Руссо и Мабля. Идеи свободы и гминовладства впоследствии стали важной составной частью лелевелевской концепции истории Польши⁵⁸. Ф. Броновский пришел к выводу о сходстве концепций молодого историка с его позднейшим зрелым синтезом национальной истории⁵⁹. Выводы автора показывают, что основные взгляды И. Лелевеля сформировались, несомненно, до эмиграции.

Большой интерес представляет статья Ф. Броновского «Идея народа в творчестве И. Лелевеля в 1806—1830 гг.»⁶⁰, в которой рассматривается эволюция взглядов польского историка на роль народа в истории⁶¹.

Г. Винницкая в статье «Цены, тиражи, покупатели „Dziejów potocznych“ Иаохима Лелевеля»⁶² поставила вопрос о распространении этой работы и ее влиянии на современников. Сопоставляя цены на книги и другие товары, она пришла к выводу о том, что книга И. Лелевеля была доступна широким слоям населения, а факт тринадцати изданий этого сочинения говорит о его популярности в Польше.

В 1960 г. была опубликована статья З. Мареш «Лелевель — государственный деятель и наше политическое воспитание»⁶³, которая посвящена рассмотрению И. Лелевелем истории восстания 1830—1831 гг. на основе

⁵³ B. Galster. O lelewelowskiej krytyce «Historii» Karamzina. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 3, стр. 130—131, 135, 136.

⁵⁴ Там же, стр. 131—133.

⁵⁵ Fr. Bronowski. Idea gminowładztwa we wczesnej twórczości Joachima Lelewela (Ze studiów nad dwoma rękopisami z 1806 r.). «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 8. Łódź, 1958, стр. 51—66.

⁵⁶ Там же, стр. 51.

⁵⁷ Там же, стр. 57.

⁵⁸ Там же, стр. 60—61.

⁵⁹ Там же, стр. 63.

⁶⁰ Fr. Bronowski. Idea narodu w twórczości J. Lelewela w latach 1806—1830. «Roczniki historyczne». Rocznik XXVI. Poznań, 1960, стр. 171—194.

⁶¹ Подробнее см.: Б. С. Понков. Идея народа в творчестве И. Лелевеля. «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 194—195.

⁶² H. Winnicka. Ceny, nakłady, odbiorcy «Dziejów potocznych» Joachima Lelewela. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 12. Łódź, 1959, стр. 153—168.

⁶³ Z. Maresch. Lelewel-statysta i nasze wychowanie polityczne. «Zeszyty nau-

анализа его публицистических работ. И. Лелевель, по мнению исследовательницы, никогда не ставил задачу научного анализа событий восстания, а его влияние на польскую историографию и на политическое воспитание польского общества вытекало не столько из его исторических концепций, сколько из его политических взглядов.

В статье З. Мареш содержится тенденциозная критика польского историка. Автор видит в нем только фантазера, лишенного способности реально оценивать обстановку. З. Мареш считает И. Лелевеля проповедником мессианизма⁶⁴. Она обвиняет его в якобы априорном подходе к событиям, в стремлении подогнать факты под заранее созданную схему, т. е. старается доказать необъективность ученого, повторяя в этом отношении обвинения по его адресу, с которыми выступали некоторые польские историки XIX в. В статье делается попытка доказать, что И. Лелевель стремился извлечь из истории Пястов и Ягеллонов уроки для политической борьбы, часто приводил мнения, не аргументируя их, под предлогом их общеизвестности⁶⁵. Романтизм историка З. Мареш отрывает от реальной политики. По ее мнению, представления И. Лелевеля о политической жизни были нереальными. Эти личные мнения «знаменитого нумизмата» якобы перешли в польскую историографию и формировали политические течения, оказывавшие вредное влияние на развитие политической жизни в Польше. Главную причину широкого распространения этих взглядов З. Мареш видит в их привлекательности. Автор ставит под сомнение значимость научных выводов ученого по истории Польши.

Статья З. Мареш умаляет значение прогрессивного для своего времени научного и политического наследия И. Лелевеля. З. Мареш отрывает историка от конкретной политической среды и обстановки, в которой он действовал, сводя все существо его программы к субъективным факторам, замалчивая тот факт, что деятельность И. Лелевеля была обусловлена расстановкой политических и социальных сил в Польше первой половины XIX в.

Статья З. Мареш вызвала критические замечания польских ученых. Проф. Ю. Дуткевич откликнулся на нее заметкой «Лелевель и наше политическое воспитание»⁶⁶. Он показал, что аргументы, которыми оперирует З. Мареш в своей критике И. Лелевеля, напоминают взгляды краковской исторической школы прошлого века, в частности, Бобжинского. Автор отметил, что величие выдающегося польского историка было именно в том, что он не был кабинетным ученым, а его научные работы имели политическое звучание⁶⁷. В статье З. Мареш смешана критика ошибок, которые были допущены самим И. Лелевелем, с ошибками левого течения в Ноябрьском восстании. Ю. Дуткевич возражает против попытки З. Мареш приписать польскому ученому мессианизм, называя это мистификацией⁶⁸. З. Мареш обошла молчанием тот факт, что И. Лелевель совершил в ходе восстания эволюцию влево, придя к лозунгам социальной революции. Вопреки утверждению З. Мареш, резюмировал свои выводы Ю. Дуткевич, на последующие поколения историков оказал влияние не Лелевель-публицист, а Лелевель — автор синтеза польской истории.

В мае 1961 г. польская общественность широко отметила столетие со дня смерти И. Лелевеля. В Польше были опубликованы новые работы, посвященные отдельным сторонам его жизни, политической и научной

kowe Uniwersytetu Wrocławskiego im. Bolesława Bieruta». Seria A. N. 25. Nauki pedagogiczne i psychologia. Warszawa — Wrocław, 1960, стр. 195—224.

⁶⁴ Там же, стр. 208.

⁶⁵ Там же, стр. 209—210.

⁶⁶ J. Dutkiewicz. Lelwiel a nasze wychowanie polityczne. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 999—1002.

⁶⁷ Там же, стр. 1000.

⁶⁸ Там же, стр. 1001.

деятельности⁶⁹, организованы выставки⁷⁰, проведены научные сессии в Институте истории Польской Академии наук и в ряде университетов⁷¹. Материалы этих сессий опубликованы в специальном номере журнала «Kwartalnik historyczny», а также в сборниках, изданных в Лодзи и Познани⁷². В докладах, прочитанных на лелевелевских сессиях, подняты актуальные вопросы творчества ученого, по-новому освещены некоторые из-вестные аспекты его деятельности.

М. Серейский поставил задачу исследовать, как в творчестве И. Лелевеля отразились специфика его эпохи и народа, а также оригинальные черты его индивидуальности⁷³. Он отметил, что историки первой половины XIX в., в том числе и И. Лелевель, оказывали большое влияние на формирование национального сознания. Польский ученый не отделял исторических взглядов от общего мировоззрения и политических убеждений, он считал, что историк не может быть нейтральным наблюдателем и простым регистратором фактов⁷⁴. Историческая концепция И. Лелевеля, сочетавшаяся с патриотизмом, республиканизмом и романтическим национализмом, служила в то время идеологическим оружием в борьбе за независимость Польши и демократизацию ее общественного устройства. Особое место И. Лелевеля в польской историографии определяется его вниманием к роли народных масс, изучением истории в свете борьбы классов, отрицательной оценкой христианизации Польши и роли католической церкви в общественной жизни.

Изучение связи И. Лелевеля с современной ему эпохой М. Серейский продолжил в докладе «Место Иохима Лелевеля в современной ему исторической науке»⁷⁵, прочитанном на юбилейной сессии в Институте истории Польской Академии наук. Он показал, что И. Лелевеля волновали многие проблемы, стоявшие перед современными ему западными учеными. Однако его подход к истории в значительной степени отличался от взглядов западноевропейских ученых. Польский историк считал, что история создается всем народом, а не привилегированными сословиями. Если

⁶⁹ J. A d a m u s. Leleweł jako historyk prawa. «Czasopismo prawno-historyczne», 1962, № 1, стр. 9—34; A. K o w a l s k a. O kontaktach Lelewela z filomatami i prasą warszawską (Leleweł w Warszawie przed powstaniem listopadowym). «Przegląd humanistyczny», 1962, № 5, стр. 127—146; G. L a b u d a. W stulecie śmierci dwu wielkich badaczy wczesnonośrednio-wiejszej słowiańszczyzny — Pawła J. Szafaryka i Joachima Lelewela. «Slavia occidentalis», 1962, t. 22, стр. 3—7; B. L e ś n o d o r s k i. Badacz i historyk (W setną rocznicę śmierci Joachima Lelewela). «Nowe drogi», 1961, № 5, стр. 81—95; M. H. S e r e j s k i. Joachim Leleweł. 1786—1861. Sa vie et son oeuvre. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1961; M. H. S e r e j s k i. Joachim Leleweł. Indywidualność historyka a jego poglądy. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 21, Łódź, 1961, стр. 3—24; M. H. S e r e j s k i. Joachim Leleweł. 1786—1861. «Acta Poloniae Historica». Polska Akademia Nauk. Instytut historii. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1962, № 6, стр. 35—54.

⁷⁰ «Obchody lelewelowskie. 1861—1961. Katalog wystawy zorganizowanej w Bibliotece Uniwersyteckiej w Łodzi w dniach od 24 maja do 24 czerwca 1961 r.» Oprac. J. Janowska. Łódź, 1962.

⁷¹ H. W i n n i c k a. Znaczenie J. Lelewela w naukach historycznych. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 1004—1005; A. F. G r a b s k i. Sesja naukowa w stulecie śmierci J. Lelewela w Uniwersytecie Łódzkim. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 1002, 1003.

⁷² «Kwartalnik historyczny». Studia lelewelowskie. 1961, № 4; «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne. Seria I, zesz. 24. Sesja naukowa w stulecie śmierci Joachima Lelewela (24 i 25 maja 1961 r.)». Łódź, 1962; «Z badań nad pracami historycznymi Joachima Lelewela. Referaty i głosy dyskusyjne z sesji naukowej UAM zorganizowanej ku uczczeniu setnej rocznicy śmierci. Prace wydziału filozoficzno-historycznego. Seria historia», № 9. Poznań, 1962.

⁷³ M. H. S e r e j s k i. Joachim Lelewel. Indywidualność historyka a jego poglądy. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 21. Łódź, 1961, стр. 3—24.

⁷⁴ Там же, стр. 9, 10, 13.

⁷⁵ M. H. S e r e j s k i. Miejsce Joachima Lelewela we współczesnej mu nauce historycznej. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 855—875.

историки на Западе подразумевали под народом прежде всего буржуазию, то И. Лелевель относил к этому понятию сельское население — мелкую шляхту и крестьян⁷⁶. Исторические взгляды И. Лелевеля, подчеркивал М. Серейский, были политически актуальны, они тесно переплетались с его политическими идеалами⁷⁷.

Н. Ассородобрай в юбилейном докладе продолжила изучение методологии И. Лелевеля⁷⁸. На основе анализа его неизвестных до этого рукописей она пришла к заключению, что ученый интересовался методологией исторического процесса задолго до Ноябрьского восстания. Рассмотрев различные варианты работы И. Лелевеля «Historyka», Н. Ассородобрай сделала вывод о том, что его методологические взгляды почти полностью созрели до эмиграции⁷⁹.

К. Тыменецкий посвятил свой доклад исследованию И. Лелевелем истории польского крестьянства⁸⁰. Он отметил, что И. Лелевель, не занимаясь специальным изучением экономического строя польского общества, исследовал не только юридические институты, но рассматривал процессы общественных преобразований в Польше. Отношение И. Лелевеля к крестьянскому вопросу позволяет считать его защитником крестьянства.

Проф. Е. Топольский в докладе на юбилейной сессии в Познани впервые в польской исторической литературе рассмотрел освещение И. Лелевелем вопросов экономики⁸¹. Он показал, что выдающийся ученый является в Польше одним из инициаторов изучения истории экономики. Его заслуги в этой области основаны на теоретическом выводе о необходимости включать экономические проблемы в исторические труды, хотя И. Лелевель еще не видел в экономике решающего фактора развития общества⁸².

Г. Ольшевский посвятил свой доклад взглядам И. Лелевеля на политический строй Речи Посполитой⁸³. Польский историк представлял процесс общественного развития Польши как столкновение антагонистических элементов — национальных и иноземных. Он исходил из положения, что идеалы республиканизма искони присущи полякам и составляют основу политического строя польского государства. Эта позиция приводила его к прославлению шляхетской демократии⁸⁴. Вывод И. Лелевеля об исконно национальном характере республиканских правительств в Польше имел большое значение в политической и классовой борьбе, развернувшейся в Польше в первой половине XIX в.⁸⁵ Вместе с тем Г. Ольшевский подчеркнул, что концепция политического строя шляхетской республики, развитая И. Лелевелем, была односторонней: он исходил из антагонизма только между шляхтой и магнатством. Несмотря на ошибочность взглядов И. Лелевеля в некоторых вопросах, они отличались последовательным патриотизмом и были для своего времени прогрессивны⁸⁶.

Ф. Броновский рассмотрел идею гминовладства во всеобщей истории И. Лелевеля⁸⁷, показав, что эта идея имела у историка актуальное обще-

⁷⁶ Там же, стр. 864.

⁷⁷ Там же, стр. 866.

⁷⁸ N. A s s o r o d o b r a j. «Historyki» Lelewela. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 967—989.

⁷⁹ Там же, стр. 987.

⁸⁰ K. T y m i e n i e s k i. Lelewel jako badacz dziejów chłopów i obrońca sprawy chłopskiej. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 887—896.

⁸¹ J. T o p o l s k i. Zagadnienia gospodarcze u Joachima Lelewela. «Z badań...», стр. 33—50.

⁸² Там же, стр. 34.

⁸³ H. O l s z e w s k i. Koncepcja reprezentacji Joachima Lelewela. «Z badań...», стр. 51—69.

⁸⁴ Там же, стр. 52.

⁸⁵ Там же, стр. 52—53.

⁸⁶ Там же, стр. 68—69.

⁸⁷ F. B r o n o w s k i. Idea gminowładztwa w historii powszechnej J. Lelewela. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 878—885.

ственное значение. Другой доклад Ф. Броновского посвящен анализу отношения И. Лелевеля к роли народа⁸⁸. Он отметил, что научное творчество самого польского историка тесно связано с его политической и общественной деятельностью. Идея о значении народного творчества в истории занимает центральное место уже в ранних работах ученого. Главную роль в историческом процессе он отводил народу⁸⁹. Правда, лелевелевская оценка роли народа не всегда была последовательна, так как ученый преувеличивал значение шляхетской демократии. Но его несомненной заслугой явилось обращение в исторических исследованиях не к истории государства, а к истории различных слоев общества.

Проф. Я. Адамус в докладе, прочитанном на научной сессии в Лодзи⁹⁰, показал, что лелевелевский синтез национальной истории представляет интерес и в наши дни.

Проф. З. Качмарчик впервые в польской историографии специально обратился к анализу периодизации истории Польши в трудах И. Лелевеля⁹¹. Он подчеркнул, что в ее основу И. Лелевель положил явления и факты, касающиеся общественных перемен и изменений в устройстве государства⁹².

Проф. Ю. Дуткевич рассмотрел политическую деятельность И. Лелевеля в восстании 1830—1831 гг.⁹³, которая, по его мнению, до сих пор не нашла исчерпывающей и правильной оценки в польской историографии. Исследователь указал, что нельзя ограничиваться выводом о том, что И. Лелевель не был Дантоном или Робеспьером. «Теперь мы видим, — отмечал Ю. Дуткевич, — что те общественные силы, которые он представлял, были слабыми, но в них коренился зародыш будущего»⁹⁴. Проследив эволюцию И. Лелевеля влево в ходе его активной политической деятельности, начавшейся с работы сейма 1830 г., и показав колебания и ограниченность его программы⁹⁵, Ю. Дуткевич впервые подошел к анализу роли И. Лелевеля в Ноябрьском восстании на фоне всей политической борьбы, развернувшейся в Польше в те годы. Он пришел к правильному выводу о том, что «слабость Лелевеля в восстании — это слабость всего Патристического общества, не умевшего установить контакт с массами, слабость революционного шляхетского движения»⁹⁶.

В ряде работ польских исследователей затронуты и другие проблемы, связанные с жизнью и творчеством И. Лелевеля. Достижениям ученого в библиотечном деле и библиографии посвящены статьи проф. Н. Венцковской⁹⁷, И. Трейхель⁹⁸ и монография В. Новодворского⁹⁹. Проф.

⁸⁸ Fr. B r o n o w s k i. Lelewel a idea narodu w I połowie XIX wieku. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 24, стр. 91—97.

⁸⁹ Там же, стр. 95.

⁹⁰ J. A d a m u s. Synteza republikańska Lelewela i jej aktualność. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 24, стр. 83—89.

⁹¹ Z. K a c z m a r c z y k. Zagadnienia periodyzacji historii Polski u Joachima Lelewela. «Z badań...», стр. 25—32.

⁹² Там же, стр. 29, 31.

⁹³ J. D u t k i e w i c z. Działalność polityczna Lelewela w powstaniu listopadowym. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zesz. 24, стр. 49—64.

⁹⁴ Там же, стр. 49.

⁹⁵ Там же, стр. 63.

⁹⁶ Там же, стр. 64.

⁹⁷ H. W i e s k o w s k a. Joachim Lelewel — sylwetka bibliotekarza. «Bibliotekarz», 1952, № 1, стр. 2—12.

⁹⁸ I. T r e i c h e l. Nie wydany tom trzeci «Bibliograficznych ksiąg dwojga» Joachima Lelewela. «Przegląd biblioteczny», 1955, № 2, стр. 145—157; I. T r e i c h e l. Joachim Lelewel jako bibliograf. «Biuletyn ośrodka bibliografii i dokumentacji PAN», 1955, № 7, стр. 3—9.

⁹⁹ W. N o w o d w o r s k i. Bibliograficznych ksiąg dwojga Joachima Lelewela. Studium historyczne-bibliograficzne na tle epoki. Wrocław, 1959.

Т. Завадский проанализировал взгляды И. Лелевеля на античность¹⁰⁰, Т. Добжевецкий изучил его вклад в историю искусства¹⁰¹, А. Надольский рассмотрел работы польского ученого по археологии¹⁰², М. Хайсиг выяснил его роль в развитии европейской нумизматики¹⁰³. Проф. Т. Завадский осветил изучение Лелевелем периферии античного мира¹⁰⁴, проф. Т. Ловмянский показал значение трудов И. Лелевеля по истории Литвы¹⁰⁵, проф. Б. Кюрбисувна исследовала его работы в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин¹⁰⁶, а проф. Г. Хмажиньский проанализировал его достижения в исследовании искусства¹⁰⁷. Т. Словиковский изучает значение дидактической концепции И. Лелевеля¹⁰⁸. Х. Венцковская и проф. Ж. Лабуда рассмотрели, как польские историки оценивали научные работы И. Лелевеля, а Х. Венцковская на основании материалов прессы воссоздала картину памятных дат, связанных с его жизнью¹⁰⁹. Польские исследователи осветили также некоторые другие аспекты общественной и политической деятельности выдающегося историка¹¹⁰.

В Польской Народной Республике проводится огромная работа по изданию научного наследия И. Лелевеля. В 1948—1956 гг. были изданы «Эмигрантские письма Иоахима Лелевеля», подготовленные к печати Х. Венцковской¹¹¹. Эпистолярное наследие И. Лелевеля эмигрантского периода, насчитывающее в данном издании около 1500 писем к различным лицам, представляет исключительно важный источник не только для изучения мировоззрения польского историка и его общественно-политиче-

¹⁰⁰ T. Z a w a d z k i. Joachim Leleweł jako badacz świata starożytnego. «Przegląd historyczny», 1952, t. XLIII, zes. 2, стр. 177—194.

¹⁰¹ T. D o b r z e n i e c k i. Joachim Leleweł jako historyk sztuki w świetle badań drzwi płockich i gnieźnieńskich. «Biuletyn historii sztuki», 1952, № 1, t. XIV, стр. 10—38.

¹⁰² A. N a d o ł s k i. Joachima Lelewela wkład do archeologii. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 931—936.

¹⁰³ M. H a i s i g. Znaczenie Lelewela dla numizmatyki europejskiej. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 939—944.

¹⁰⁴ T. Z a w a d z k i. Joachim Leleweł — historyk peryferii świata antycznego. «Z badań...», стр. 71—78.

¹⁰⁵ H. Ł o w m i a ń s k i. Joachim Leleweł jako historyk Litwy i Rusi. «Z badań...» стр. 79—98.

¹⁰⁶ B. K ũ r b i s ó w n a. Źródła historyczne i nauki pomocnicze u Joachima Lelewela. «Z badań...», стр. 99—118.

¹⁰⁷ G. C h m a r z y ń s k i. Wkład Joachima Lelewela do badań nad sztuką. «Z badań...», стр. 119—126.

¹⁰⁸ T. S ł o w i k o w s k i. Poglądy na nauczanie historii w Polsce w wieku XVIII oraz dydaktyczna koncepcja Joachima Lelewela. Kraków, 1960; T. S ł o w i k o w s k i. Aktualność wskazań dydaktycznych Joachima Lelewela dla nauczania historii. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zes. 24, стр. 143—153.

¹⁰⁹ H. W i ę c k o w s k a. Leleweł w opinii historyków polskich. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 899—912; G. L a b u d a. Twórczość Joachima Lelewela w poglądach historyków. «Z badań...», стр. 7—24; H. W i ę c k o w s k a. Obchody lelewelowskie. 1861—1961. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zes. 24, стр. 3—20.

¹¹⁰ W. Ł u k a s z e w i c z. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę ludów. «W stulecie wiosny ludów. 1848—1948, t. III. Wydawnictwo zbiorowe pod redakcją N. Gąsiorowskiej». Warszawa, 1951, стр. 169—384; A. F. G r a b s k i. Działalność Joachima Lelewela w Towarzystwie Warszawskim Przyjaciół Nauk (1808—1815—1831). «Kwartalnik historyczny», 1961, № 4, стр. 947—965; A. K a m i ń s k i. Leleweł — współtwórca jednego z pierwszych polskich związków studenckich. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Seria I, zes. 24, стр. 117—133; W. B o r t n o w s k i. Stanowisko Joachima Lelewela wobec rosyjskiego ruchu rewolucyjnego. Ibidem, стр. 65—77; F. P a p r o c k i. Kontakty polityczne Lelewela ze środowiskiem poznańskim. «Z badań...», стр. 127—148.

¹¹¹ «Listy emigracyjne Joachima Lelewela», t. I—V. Wydała i wstępem poprzedziła H. W i ę c k o w s k a. Kraków — Wrocław, 1948—1956.

ской деятельности, но и для изучения истории Польши 30—60-х годов XIX в., а также истории польской эмиграции и общественного движения в Европе.

Ученые народной Польши предприняли поиски новых материалов о И. Лелевеле в национальных и зарубежных архивах и опубликовали многие важные документы, относящиеся к его жизни и творчеству. Большой интерес представляют неизвестные ранее письма И. Лелевеля, написанные в 1831—1846 гг., и его ответ на анкету Ф. Гизо¹¹². Знакомству широких кругов польских читателей с работами И. Лелевеля в области истории и с его общественно-политической программой способствовали изданные в Польше избранные исторические и политические произведения историка¹¹³.

В октябре 1954 г. начал работу созданный по решению Института истории Польской Академии наук Лелевелевский комитет, возглавляемый проф. М. Серейским¹¹⁴. Целью комитета является координация изучения жизни, научной и политической деятельности И. Лелевеля и подготовка научного издания его сочинений¹¹⁵.

Настольной книгой всех исследователей научного наследия выдающегося польского историка стала «Библиография сочинений Иоахима Лелевеля», подготовленная Е. Глев-Кошаньской и М. Котвичувной¹¹⁶.

Таким образом, историки Польской Народной Республики внесли большой вклад в изучение жизни, научной и общественно-политической деятельности И. Лелевеля. Взгляды И. Лелевеля-историка они рассматривают на фоне научных достижений его эпохи, в неразрывной связи с классовой и общественно-политической борьбой, развернувшейся в Польше в первой половине XIX в. Современные польские историки, порвав с панегирическим восхвалением И. Лелевеля и с предвзятой критикой его научных достижений, исследуют классовые истоки его творчества, показывают прогрессивное значение его исторической концепции и политической программы.

¹¹² «Nieznane listy Joachima Lelewela z lat 1831—1946.» Wydała J. Berger-Mayrowa. Katowice, 1961; «Joachima Lelewela odpowiedź na ankietę historyczną François Guizota. Z nieznanego autografu przelożył, przedmową i komentarzem opatrzył M. H. Serajski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

¹¹³ J. L e l e w e l. Wybór pism historycznych. Opracowała H. Więckowska. Wrocław, 1950; J. L e l e w e l. Wybór pism politycznych. Pod redakcją i ze wstępem M. H. Serajskiego. Warszawa, 1954.

¹¹⁴ «Prace nad wydaniem dzieł Lelewela». «Kwartalnik historyczny», 1955, № 4/5, стр. 326—327; H. W. Siedem lat pracy Komitetu lelewelowskiego. «Kwartalnik historyczny», 1961, № 3, стр. 821—823.

¹¹⁵ В настоящее время изданы первый (1957), третий (1959), шестой (1962), седьмой (1961) и восьмой (1961) тома сочинений И. Лелевеля.

¹¹⁶ «Bibliografia utworów Joachima Lelewela». Opracowały H. Hleb-Koszańska i M. Kotwiczówna. Wrocław, 1952.

МУЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПОМОРЬЯ

В Польской Народной Республике ведется большая работа по освоению культурного прошлого, открываются все новые имена деятелей культуры, исследуются неизвестные ранее центры культурной жизни. Следует заметить, что до последнего времени во многих трудах польских ученых основное внимание уделялось только таким крупным центрам, как Варшава или Краков, между тем и такие города, как Быдгощ, Гданьск, Познань, Гнезно, сыграли значительную роль в истории польской культуры. В изучении истории этих очагов культуры принимают участие вновь созданные научные учреждения и объединения. Таково, например, Научное общество в Быдгощи (*Bydgoskie Towarzystwo Naukowe*), которое поставило своей целью изучение истории культуры населения на территории воеводства Быдгощского и Гданьского Поморья.

Как известно, в результате первого раздела северная часть Польши долгое время находилась под властью захватившей ее Пруссии, которая стремилась на этой территории к полному господству в области политики и экономики и пыталась приостановить развитие самобытной национальной польской культуры, в то же время искусственно насаждая немецкий язык и культуру на исконно польской территории. Культурные достижения населения этих областей или отрицались прусской реакцией или приписывались исключительно немцам.

В условиях, которые созданы народно-демократическим строем в Польше, ученые Быдгощи, Чоруня, Гданьска, Познани получили теперь все возможности для всестороннего исследования культуры прошлого польского народа. Их труды убедительно свидетельствуют, что культура северной части Польши неотделима от общенациональной польской культуры, что польский народ этих областей, несмотря на все старания прусской реакции, сумел сохранить свою национальную культуру, ее неповторимую самобытность.

Быдгощское научное общество начало исследования в области истории культуры Северной Польши с 1959 г., опубликовав ряд работ об истории, музыкальной культуре и архитектуре всего этого края. Особого рассмотрения заслуживает, например, «*Lustracja województw Wielkopolskich i Kujawskich*» (Bydgoszcz, 1961).

Изучение истории музыкальной культуры составляет одну из важнейших задач Общества. На научных сессиях Общества выступают с докладами видные польские музыковеды (В. Зентарский, П. Подейко и другие). Материалы сессий публикуются в серии «Из истории польской музыки»¹, издаваемой Обществом совместно с Поморской филармонией (главный редактор Е. Висневский). Уже издано четыре сборника этой серии. Кроме того, Поморская филармония (директор А. Швальбе, художе-

¹ «Z dziejów muzyki polskiej», 1—4. Bydgoszcz, 1960—1962.

ственный руководитель З. Хведчук) постоянно организует концерты, в программы которых входят произведения таких выдающихся польских композиторов прошлого, как М. Зеленский (1550—1615 гг.), М. Гомулка (1558—1609 гг.) и М. Звезховский (1720—1766 гг.), до последнего времени остававшийся неизвестным, — несмотря на значительность его творческого наследия.

Статьи, помещенные в названных сборниках, представляют несомненный интерес, так как содержат ранее неизвестные материалы, дающие возможность по-новому оценить самобытность и значение культуры Северной Польши. Так, статья Павла Подейко², помещенная в первом выпуске этой серии (1960 г.), содержит богатый фактический материал, подтверждающий, что северные земли Польши имеют давние традиции в области музыкальной культуры. На Поморье существовали свои музыкальные центры, здесь жили и работали многие известные польские композиторы и музыканты. Автор статьи показывает развитие музыкальной культуры в неразрывной связи с историей населения северных областей. Он дает общий очерк музыкальной жизни Польши с древнейших времен до XVII—XVIII вв., связывая этапы развития этого искусства с историческими событиями и идеологическими течениями эпохи. Особо автор останавливается на периоде Ренессанса, когда культура Поморья переживала бурный подъем. Многие уроженцы Поморья становятся активными деятелями польского гуманизма. На Поморье работали выдающиеся представители музыкальной культуры. Одним из них был М. Зеленский, талантливый композитор XVII в., стремившийся в своем творчестве отразить национальную самобытность народных мелодий. Другим был Г. Г. Горчицкий (ок. 1660—1731 гг.), выдающийся композитор, руководивший впоследствии Краковской капеллой. Девять лет в Торунь и в Гданьске работал Я. Щуровский, автор первой польской симфонии. Уроженцем Поморья был и В. Демболецкий (1585—ок. 1647 гг.), композитор и историк, издавший в 1615 г. в Торунь сборник песен «Pobudki do dobrej myśli».

Говоря о самобытности польской музыки, автор пользуется не только данными, почерпнутыми им из хроник, но и материалами археологических раскопок³. Эта работа утверждает славянские истоки культуры Поморья и показывает, сколь значительный вклад внесли в развитие музыкальной жизни Польши польские композиторы и музыканты — уроженцы северных земель.

Забытому центру музыкальной культуры, Перанию на Куявах, посвящено исследование Владислава Зентарского и Павла Подейко⁴. Почти полное отсутствие архивных материалов о музыкальной культуре заставило исследователей обратиться к произведениям изобразительного искусства. Тщательный анализ полихромии Яна Петри, художника из Торунь, помог воссоздать облик капеллы в Перане. Авторы отмечают правильность размещения участников капеллы, допуская, что художник изобразил реальных музыкантов, с которыми был хорошо знаком. Интересно, что на картине изображены те музыкальные инструменты, которые перечислены в списке инструментов, принадлежавших капелле. Авторы статьи, используя записи церковных книг, пытаются даже установить личность некоторых музыкантов. Из костельных книг узнают они и репертуар капеллы, который свидетельствует о высоком уровне мастерства исполнителей и ее долголетних традициях. Конкретный материал подтверждает богатство и глубоко национальный характер музыкальной куль-

² P. P o d e j k o. Dawna muzyka polska na terenie dzisiejszego województwa Bydgoskiego i Pomorza Gdańskiego (Bydgoszcz, 1960).

³ Раскопки в районе Гнезна, Гданьска свидетельствуют о том, что уже в XII—XIII вв. поморяне создавали оригинальные музыкальные инструменты.

⁴ W. Z i e n t a r s k i, P. P o d e j k o. Nieznany ośrodek muzyczny XVIII w. Pieranie na Kujawach. «Z dziejów muzyki polskiej», 2. Bydgoszcz, 1961. стр. 5—16.

туры Поморья. Об этом говорят и польские имена и фамилии участников капеллы; среди 33 имен только 2 не польские.

Другая работа В. Зентарского и П. Подейко⁵ также посвящена неизвестному до того музыкальному центру Северной Польши — Стшелньо. В XVII—XVIII вв. это был довольно крупный центр, здесь жили и работали видные органисты, композиторы, капелмейстеры. Характеризуя музыкальную культуру Стшелньо, авторы отмечают самобытность принятого здесь характера воспитания музыкантов-профессионалов. При всем своеобразии развития музыкальной культуры Стшелньо не теряет живых творческих контактов с Краковом, Гнезном и Вроцлавом. Известно, что две капеллы являлись основными центрами музыкальной жизни Стшелньо. Установить их репертуар пока не представляется возможным. Вместе с тем из архивных документов явствует, что стшеленские музыканты пользовались большим уважением среди граждан своего города и принимали деятельное участие в его общественной жизни.

В серии «Из истории польской музыки» помещаются также работы, освещающие творческую деятельность отдельных композиторов прошлого. Так, статья Вацлава Кмичица-Мелешиньского⁶ состоит из кратких очерков о польских музыкантах первой половины XVII в. Она содержит музыковедческий анализ произведений композиторов Северной Польши: Я. Бишоффа (умер в 1670 г.), П. Элерта (умер в 1653 г.), К. Форстера-младшего (1617—1673 гг.), П. Рошковича (ок. 1597—1673 гг.) и Б. Вардыньского (умер в 1651 г.), творчество которых основывалось на народных славянских музыкальных традициях, что выражается и в мелодическом рисунке их произведений, и в интервалике, и в том, что некоторые из них явно носят народный танцевальный характер.

Гнезненскому периоду жизни В. Данковского (1787—1790 гг.) посвящена статья В. Зентарского⁷. Творчество этого композитора характеризуется очень высоким уровнем мастерства и яркой самобытностью, которая особенно проявилась в развитии им приемов народно-инструментальной музыки. Живя в Гнезне, В. Данковский был дирижером капеллы и очень много сделал для увеличения и улучшения ее состава. Большую роль он сыграл также в расширении ее репертуара, часть которого составляли и его собственные произведения. В репертуар входили также «Kugie et Gloria» Ф. Кс. Брикси (1732—1771 гг.), выдающегося чешского композитора, принадлежавшего к чешской полифонической школе Б. Черногорского. Анализируя произведения Брикси, тщательно переписанные рукой В. Данковского, и опираясь на другие данные музыкальных архивов, В. Зентарский предполагает возможность личных контактов В. Данковского с выдающимся чешским музыкантом. Возможно также, что В. Данковский был знаком с Я. Ваньским, талантливым познаньским скрипачом и композитором. Эти данные, касающиеся гнезненского периода творчества В. Данковского, являются еще одним подтверждением того, что Поморье было связано в культурном отношении как со всей Польшей, так и с другими славянскими странами.

Ученые Поморья занимаются также изучением истории музыкальной культуры XIX—XX вв. Очерк Раймунда Кучмы и Ежи Журавского посвящен созданию народных хоров в Быдгощи⁸. В конце XIX в. в проти-

⁵ W. Zientarski, P. Podejko. Kapela instrumentalna wokalne w Strzelnie w XVII i XVIII w. «Z dziejów muzyki polskiej», 3. Bydgoszcz, 1961, стр. 36—47.

⁶ W. Kmicic-Mieliszynski. Sylwetki polskich kompozytorów z północnych ziem Rzeczypospolitej oraz niektóre ich utwory. «Z dziejów muzyki polskiej», 3. Bydgoszcz, 1961, стр. 5—35.

⁷ W. Zientarski. Działalność Wojciecha Dankowskiego w Gnieźnie. «Z dziejów muzyki polskiej», 4. Bydgoszcz, 1962, стр. 5—15.

⁸ R. Kuczma, J. Żurawski. Chóry polskie w Bydgoszczy na przełomie XIX i XX w. «Z dziejów muzyki polskiej», 2. Bydgoszcz, 1961, стр. 17—23.

вовес реакционным культурным организациям типа Bromberger Musik und Gesangverein, имевшим главной целью онемечивание польского населения, возникли Промышленное общество, Тайный союз учителей и другие патриотические организации, способствовавшие общенациональному культурному обмену. Каждое подобное общество имело свой хор, популяризовавший польские народные песни, и всеми средствами укрепляло национальные традиции.

Итак, серия «Из истории польской музыки», а также подготавливаемые к печати монографии Р. Кучмы и Е. Журавского о хоровой культуре Поморья и В. Кмичица-Мелешиньского об истории музыкальной культуры в Гданьске и издания произведений композиторов XVI—XVII вв. Северной Польши являются значительным вкладом в изучение истории культуры Поморья, новым свидетельством подлинно национального характера культуры Северной Польши.

Необходимо отметить также, что все работы, помещенные в этих четырех сборниках, написаны на высоком научном уровне. Можно быть уверенным, что последующие выпуски этой серии достойно продолжат это важное и своевременное начинание.

Л. А. Козырева

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОТЕРИИ В 1841 — 1843 ГОДАХ»¹

Книга, название которой мы выписали, принадлежит молодому польскому исследователю Мечиславу Инглоту. Ее заглавие не совсем точно. М. Инглот, в сущности, прослеживает, начиная с 30-х и кончая 50-ми годами XIX в., всю историю той влиятельной группы литераторов, которую называли то «волынско-литовской котерией», то «котерией шляхетско-католических писателей», то «центархией», то от названия журнала «Тыгодник петербургский» («Петербургский еженедельник») — «тыгодневой», или «петербургской котерией».

В свое время названная группа играла в польской литературной жизни немаловажную роль, о которой мы скажем ниже. Отчасти эта роль определялась уже самим составом котерии. В ее состав, кроме ксендза И. Головиньского, Ст. Холоневского, К. Подвысоцкого, А. Пшездзецкого и им подобных заурядных литераторов той поры, входили издатель упомянутого журнала Юзеф Пшецлавский, видный писатель Людвик Штырмер, известный романист граф Генрик Жевуский и выдающийся польский критик 30-х годов Михал Грабовский. Идейнными вождями группировки, сплотившейся вокруг «Тыгодника петербургского» и в 1841—1843 гг. представлявшей собою нечто вроде литературного клуба, были М. Грабовский и Г. Жевуский. Выражая интересы феодальной аристократии, «котерия» стремилась к политическому сотрудничеству с царизмом на основе признания за собой права пропагандировать среди поляков католицизм и реакционную славянофильскую идею объединения славянских народов под эгидой русского самодержавия. В области литературы она была яркой противницей так называемой «неистой» словесности, прежде всего французской, а также польской романтической поэзии, особенно революционной. Смыкаясь в своих нападках на «неистовую словесность» со столпами русской литературной реакции Ф. В. Булгариним и О. И.

¹ M. I n g l o t. Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841—1843. «Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego». Seria A. № 73. Wrocław, 1964, 293 str.

Сенковским, с варшавскими, познанскими и галицийскими консерваторами, «петербургская котерия» в то же время старалась заручиться поддержкой Ю. И. Крашевского, Ю. Коженевского и В. Сырокомли. После разгрома восстания 1830—1831 гг., когда корифей польского романтизма очутился в эмиграции, создание такой группировки обеспечивало ее представителям возможность оказывать существенное влияние на литературную жизнь не только бывших окраин Речи Посполитой и не только в Царстве Польском, но и на польских землях, захваченных Австрией и Пруссией.

Неудивительно поэтому, что деятельность «петербургской котерии» давно уже привлекала к себе внимание польских ученых. В частности, из старых работ о Г. Жевуском, М. Грабовском, Л. Штырмере, Ю. Пшецлавском и И. Головинском следует упомянуть труды Ст. Тарновского, П. Хмелевского и Т. Грабовского, из более поздних — З. Швейковского и А. Бара, пожалуй, самого дотошного из всех прежних исследователей. Деятельность М. Грабовского, Г. Жевуского и других получила в народно-демократической Польше частичное освещение в трудах М. Жмигродзкой и М. Страшевской. Но, оценивая с большей или меньшей обстоятельностью роль отдельных сотрудников «Тыгодника петербургского» в литературной жизни 40-х годов XIX в., никто из названных исследователей не ставил задачей охарактеризовать их как особую группу, возглавлявшую целое течение. Этот пробел восполняет книга Мечислава Инглота. Основательно изучив переписку между членами «котерии» по польским и советским архивам, М. Инглот поставил своей целью «наполнить реальным содержанием пустой до сих пор историко-литературный термин» (стр. 7), т. е. рассмотреть программу и оценить литературно-критическую деятельность группы в целом. Чтобы яснее представить себе, чем вызывалась необходимость постановки такой задачи и почему результаты исследования М. Инглота заслуживают особого внимания, надо вспомнить о тех трудностях, с какими приходится сталкиваться литературоведам при изучении генезиса польского критического реализма.

Общезвестно, что с начала 20-х годов вплоть до восстания 1863 г. развитие польской литературы протекало под знаком преобладания романтизма. Лишь во второй половине XIX в. господствующие позиции в польском искусстве завоевывает реалистическое направление, зачинателями которого еще в 40-х годах выступили Ю. И. Крашевский, Ю. Коженевский и В. Сырокомля. Но в 40-х годах XIX в. влияние корифеев романтической позиции Мицкевича, Словацкого, Красиньского и их последователей было настолько мощным, а романтическая критика, особенно в лице выдающегося революционного демократа Э. Дембовского, так тесно переплеталась с борьбой передовых сил польского общества за освобождение родины, что вся позднейшая польская литературоведческая мысль, естественно, сосредоточивалась почти исключительно на творчестве приверженцев романтического направления. По отношению к последнему реалистические начинания Крашевского, Коженевского, Сырокомли и других представлялись не только чем-то второстепенным, но и — самое любопытное — в некотором смысле даже одиозным. Одиозным именно потому, что борьба за утверждение реализма, немислимая без отрицания по крайней мере некоторых романтических тенденций, в 40-х годах неизбежно сливалась с нападками на романтизм со стороны «петербургской котерии», дискредитировавшей себя в глазах соотечественников своими антипатриотическими, процаристскими высказываниями. Это обстоятельство, разумеется, не могло не смущать польских исследователей. И хотя в свете позднейшего литературного развития прогрессивная роль борьбы за новую эстетику зачинателей реалистического направления стала как будто для всех очевидной, однако желающих погружаться в эту «каверзную» историю было немного. В результате недостаточного знания

позиции противников романтизма подлинная картина становления реалистического направления в 40-х годах казалась едва ли ни самой темной страницей в истории польской литературы XIX в. Чтобы пролить на нее свет, надо было выйти за рамки простой констатации связей Крашевского, Коженевского, Сырокомли и других с «Тыгодником петербургским» и раскрыть сущность противоречий той идейно-эстетической платформы, стоя на которой основатели «котерии» могли вовлекать в орбиту своего влияния зачинателей реалистического направления. Другими словами, необходимо было установить, что было безусловно реакционным, несостоятельным в выступлениях шляхетско-католической критики и что не было таковым и почему. обстоятельные ответы на все эти вопросы мы и находим в монографии Мечислава Инглота.

Прежде чем перейти к существу дела, отметим, что автору рецензируемой книги удалось справиться со своей задачей в значительной мере благодаря привлечению обширного нового фактического материала и, в частности, интереснейших данных о «Петербургском баламуте» — забытом сатирическом журнале, издававшемся поляками в «северной столице». Как установил М. Инглот, сотрудники этого издания, выходившего с 1830 по 1836 г., выступали с тех же позиций защиты царизма и аристократической критики шляхетского своеволия, якобы оправдывавшего разделы Речи Посполитой, что и позднейшая «петербургская котерия». Уже их нападки на европейскую «неистовую словесность» и ориентация на преимущественное развитие бытописательства, как доказывает М. Инглот, в какой-то мере предвосхищали отход от романтизма: не случайно ими впервые был введен в польскую литературу «физиологический очерк». Одним словом, уже здесь польский исследователь обнаруживает известные предпосылки противоречивого движения к реализму.

Последовательный исторический подход к оценке исследуемых явлений, придающий анализу М. Инглота характер строгой научной объективности, — это одно из существеннейших достоинств его труда. Причем М. Инглот старательно прослеживает не только преемственность национальных литературных традиций. Излагая литературные взгляды Грабовского, Шпецлавского, Крашевского и других, он рассматривает их в связи с движением европейской эстетической мысли, на фоне ее передовых достижений. Особенно большое значение придает он эволюции теоретических взглядов В. Г. Белинского, сравнение с которыми помогает ему в ряде случаев выявить историческую обусловленность сходных суждений польской критики и меру их прогрессивности для своего времени. При этом нередко выясняется, что точка зрения писателей, отходивших от романтизма, например Грабовского и Крашевского, в некоторых отношениях была ближе к эстетическим суждениям Белинского, чем Дембовского, приверженца революционно-романтической поэзии. Не претендуя на изложение содержания всей книги, укажем лишь те моменты, которые, по нашему мнению, наиболее важны для уяснения картины возникновения реалистического направления в польской литературе.

В этой связи прежде всего следует отметить правильность основной посылки польского исследователя. Согласно М. Инглоту, отрицательное воздействие «петербургской котерии», особенно в годы ее «диктата», сказывалось, несомненно, сильнее на художественном развитии, чем ее положительное влияние. Главную цель искусства шляхетско-католические литераторы, как устанавливает М. Инглот, усматривали в проповеди религиозной морали. Стремясь придать литературному развитию направление, соответствующее политике феодальной верхушки, Головицкий, Шпецлавский, Грабовский и их союзники, вроде издательницы варшавского «Пельгжима» Э. Земенцкой, толкали беллетристику на путь тенденциозной идеализации патриархальных обычаев и дидактизма. Такая

установка, по наблюдениям польского исследователя, неизбежно вела к снижению художественности, особенно в их собственных произведениях. Но при всем том, борясь за претворение своей программы в жизнь, они, по крайней мере частично, вынуждены были сообразоваться с эстетическими запросами широкого читателя и считаться не только с давнишними литературными традициями, но и с достижениями новейшего передового искусства, не исключая романтизма. Поэтому, подчеркивая пагубность их политической тенденции, польский ученый в то же время учитывает и другую сторону дела — то, что мировоззрение не сводится к одним политическим убеждениям, что последние прямо и непосредственно не совпадают с эстетическими и что вследствие этого несоответствия защитники отживающих сил общества могут приходить и иногда действительно приходили к верным выводам. Этот центральный тезис работы подтверждается добросовестным анализом деятельности всей «котерии», но особенно широко и полно раскрывается он на примере творчества М. Грабовского.

По Инглоту, поиски М. Грабовским новых путей литературного развития объясняются не только его способностями талантливого и образованного критика. М. Грабовский стал противником романтизма после восстания 1830 г. прежде всего потому, что романтизм пугал польскую аристократию страстностью патриотического пафоса и бунтарской, революционной устремленностью. Классовые симпатии — вот та главная причина, которая, как доказывается в монографии, определяла сходное отношение всех представителей «петербургской котерии» и к литературному наследию, и к польскому романтизму, и к «неистовой» французской словесности, и, наконец, к различным жанрам отечественной литературы.

Наиболее сложным в изложении автора монографии представляется противоречивое отношение «петербургской котерии» к литературным традициям. Борясь против прогрессивной тенденциозности как польской, так и европейской литературы, осуждая романтизм как «неистовую» словесность, подвергая сомнению заслуги даже таких мировых художников, как Гете и Шиллер, не говоря уже о Байроне, названная группа писателей противопоставляла этому, по их мнению, «безнравственному» искусству исторические романы Вальтера Скотта, романтическому направлению — новое, так называемое «народное» направление, призванное идеализировать в духе католической морали патриархальную старину. М. Инглот убедительно доказывает, что в данном случае представители этого течения являлись прямыми преемниками К. Бродзиньского и продолжали его борьбу с романтизмом, с той, однако, существенной разницей, что на новом этапе исторического развития они не могли уже не считаться и с некоторыми новейшими веяниями. Так, отдельными положениями своей теории М. Грабовский, как устанавливает исследователь, был обязан предшествующей романтической критике М. Мохнацкого. Вслед за Гегелем, он признавал идею непрерывного развития, доказывая, что каждой эпохе соответствует особое содержание и только ему свойственная литературная форма. На основе такого понимания литературного процесса, констатирует Инглот, М. Грабовский выдвинул концепцию широкого соединения ценных, по его мнению, приобретенный польского романтизма с традициями эпохи Возрождения и классицизма. Возврат представителей «котерии» к традициям классицизма, по Инглоту, вызывался главным образом их стремлением противопоставить романтическому бунтарству «просвещенный разум», требованию полной свободы творчества — нормативное искусство. Однако далеко не все писатели эпохи Просвещения устраивали представителей «котерии». Революционные публицисты и сатирики, например, Ф. Заблоцкий и К. Венгерский, отрицательно оценивались ими. Их благосклонностью, как отмечает автор исследования, пользовались прежде всего создатели дидактических повестей и образцов мемуарно-исторического жанра вроде «Истории моей жизни» Ф. Карпинь-

ского. Из традиций, оставленных в наследство эпохой Просвещения, они, по наблюдениям Инглота, считали наиболее ценными достижения в области литературного языка и стиля. Тем не менее признание известного вклада классицистов в создание новой литературы, констатирует Инглот, имело несомненное положительное значение, так как в то время даже такая однобокая и крайне тенденциозная попытка преодолеть крайности романтизма и классицизма, подняться до их синтеза объективно становилась одной из предпосылок перехода на позиции реалистического изображения действительности.

Осуждая увлечение польских поэтов мотивами народного творчества, — увлечение, будто бы способствовавшее распространению «народного суеверия», — отвергая Байрона и его подражателей, критики шляхетско-католического лагеря, и в том числе М. Грабовский, отстаивали, в сущности, реакционные убеждения. Не решаясь, однако, вступать в открытый бой с А. Мицкевичем и другими признанными национальными авторитетами, они, по наблюдениям Инглота, избирали мишенью своих нападок второстепенных бардов польского романтизма, критикуя их за эпитонство, манерность, неестественность и т. д. Тенденции измельчания романтизма и превращения его в моду в начале 40-х годов действительно становились реальной угрозой для польской литературы. Поэтому объективно такая критика, хотя и воодушевляемая стремлением противодействовать революционизирующему влиянию романтической поэзии, имела, справедливо замечает Инглот, не только отрицательное, но и некоторое положительное значение. Нападая на «неистовую» французскую словесность, М. Грабовский, как это оказывается автором монографии, кроме политических целей, ставил перед собой и задачу иного порядка — продолжать ту борьбу, которую в свое время вели прогрессивные польские романтики с засильем французской беллетристики. Иначе говоря, он брал под защиту польскую книгу, распространению которой мешало преклонение перед иностранным романом, и в этом смысле, как говорит Инглот, смыкался с Крашевским, Семеньским и другими прогрессивными литераторами, боровшимися с галломанией образованных кругов польского общества. Причем на начальном этапе становления реализма особенно важным было именно то, что в данном случае речь шла о значении отечественной, польской прозы, о ее месте в складывавшейся системе жанров и о необходимости расчистить путь ее развитию.

Известно, что после восстания 1830 г. ведущим жанром в польском романтизме стала драма. Исходя из этого факта и основываясь прежде всего на достижениях Мицкевича, Словацкого и Красицкого, революционный демократ Э. Дембовский связывал перспективу дальнейшего прогресса искусства с развитием драмы. Напротив, его принципиальный политический противник М. Грабовский, который, согласно приводимым в монографии данным, еще в 1837 г. высказал верную догадку о том, что будущее принадлежит роману, решающее значение придавал исторической прозе. Как доказывает Инглот, позиция Грабовского и его сторонников обуславливалась, в сущности, эстетическими запросами консервативного дворянства, желавшего видеть в литературе апофеоз своих предков и поучительные картины из частной жизни своих семейств. Не случайно поэтому под пером шляхетско-католических романистов изображение прошлого превращалось в историю частного быта шляхетских фамилий на искаженном общеполитическом фоне. Для защитников отживающего класса, замечает исследователь, создание исторического романа, основанного на соединении старопольской гаведны типа «Дневников» Я. Х. Пасека с «фамильной хроникой», в условиях демократизации польского национально-освободительного движения диктовалась необходимостью усиления идеологической борьбы с революционными веяниями. Но для достижения этой цели средствами художественного изображения представите-

лям «котерии» нужно было разработать творческий метод, отличный от романтического, и здесь перед ними открывалась возможность некоторых новаторских начинаний. По Инглоту, обилие исторических источников и, в частности, бытовых шляхетских хроник, дававших богатый материал для сравнений жизни людей различных поколений, побуждало писателей, придававших особое значение воссозданию самобытного национального колорита, к тщательному изучению оттенков различных исторических характеров. В результате творческая практика, констатирует Инглот, становилась как бы научной лабораторией для выведения индивидуализированных типов изображаемых эпох.

Этому не в малой мере содействовал пример Вальтера Скотта, которого шляхетско-католические писатели провозгласили патроном польского исторического романа. Правда, они ценили английского романиста не за реалистическую тенденцию, а за те элементы его творчества, которые соответствовали духу мемуарной шляхетской литературы. Тем не менее, справедливо подчеркивает исследователь, обращение к Вальтеру Скотту, сыгравшему огромную роль в процессе перехода всей европейской литературы от романтизма к реализму, уже само по себе имело положительное значение. Популяризируя творческие достижения английского романиста, его поклонники из «петербургской котерии» акцентировали внимание на необходимости конкретного воспроизведения минувших эпох с доподлинным описанием своеобразных особенностей быта и нравов, исторических реалий и фактов, в особенности показательных для частной жизни обыкновенного человека. В теоретических спорах о значении вальтер-скоттовского романа для польской литературы разрабатывались понятия национальной и исторической типичности образов. Тем самым усилия критиков из «Тыгодника петербургского», по утверждению Инглота, невольно способствовали обогащению того, в сущности, реалистического направления, начало которому было положено «Паном Тадеушем» Мицкевича, продолжено «Воспоминаниями Солицы» Жевуского, романами Крашевского и др. Стремление к верности бытовых деталей, культ типичного героя из обыкновенных людей, признание примата содержания над формой — это был попросту один из польских путей к реализму» (стр. 98).

Немаловажным, как доказывает Инглот, было и то, что свои требования, предъявляемые к историческому жанру, критики волинско-литовской группы распространяли также на произведения из современной жизни. Верные духу своей реакционной тенденции, они и здесь, естественно, считали главной задачей бытописателя современности идеализировать патриархальные обычаи и традиционные черты национального характера, главным образом шляхетского. Но, с другой стороны, призывая изображать современность с исторической точностью, как это можно заключить из рассуждений ученого, они, по существу, возводили историзм в основной принцип всей литературы, что являлось необходимым условием развития реализма.

Из недостатков работы самый существенный — отсутствие общей характеристики польской литературной жизни и соотношения художественных сил в стране и в эмиграции, изменения их удельного веса на рубеже 30-х и 40-х годов. Наличие такого общелитературного фона с выделением основных направлений, несомненно, придало бы большую конкретность и теоретическую весомость суждениям автора, позволило бы еще многостороннее и точнее охарактеризовать значение и определить место анализируемых им идейно-эстетических концепций польской критики того периода. Второе замечание касается более частного, но тоже существенного вопроса, а именно: если отнесение Крашевского к лагерю шляхетско-католических писателей (что, кстати сказать, составляет еще одну немаловажную заслугу М. Инглота) показано — в пределах взятой темы

— достаточно полно как по линии общности взглядов, так и в плане размежевания позиций издателя «Атенеум» и касты сотрудников «Тыгодника петербургского», то о Коженевском и Сырокомле этого нельзя сказать. Последние упоминаются в работе походя, так сказать, лишь в качестве примеров, иллюстрирующих тезис о широте влияния «петербургской котерии». Далее, о «характере европейских политических организаций первой половины XIX века» целесообразнее было бы сказать в начале, а не в заключении, где эти сведения самого общего порядка, непосредственно не относящиеся к подытоживающим авторским выводам, представляются чем-то вроде не на месте вставленного примечания.

Впрочем, отмеченные недостатки не умаляют проделанной М. Инглотом большой исследовательской работы по изучению одной из самых неясных страниц истории польской литературы. Главный вклад автора «Литературных взглядов петербургской котерии» в науку и заключается в том, что, осветив как сильные, так и слабые стороны противостоявших друг другу лагерей польской критики 40-х годов XIX в., он тем самым раскрыл сложный, противоречивый характер идейно-эстетической борьбы, которая сопутствовала процессу становления реалистического направления в польской литературе.

И. К. Горский

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЛЮБЛИНЩИНЫ

В последние годы профессор Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской Юльиш Вийом опубликовал четыре работы по аграрной истории Люблинской губернии 30-х — начала 60-х годов XIX в.¹ В этих работах рассматриваются важные вопросы аграрного развития и антифеодальной борьбы крестьян. Автор широко использовал данные, имеющиеся в литературе, привлек новые архивные материалы и глубоко проанализировал их. Это позволило впервые обстоятельно осветить ряд сложных вопросов экономики и социальных отношений в Люблинской губ. в период кризиса феодальной системы хозяйства.

В первом исследовании «Из хозяйственной проблематики Люблинщины в 1831—1863 годах» дается характеристика сельского хозяйства, промышленности, ремесла, путей сообщения и торговли в Люблинской губ. Автор показывает общие черты и особенности экономического положения и развития Люблинщины, отмечает известный застой в ее хозяйстве, обусловленный господством феодальных отношений, и отсталость сельского хозяйства в сравнении с западными областями Царства Польского. Причина этой отсталости, по мнению автора, заключалась «между прочим, в удаленности от центров прогрессивного хозяйства, отсутствии хороших путей сообщения и прежде всего в связанной с феодальным строем очень низкой агротехнике» (стр. 523). Большой интерес представляют данные автора об усовершенствовании старых и применении новых орудий труда в производстве, о новых приемах ведения хозяйства, о развитии

¹ J. W i l l a u m e. Z zagadnień gospodarczych Lubelszczyzny. 1831—1863. «Księga pamiątkowa 150-lecia AGAD w Warszawie». Warszawa, 1958, стр. 511—557; Ruch agrarny na Lubelszczyźnie w 1861 roku. «Rocznik Lubelski», t. I. Lublin, 1958, стр. 189—218; Z dziejów wsi lubelskiej przed uwłaszczeniem. «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Lublin, vol. X, 1959, стр. 79—154; Marszałek szlachty lubelskiej Jan Jezierski wobec sprawy chłopskiej (1850—1857). «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Lublin, vol. XIV, 1962, стр. 179—213.

капиталистических отношений. Некоторые наблюдения, сделанные автором, имеют значение и для исследования истории всего Царства Польского.

В основном экономическим проблемам посвящена и работа «Из истории люблинской деревни перед крестьянской реформой». В первой ее части рассматривается политика помещиков. Автор характеризует экономическое положение различных категорий шляхты (заметное увеличение дохода от фольварочного хозяйства в середине XIX в., довольно хорошие условия быта среднепоместной шляхты, обезземеливание мелкопоместной шляхты и т. д.), ее классовые и сословные представления. Обстоятельно и ярко раскрываются автором социальные требования средней, мелкой и служилой шляхты, духовенства, их отношение к крестьянам, к народному образованию.

Во второй части освещается положение крестьян. Указав на последствия декрета 1807 г. и значение антифеодальной борьбы крестьян в развитии аграрных отношений, автор выясняет причины и особенности процесса очиншевания, мотивы царской политики в отношении крестьян (указ 1846 г.). Приводимые автором материалы опровергают мнение об относительно лучших условиях положения крестьян в Замоиской ординации. Значительное внимание в работе уделено анализу феодальной ренты и ее изменениям. Автор отмечает явления, связанные с развитием новых, капиталистических отношений в деревне, и показывает их влияние на положение крестьян. Весьма интересны и важны сведения об экономическом положении различных категорий крестьян, их быте, характере. Эти данные дополняются выразительными иллюстрациями.

В заключении автор вполне обоснованно, с нашей точки зрения, говорит о сравнительно высоком для того времени уровне общественного сознания крестьян, их глубоком патриотизме.

В работе «Крестьянское движение на Люблинщине в 1861 г.» дается довольно всестороннее и глубокое освещение этого вопроса. Автор вводит в научный оборот некоторые новые материалы о крестьянском движении, рассматривает различные его формы, указывает на влияние антифеодальной борьбы крестьян на позицию помещиков и местных властей. При этом обращается внимание на общие черты и своеобразие отдельных крестьянских выступлений, выясняется участие в движении различных категорий крестьян, отмечаются известные элементы организации. Карта с перечнем имений, охваченных движением, дает наглядное представление о размахе антифеодальной борьбы крестьян.

С рассмотренными выше трудами тесно связана и работа «Маршалек люблинской шляхты Ян Езерский и крестьянский вопрос (1850—1857)». Это исследование значительно расширяет наши знания о роли института предводителей дворянства в Польше, позиции отдельных его представителей и о противоречиях между крестьянами и помещиками. Охарактеризовав компетенцию и права губернских предводителей дворянства, автор освещает воззрения и деятельность по разрешению спорных дел между крестьянами и помещиками люблинского губернского предводителя дворянства Я. Езерского. Судя по данным работы, Я. Езерский был весьма умеренным либералом. Но, не одобряя крайнего самоуправления и вопиющих злоупотреблений помещиков, он, по существу, отстаивал их интересы.

Автор не ставил своей задачей систематическое или исчерпывающее освещение всех вопросов проблемы. Знакомство с его работами, имеющими важное научное значение, показывает, что им сделано весьма много для осуществления такой задачи.

И. И. Костюшко

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРУСЕ

В связи с пятидесятилетием со дня смерти Болеслава Пруса Государственный издательский институт в Польше предпринял несколько новых изданий произведений писателя, а также публикацию его писем к АLINE Сацевич, работ об эстетических взглядах Пруса (Стефан Мельковский) и об образах Варшавы в романе «Кукла» (Людвик Гженевский). Вышел из печати том «Воспоминаний о Болеславе Прусе», который составил Станислав Фита¹.

За немногими исключениями (к числу которых принадлежат, например, строки из неопубликованной записной книжки скончавшегося в 1948 г. журналиста Бруно Коротыньского) том состоит из материалов, уже печатавшихся ранее, но большей частью публиковавшихся в периодических изданиях, а поэтому забытых. Как это ни парадоксально, о величайшем польском прозаике до сих пор нет монографии, так что серьезная, кропотливая работа, проделанная составителем тома, который извлек из такого рода изданий и различных мемуарных источников материалы об авторе «Фараона», заслуживает особенной признательности. Будущий биограф Б. Пруса, несомненно, не оставит вне поля зрения этот том и воспользуется не только собранными в нем воспоминаниями о писателе, но и комментариями, приложенными к ним составителем.

С. Фита не претендовал, разумеется, на то, чтобы включить в сравнительно небольшую антологию все воспоминания о Б. Прусе, ибо для этого, насколько мы можем судить, понадобилось бы несколько томов. Но ценность данной книги заключается прежде всего в том, что она представляет собою как бы биографию писателя, рассказанную людьми, которые в той или иной мере были близки с ним и — подчеркнем это — находились под обаянием его личности. Вот это последнее обстоятельство, видимо, также учитывалось составителем книги, ибо страницы ее воссоздают не только отдельные этапы жизни Б. Пруса, но и черты его облика, поныне пленяющие своей удивительной человечностью. Если «Воспоминания о Болеславе Прусе», — хотя бы в силу той биографической задачи, которая была поставлена перед собой составителем, — не могут заменить исследования о его творчестве, то зато они помогают глубже понять и полюбить как человека Александра Гловацкого, вошедшего в отечественную и мировую литературу под псевдонимом Болеслав Прус.

Итак — годы детства в Грубешове, школьные годы в Люблине, Седльцах и Кельцах, где писатель и его старший брат (уже получивший к тому времени должность учителя) Леон Гловацкий вступили в 1863 г. в ряды повстанцев. Затем — участие в боях, сильная контузия в битве под Бялкой, седлецкий госпиталь, возвращение к жизни после «двухмесячного безумия» (так выразился Б. Прус в письме к своему школьному товарищу, впоследствии известному публицисту Мстиславу Годлевскому), продолжение образования и первые литературные опыты...

Но прежде чем серьезно заняться литературой, Б. Прус усиленно работал в области математики и логики, увлекался историей и, как вспоминает другой его школьный товарищ, Юльян Охорович, даже писал пособие по логике для детей. Тогда уже, на рубеже 60-х и 70-х годов, начали возникать и те ранние литературные замыслы, о которых мы узнали сравнительно недавно, когда в 1953 г. Хэлена Порембская опубликовала письма Пруса к ставшей впоследствии его женой Октавии Трембиньской. Пишет об этих замыслах и Ю. Охорович, цитируя в вошедших в книгу воспоминаниях записи из своего дневника. Из этих записей мы узнаем и

¹ «Wspomnienia o Bolesławie Prusie». Zebrał i opracował Stanisław Fita. Warszawa, 1962, стр. 300.

о первых шагах Пруса на литературно-критическом поприще. А в отрывках из статьи известного литературно-общественного деятеля, идеолога варшавского позитивизма Александра Свентоховского содержатся сведения и о мучительных колебаниях Пруса, заставивших его в 1872 г. поступить рабочим в кузнечный цех варшавской фабрики Лильпопа и Рауа, и о начавшемся позже систематическом сотрудничестве в двухнедельнике «Нива», издававшемся, как известно, Генриком Сенкевичем совместно с упоминавшимися уже Годлевским и Охоровичем.

Врач Густав Долиньский и другие авторы воспоминаний, вошедших в книгу, называют различные периодические издания, в которых сотрудничал Б. Прус в семидесятые годы, публикуя научно-популярные очерки, корреспонденции и рассказы, большей частью юмористические. Но, как подчеркивает историк Александр Краусхар, «под маской юмориста и наблюдателя событий житейских таился в Прусе покрытый капюшоном (zakapturzony) поэт» (стр. 80). В работе польского литературоведа Ирены Карасиńskiej «Чехов и Прус» автор, сравнивая ранние рассказы обоих писателей, говорит о том великом гуманизме, который позволял им совсем незаметно переступить грань, отделяющую насмешку — подчас поголовски горькую — над комическими сторонами повседневного быта от глубоко человеческого сочувствия так часто возникающим в нем трагедиям. Из этого сочувствия, как полагает И. Карасињская, прослеживая в другой работе влияние А. П. Чехова на Б. Пруса², вырастают и большие трагедийные концепции русского и польского писателей.

Об этих концепциях Б. Пруса, воплощенных в «Кукле», «Фараоне», «Форпосте» и других произведениях, упоминают многие авторы воспоминаний о писателе. Нельзя, однако, сказать, чтобы на этих страницах полностью раскрывались образы и даже основные идеи данных произведений. Это, впрочем, и не входило в задачи составителя, который включил зато в книгу множество ценных материалов о творческой истории произведений Пруса, причем материалы эти порою дают представление о творческой лаборатории писателя, смело вводившего в повести и романы свои жизненные наблюдения. В этом отношении особенно интересны воспоминания Октавии Жеромской и Конрада Хмелевского о том, как создавались «Эмансипантки».

От первой до последней страницы этой книги воспоминаний раскрываются черты облика Б. Пруса как человека — его поразительная скромность, бескорыстие, требовательность к себе, безграничная доброта к людям и великодушие, проявившееся даже по отношению к неизвестному Станиславу Мендельсону и другим юнцам, участвовавшим в 1878 г. в том нападении на Б. Пруса, о котором с негодованием пишет его друг, видный польский литератор и театровед Ян Лорентович.

Все эти страницы книги по-настоящему волнуют читателя и как бы суммируют его представления о Прусе. И все же творческий облик великого польского писателя предстает в книге несколько упрощенным, — отчасти, видимо, из-за того, что составитель не предпослал ей обобщающей статьи и воздержался от комментирования некоторых материалов, которые, как нам кажется, нуждались в этом. Так, например, во включенном в книгу небольшом фрагменте из «Моих воспоминаний о Юльiane Охоровиче» силезского писателя Яна Вантулы говорится о том, как Ю. Охорович рассказывал ему, что в 1893 г. он привез в Варшаву из Парижа «сенсационные труды, содержавшие сведения о культуре и истории древнего Египта, почерпнутые из только что прочитанных египетских папирусов». Эти сведения были положены в основу четырех публичных лекций Ю. Охоровича, а затем и его книги «Wiedza tajemna w Egipcie» (1896 г.)

² И. Карасињская. «Год Чехова» в Польше. «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 2.

Б. Прус, по словам Ю. Охоровича, «заинтересовался содержанием лекций, и тогда Охорович подал ему мысль написать историческую повесть на сюжет из истории Древнего Египта. Охорович снабдил Пруса привезенными работами. Прус зачитался ими, углубился в их содержание и начал писать... Так по вдохновению (*inspiracji*) Охоровича возник шедевр Пруса, сокровище польской литературы...» (стр. 245).

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа Вантулы, да и Охорович не принадлежал к числу тех людей, которые, подобно, скажем, Жану Жаку Бруссону или Сабанею, любили выдавать себя за «вдохновителей» прославленных мастеров, общавшихся с ними по тем или иным причинам. Более того, можно считать вполне достоверным, что Охорович действительно давал Прусу труды³ по истории Древнего Египта. Но никак нельзя согласиться с тем, что именно рассказы Ю. Охоровича вызвали интерес Б. Пруса к истории и культуре страны, в которой происходит действие «Фараона».

Воспоминания Вантулы могут создать впечатление, что встречи и беседы с Ю. Охоровичем сыграли роль случайного творческого импульса, побудившего Б. Пруса начать работу над едва ли не самым значительным его произведением. Между тем мы хорошо знаем (в частности, из воспоминаний Виктора Кизветтера, не включенных в рецензируемую книгу), что еще будучи студентом Варшавской главной школы (т. е. по крайней мере за четверть века до приезда Ю. Охоровича с «парижскими сенсациями») Б. Прус, познакомившись с работами де Руже, а несколько позже — Масперо и Бругша, был глубоко взволнован открытиями египтологов и постоянно возвращался к этим открытиям в беседах с друзьями. Узнав об этом увлечении молодого студента-математика, с ним пожелал встретиться доживавший свой век в Варшаве престарелый польский египтолог Станислав Щенны Коссаковский (1795—1872 гг.), которого Шампольон называл в свое время «апостолом новой науки»⁴.

Итак, «Фараон» возник в результате многолетних размышлений Б. Пруса о судьбах Египта, о его высокой культуре и о тех тайнах его истории, одной из которых посвящено произведение. Но нет сомнения, что значение этого исторического романа не ограничивается поразительным художественным проникновением писателя в мир образов страны пирамид. «Нет, значение „Фараона“ в истории польской литературы состоит в том, что это был первый исторический роман, в котором, без явной модернизации, разрабатывались в живых образах социальные проблемы прошлого, имеющие большое значение для лучшего понимания актуальных проблем», — справедливо отмечает Е. Цыбенко.⁵

И как ни различны, казалось бы, сюжеты «Куклы» и «Фараона», их объединяет стремление писателя к решению важнейших социально-этических проблем. Конрад Хмелевский в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в 1939 г. и включенных теперь в книгу, составленную С. Фитой, с неподдельной теплотой говорит о раздумьях писателя именно над этими проблемами, считая, что Б. Прус нашел их решение в известных словах Вокульского (в третьем томе «Куклы»): «Земли, простой человек и бог». Это тоже представляется нам упрощением.

Вспомним, что в 1906 г. Бенедетто Кроче предпринял попытку «детронизации» Леонардо да Винчи, протестуя против того, что великого мастера превратили как бы в символ всего итальянского Возрождения, порою даже возвышавшийся над эпохой, тогда как высказывания Леонар-

³ К их числу, видимо, принадлежало капитальное исследование Мариетта о мастабах (тропицах) Древнего Царства.

⁴ Об этом забытом польском ученом см.: I. G. Livchitz. Nouveaux documents sur l'histoire de l'egyptologie. «Cahiers d'histoire mondiale», vol. VI, № 3, Neuchatel, 1960.

⁵ Е. Цыбенко. Болеслав Прус (1845—1912). Вступительная статья к Сочинениям в пяти томах Б. Пруса, т. I. М., 1955, стр. XXVII.

до, по мнению Кроче, нельзя даже свести в стройную систему, стоящую на уровне философии Кваттроченто. И вскоре после этого всеокрушающие доводы славившегося своей блистательной эрудицией итальянского искусствоведа и философа (неизменно стоявшего, как известно, на позициях неогегельянства) опроверг уже упоминавшийся нами В. Кизеветтер, имя которого, к сожалению, предано такому же несправедливому забвению, как имя С. Коссаковского. Нередко забывают даже выдвинутый В. Кизеветтером в разгаре этой полемики тезис, представляющийся нам в высокой степени справедливым и ценным.

Польский критик (впрочем, это определение многосторонней деятельности В. Кизеветтера, так же как и его друга Теодора де Визева-Выжевского, весьма условно и неточно) указал, что о мировоззрении художника можно и должно судить на основании не только его высказываний, эпистолярного наследия и мемуарных материалов, но и — прежде всего — его творчества. Именно творчество Леонардо да Винчи позволяет считать его величайшим мастером и мыслителем итальянского Возрождения, заявил В. Кизеветтер. Далее он остановился на письмах Ф. Шопена, незадолго до этого опубликованных Мечиславом Карловичем, и подчеркнул, что если о Шопене судить только на основании переписки и воспоминаний о нем, то облик великого композитора представился бы нам обедненным и совсем не соответствующим тем возвышенным и поэтическим впечатлениям, которые возникают тогда, когда звучат его произведения, неразрывно связанные с мыслями, чувствами и стремлениями их автора.

Мы остановились на этих высказываниях В. Кизеветтера для того, чтобы вновь вернуться к вопросу об истинном облике Болеслава Пруса. Все прекрасные черты его как человека, все испытания, выпавшие на его долю, запечатлелись на страницах тома воспоминаний, только что изданного в Варшаве. Но Прус был не только простодушным, добрым, отзывчивым, чутким и обаятельным человеком. Он был также глубоким и своеобразным мыслителем. Застенчивость мешала ему говорить на «высокие темы», скромность препятствовала ему блистать той эрудицией, которой поражают, например, многие страницы «Фараона». Но если авторы воспоминаний, собранных в новой книге о Прусе, не нашли нужных слов о той мудрости, которая вложена в его произведения, не показали противоречий, характеризовавших порой не только творчество, но и личность Б. Пруса (об этом писал в последних статьях о нем Ярослав Ивашкевич), то, быть может, следовало сказать хоть несколько слов о сложном мировоззрении Пруса во вступительной статье. Мировоззрение это со всеми его противоречиями отразилось и в «Фараоне», и в «Кукле», и в рассказах Пруса, и в его повести «Форпост», которую Выжевский назвал «Балладой о мертвой победительнице», выдвинув в своем критическом этюде на первый план образ польской крестьянки.

И, по существу, единственный упрек, который можно сделать Станиславу Фите, с неподдельной любовью и примерной тщательностью собравшему в книге и прокомментировавшему воспоминания пятидесяти авторов, — это сожаление по поводу того, что он не добавил к книге нескольких страниц, четкими штрихами обрисовывающих творческий облик Болеслава Пруса и тем самым помогающих понять его как человека.

И. Ф. Бэлза

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЮДВИКА СОЛЬСКОГО

Серия «Театральных мемуаров», выходящая в издательстве «Искусство», пополнилась «Воспоминаниями» Людвика Сольского (1855—1954 гг.), выдающегося польского актера, режиссера, театрального деятеля¹.

Жизнь и творчество Людвика Сольского, который по праву мог сказать о себе: «я жил исключительно театром и для театра», являются ярчайшей страницей в истории польской театральной культуры последней четверти XIX и первой половины нашего столетия. Восемьдесят лет продолжалась творческая деятельность «Нестора польской сцены», создавшего около тысячи разнообразных сценических образов, десятки режиссерских работ, воспитавшего несколько поколений польских актеров. На протяжении более полувека Л. Сольский был одной из ведущих фигур польского театрального процесса. Определенную известность имя актера приобрело и за пределами Польши, особенно на Украине и в Чехии. В 1938 г. на кинофестивале в Венеции Л. Сольскому была присуждена первая премия за лучшее актерское исполнение (в специальном фильме, посвященном театральным работам актера).

Начав артистический путь в 1875 г. в качестве статиста Краковского театра, Людвик Сольский (псевдоним, настоящая фамилия — Сосновский) затем в течение нескольких лет работал в провинциальных труппах, где, совершенствуя профессиональное мастерство, достиг первых сценических успехов. В 1883 г. молодой актер был принят в коллектив Краковского театра, в стенах которого он выдвигается к концу 90-х годов в число крупнейших мастеров польской сцены. Л. Сольский был одним из блестящих воспитанников так называемой «краковской школы», основанной Станиславом Козьмяном. Ему довелось работать бок о бок с Павликовским и Остэрвой, Моджеевской и Каминьским, Выспяньским и Запольской, Фричем и Седлецким. Начиная с 1900-х годов, Л. Сольский занимал посты директора и главного режиссера ведущих театров Польши (Краковского, Польского, Розмаитости), где параллельно с актерской деятельностью создал ряд великолепных образов постановочного искусства, воспитал целую плеяду мастеров сцены. После перерыва, вызванного второй мировой войной, Л. Сольский до конца жизни все свои силы и колоссальный опыт отдавал строительству социалистической культуры в народной Польше.

Несомненно, что основное достоинство «Воспоминаний» Людвика Сольского заключается в богатстве сообщаемого им фактического материала, достоверности свидетельств и наблюдений, многие из которых, безусловно, будут использованы в работах по истории славянского театра. В мемуарах, основой которых являются, конечно, театральные впечатления, мы найдем также интересные детали, характеризующие общественно-культурную обстановку в Польше на нескольких исторических этапах, в частности, зарисовка быта и атмосферы дома Сосновских, типичных представителей интеллигенции 1830 г., до конца сохранявших верность своим идеалам.

Несмотря на обилие различных крупных и малых событий, о которых рассказывает Сольский, в повествовании можно выделить несколько узловых моментов, на которых автор концентрирует особое внимание, считая их наиболее важными для понимания как своего собственного творческого пути, так и театрального процесса, и стремясь поэтому раскрыть их наиболее верно, глубоко и убедительно. В первой части мемуаров, охватывающей период 1855—1893 гг., такими узловыми моментами яв-

¹ Людвик Сольский. Воспоминания. Запись Альфреда Войццкого. Перевод с польского С. Игнатова и В. Борисова. М., 1961.

ляются описание польской провинциальной сцены 70—80-х годов прошлого века и характеристика краковской сцены.

Не отрицая иногда весьма низкого исполнительского уровня, художественной слабости репертуара, зависевшего от коммерческих соображений, Л. Сольский в целом считает, что провинциальная сцена, равно как и мелкие «садовые театры» («театры огрудкове»), возникшие в 60-х годах, играли значительную роль в интенсификации культурной жизни польской провинции, будучи зачастую единственным оплотом национального слова и мысли (например, познаньский театр того времени). Блестяще Сольский рисует нравы и условия работы провинциальных передвижных трупп, дает портрет типичнейшего антрепренера и режиссера таких трупп Анастазия Трапшо, родоначальника знаменитой актерской «династии», у которого молодой Сольский проходил свои актерские «университеты».

В подъеме польского театрального искусства, наметившемся во второй половине XIX столетия, огромная заслуга, как известно, принадлежала «краковской сценической школе», руководителем которой был Станислав Козьян. Этот выдающийся режиссер и педагог вел в течение своего двадцатилетнего директорства в Краковском театре острую борьбу за утверждение сценического реализма, верность жизненной правде против консервативных представлений о театральном искусстве, экзальтации и выпренности, свойственных старым актерским школам. Сольский, ученик Козьяна, которому он «очень многим обязан», весьма подробно характеризует эстетико-театральные принципы своего учителя, требовавшего от актеров «сдержанности, чувства меры, естественности в сценическом поведении». Он прекрасно передает то творческое горение, которое царило в стенах Краковского театра, позволяя создавать совершенные спектакли, становившиеся событиями в театральной жизни всей Польши. Важнейшим завоеванием С. Козьяна в области режиссуры, по мнению Сольского, является категорический отказ от «системы звезд», процветавшей тогда во всех без исключения крупных театрах, и стремление к «гармонии всего спектакля», к спектаклю как целостному произведению театрального искусства.

Вторая часть «Воспоминаний» широко и многопланово рисует процесс усиления общественной роли театра, получившей решающее значение на рубеже XIX—XX вв. в связи с новыми историческими условиями. Л. Сольский показывает, как передовые художники театра стремятся к созданию искусства реалистического, близкого и нужного народным массам. Высоко оцениваются поиски и находки крупнейшего режиссера Тадеуша Павликовского, демократизм его общественно-эстетических воззрений, свидетельством чего является, помимо прочего, тот факт, что, начиная с 1898 г., Павликовский 1-го мая (в тогдашних польских условиях!) давал специальные представления для рабочих, публично приветствуя их как «самую уважаемую публику». Много новых и свежих фактов мы найдем и о театральной деятельности Станислава Выспяньского как драматурга и художника, с которым Сольского связывало долготелее творческое сотрудничество.

Заключая заметку, нельзя не упомянуть о содержательной вступительной статье советского театроведа Б. И. Ростопкого, являющейся, по существу, самостоятельным научным исследованием по истории польского театра периода, когда работал Людвик Сольский. Особое внимание привлекает стремление автора к возможно более полной характеристике тесных и довольно интенсивных русско-польских театральных связей в конце XIX — начале XX в., свою лепту в развитие которых внес и Л. Сольский. Примерами этих связей, взаимно обогащавших оба славянских театра, служат гастроли краковских актеров в Петербурге в 1882 г., творческие контакты, возникшие между К. С. Станиславским и Л. Соль-

ским в процессе работы последнего над постановкой А. Новачиньского «Царь — самозванец» в 1908 г. и пр.

Пристальное рассмотрение внутренней сущности этих связей, а также сопоставление некоторых школ и мнений (краковская сцена и МХАТ, К. С. Станиславский и С. Козьмян об игре актеров театра Французской комедии) позволяют автору сделать вполне закономерный и логический вывод об «известной параллельности» в развитии театрального искусства Польши и России рассматриваемого периода.

Мемуары польского актера и исследование советского театроведа — серьезные вехи на пути к созданию обобщающего научного труда по истории польской театральной культуры.

Ю. И. Ритчик

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОГРАММЕ ИГНАЦИЯ ФИКА¹

Игнаций Фик (1904—1942 гг.) — видный польский критик-марксист, историк литературы, публицист и поэт. К этим определениям необходимо добавить еще одно: он был борцом в литературе и в жизни.

Во время гитлеровской оккупации Польши И. Фик стал одним из организаторов антифашистской группы «Народная Польша» в Кракове, редактором подпольного издания, а с организацией в 1942 г. Польской рабочей партии — секретарем городского комитета партии. В октябре 1942 г. И. Фик был арестован гестапо и 26 ноября расстрелян.

Творчество И. Фика относится к периоду 1934—1939 гг. Его наследие значительно и по содержанию и по объему. Им написано более 80 статей и рецензий, две книги историко-литературного характера и три сборника стихотворений. До выхода в свет его «Избранных критических работ» он был известен в основном как автор книг «Социальная родословная польской литературы» (1938 г.) и «Двадцать лет польской литературы» (1939 г.). Обе книги были переизданы в Народной Польше.

Литературно-критические статьи и исследования И. Фика актуальны и сегодня. Они могут активно участвовать в современных дискуссиях по важнейшим вопросам художественного творчества. В этом нас убеждают статьи, книги и рецензии критика, собранные в объемистом томе «Избранные критические работы». Издание этого труда, безусловно, относится к значительным событиям литературной жизни сегодняшней Польши.

В трудах И. Фика вырисовывается целостная концепция развития польской литературы. Исходя из марксистского учения об общественно-экономическом базисе и культурной надстройке, критик подчеркивает общественную функцию литературы, ее связь с жизнью, ее классовый характер. Такой подход к литературе широко аргументирован в первом разделе книги «Социальная родословная польской литературы» — «Общественный характер литературы».

К числу важнейших задач критики И. Фик относит установление связей литературного произведения с действительностью, выявление идейной направленности художественного произведения. «Критика сопоставляет произведения с реальной действительностью, — писал он. — Произведения искусства выдвигает тезис. Критик дискутирует с ним. Не следует

¹ I. F i k. Wybór pism krytycznych. Warszawa, 1961, 576 str.

думать, что таким образом исчезает литературная почва. Идеология, или так называемая тенденция, в подлинном произведении искусства не является пристройкой, мимоходной моралью, а сущностью конструкции. Polemika по идеологическим проблемам, составляющим сущность произведения, — это полемика о художественном и общественном праве на существование данного произведения»².

И. Фик боролся за литературу, тесно связанную с жизнью, с центральными проблемами своего времени. В условиях, когда многочисленные теоретики «чистого искусства», «автономного искусства», «чистой формы» уводили литературу в сторону от действительности, в тупик эстетства и иррационализма, критик-марксист подчеркивал, что «искусство со своими основными темами должно выйти за свои пределы. Это условие его жизни»³. В другой статье, касаясь задач поэзии, он утверждал, что «Решающее условие — это связь с жизнью, интеллектуальное стремление понять смысл человеческой деятельности и, наконец, активная позиция автора в создании новых жизненных ценностей»⁴.

Глубоко и всесторонне проанализирована в статьях критика зависимость произведения искусства от общественной позиции художника. Борясь за действенность искусства, за участие его в общественной жизни, И. Фик призывал писателей к утверждению своих взглядов в художественном произведении. Лозунг сознательного творчества, выражения своей идеологии, лозунг тенденциозности, партийности искусства был принят на вооружение польскими пролетарскими писателями, разделявшими цели и задачи Коммунистической партии Польши, отражавшими в своих произведениях жизнь и борьбу трудящихся масс. Не случайно поэтому буржуазная критика 30-х годов всячески пыталась опровергнуть принцип тенденциозности, проявлявшийся в произведениях пролетарских писателей, пропагандировала «независимую объективность» художественного творчества.

Многими критиками и писателями, в том числе и пролетарскими, тенденциозность воспринималась поверхностно, только как декларативное выражение своих взглядов в художественном произведении. И. Фик показал глубокую органическую связь между общественной позицией писателя и всеми компонентами художественного произведения. С его точки зрения, тенденция — это организующее начало всякого произведения, необходимое условие его существования. «Идея и тенденция в литературном материале, — писал он, — не может быть дополнительным разделом или транспарантом, который несет невыразительный герой. Наоборот, она должна присутствовать в каждом фрагменте содержания, а ее направленность должна быть ощутима в каждом эпизоде. В то же время тенденция не должна восприниматься как нечто навязчивое. Обязательная для произведения идея должна быть внешне незаметной. Она не должна быть отделима ни от содержания, ни от формы литературного произведения»⁵.

Такое понимание тенденциозности литературного произведения перекликается с замечанием Ф. Энгельса о том, что «тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия»⁶. Это понимание открывало перед польской литературой новые пути развития. Из своего анализа проблемы тенденциозности И. Фик извлекал именно это следствие, подчеркивая общественную значимость идейной, тенденциозной литературы. «Тенденциозный роман является активным общественным фактором.

² «W sprawie uprawnień krytyki», стр. 280—281.

³ «Na temat tematu», стр. 15.

⁴ «Jak powstaje wiersz», стр. 24.

⁵ «Obrona tendencji», стр. 53.

⁶ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I. М., 1957, стр. 9.

Он идет навстречу жизни с целью ее обогащения и организации. Он является эпизодом борьбы за новые формы действительности. Он заключает союз со своими, атакует врага. После долгого периода героической жизни он остается памятником победы или, в случае поражения, завещанием, которое надлежит исполнить»⁷.

А. Хрущчинский, автор предисловия к книге И. Фика, справедливо указывает, что статья критика «В защиту тенденции» является теоретическим обоснованием творчества таких писателей, как Броневский, Кручковский, Василевская⁸, тех писателей, в произведениях которых в 30-е годы проявились принципы новой литературы, открыто служащей интересам миллионов трудящихся, — литературы социалистического реализма. К этому следовало бы добавить, что и эта статья И. Фика, как и другие его работы, была не только защитой, обоснованием основ польского социалистического искусства, но и его программой на будущее.

Литературно-критическая деятельность И. Фика — неотъемлемая часть общего процесса формирования литературы социалистического реализма в Польше. Учитывая достижения польской литературы 30-х годов и опираясь на творческую практику целого ряда пролетарских поэтов и прозаиков, критик-марксист нацеливал пролетарских литераторов на создание жизненного реалистического искусства, искусства большого идейного содержания и высокого художественного мастерства. При этом он воевал как с буржуазными теоретиками, отрицавшими пролетарскую литературу, так и с теми критиками, которые упрощенно, по-сектантски, трактовали задачи пролетарских писателей.

Развивая положения статьи В. Броневского «Вчера и завтра поэзии в Польше», И. Фик отбрасывал ограничения, накладываемые некоторыми критиками на пролетарское искусство, сводившими его исключительно к пролетарской тематике. Он отстаивал пролетарский, т. е. партийный, подход художника к явлениям жизни и призывал пролетарских писателей видеть все богатство окружающего мира, все его гуманистические ценности, созданные многовековой историей человечества. «От своих писателей, — писал он, — пролетариат требует лишь одного: солидарности в восприятии мира и жизни и сотрудничества в реализации будущей общественной действительности, к которой стремится пролетариат»⁹.

По мнению И. Фика, именно пролетарская литература в будущем превратится в литературу «общенациональную или общечеловеческую»¹⁰, так как стремления пролетариата, в том числе и в области культуры, в наибольшей степени отвечают интересам всей нации, всего человечества. Предсказывая расцвет пролетарской (или социалистической — И. Фик употребляет эти термины, как равнозначные) литературы, критик ставил перед пролетарскими писателями высокие требования: «Перед пролетарской литературой — все будущее. Но... социализм надо доказать широтой своего героизма, трезвостью диагнозов, правдой и творческим воображением во всех областях, интенсивностью чувств»¹¹.

Программа польской пролетарской литературы, сформулированная И. Фиком под влиянием программы социалистического реализма, принятой на I съезде советских писателей в 1934 г., звала польских писателей к созданию боевых, проникнутых социалистической идеологией высокохудожественных произведений. И. Фик был убежден в том, что передо-

⁷ «Obrona tendencji», стр. 53.

⁸ J. F i k. Wybor pism krytycznych, стр. XXII.

⁹ «Dwadzieścia lat literatury polskiej», стр. 475.

¹⁰ Там же, стр. 474.

¹¹ Там же, стр. 482.

вое мировоззрение художника — основа художественности. «Только новый взгляд на мир, являющийся выражением нового общественного сознания и видения, — писал он, — дает также новое художественное видение и, что за этим следует, создает новое искусство»¹².

С рождением пролетарской литературы И. Фик связывал начало нового этапа в истории польской литературы. Устанавливая две фазы в развитии польской литературы «двадцатилетия», он считал рубежом между ними 1932 год, потому что к этому времени польская пролетарская литература окрепла настолько, что стала важным фактором общественно-литературной жизни страны¹³. Принципиально новые черты пролетарской литературы критик видел прежде всего в отборе жизненных явлений и фактов с позиций революционного мировоззрения. Отсюда его непримиримо отрицательное отношение к теории литературы факта, которая в начале 30-х годов была весьма популярна среди части пролетарских писателей. Теория искусства-фактографии активно пропагандировалась на страницах таких пролетарских журналов, как «Дзвигня» (1927—1928 гг.) и особенно «Месечник литераци» (1929—1931 гг.), редактор которого А. Ват считал, например, «бессюжетную литературу факта... одним из основных направлений современной литературы»¹⁴.

Установка пролетарской критики на документальность, на развитие очерка, фактомонтажа, репортажа проявилась в организации редакцией «Месечника литераци» конкурса на репортаж, в публикациях дневников и воспоминаний крестьян, безработных. Влияние теории литературы факта сказалось на первых художественных произведениях пролетарской прозы — романах «Кордиан и хам» Л. Кручковского, «Облик дня» В. Василевской, «Кисловцы» Г. Джевецкого. Особенно ярко это влияние проявилось в программе и художественной практике группы демократических писателей «Пшедместье». Разумеется, и репортаж, и очерк были важным оружием пролетарской и демократической литературы, но развитие этих жанров в ущерб всем другим, провозглашение литературы факта в качестве основного пути литературы суживало возможности пролетарской литературы, таило опасность сведения художественного творчества к объективистскому изложению фактов и способствовало проникновению в литературу натуралистических тенденций.

И. Фик верно подметил слабости теории литературы факта и поэтому уже в первой своей статье «О репортаже» (1934 г.) он провозгласил создание литературы широких обобщений, указывая на богатый арсенал форм и средств типизации явлений действительности, которым располагает реалистическая художественная литература. Не отрицая положительного значения репортажа («репортаж является выражением *тенденции сближения с фактами жизни*»)¹⁵, он в то же время призывал писателей давать этим фактам определенную оценку, переходить в творчестве от правды частного к правде общего. Примером подлинно реалистического и высокодейного художественного творчества И. Фик считал произведения Л. Кручковского, В. Василевской, В. Ковальского¹⁶.

Одной из главных общественных задач литературы социалистического реализма И. Фик считал показ нового героя. Новое социальное видение влечет за собой, по И. Фику, создание образа человека — представителя новых общественных сил. Поэтому он приветствовал «мужественное открытие» пролетарскими писателями новой действительности, нового

¹² «Na temat tematu», стр. 16.

¹³ «Dwadzieści lat literatury polskiej», стр. 445.

¹⁴ «Miesięcznik literacki», 1930, N 7, стр. 331.

¹⁵ «O reportażu», стр. 4. (Курсив И. Фика. — В. X.)

¹⁶ «Człowiek na równi pochylej», стр. 166.

героя, противостоящего «гниющему болоту буржуазного аморализма»¹⁷, и призывал их еще полнее и выразительнее запечатлеть облик героя эпохи.

Резко и язвительно высмеивал Фик модного героя модернистской литературы, представленного в произведениях Кадена-Бандровского, Хороманского, Шульца, Гомбровича и других. Эти писатели проявляли повышенный интерес к болезненным, патологическим явлениям человеческой психики. В основе их творчества лежала концепция биологической эволюции человека. В рецензии на книгу Гомбровича «Фердыдурке» И. Фик писал: «Почему человек бывает самим собой лишь в ванне? Почему человека можно познать, лишь подглядывая его в замочную скважину? Почему быть собой — это значит «быть непостоянным, недоразвитым, незрелым»? А, может быть, наоборот? Может быть, настоящий человек проявляет себя именно в моменты кристаллизации и принятия решений?.. Зачем превращать литературу в анатомический театр и плевательницу? Есть некоторые вещи, которые надлежит делать в стороне. Не потому, что мы лицемерны и трусливы, а потому, что мы хотим быть чистыми! Мы хотим быть чистыми не для других, а для себя»¹⁸. Антигуманным, унижающим человека произведениям критик противопоставлял ту литературу, которая «стоит фронтом к социальной действительности»¹⁹ и указывал на большие задачи этой литературы. «Мне кажется, что есть один центральный вопрос: участие в строительстве культуры мира труда. Этому великому процессу, совершающемуся в трагической борьбе в политических, общественных и моральных сферах, должна сопутствовать литература, пытаясь определить и выразить рождающийся новый тип человека»²⁰.

В произведениях пролетарских писателей Фик видел реализацию требований времени и эпохи к литературе, новый тип человека — революционного борца. В рецензии на роман Вл. Ковальского «В Гжменцей» он отмечал создание писателем героя нового типа — крестьянина, осознавшего свое место в жизни и общественной борьбе. При этом большое достоинство романа он видел в его верности правде жизни, в единстве идейного содержания и формы²¹.

Большой интерес представляет оценка И. Фиком так называемой авангардистской литературы 30-х годов. В рецензиях на произведения представителей авангардистской прозы, в специальном исследовании «Авангард и авангардисты» критик дал глубокий анализ авангардизма и выявил содержание, вкладываемое в этот термин представителями различных литературных групп. Он отверг несостоятельные претензии формалистов, отрывавших искусство от жизни, считавших задачей писателей развитие литературной техники и в то же время выдававших себя за революционеров в искусстве, за авангард искусства. «Подлинный авангард, — писал И. Фик, — связан с общественным движением, и это является его социальным детерминизмом. Новая общественная ситуация вызывает новую организацию человеческих реакций и это является источником психологических открытий. Наконец, новое содержание требует новых, не искажающих его средств выражения и здесь открывается поле для изобретательности в области художественной экспрессии»²².

Авангардным, передовым И. Фик считал такое искусство, которое «стоит лицом к новым общественным проблемам». Новое революционное

¹⁷ «Moralność i sztuka», стр. 92, 93.

¹⁸ «Miny trudne i miny łatwe», стр. 190.

¹⁹ «Literatura choromaniaków», стр. 135.

²⁰ «Linie podziału w literaturze», стр. 273.

²¹ «Twarz nowej wsi», стр. 159.

²² «Awangarda i awangardziści», стр. 71.

искусство немислимо без новаторства, в том числе художественного. Но сама по себе «новаторская» художественная форма еще не определяет нового качества искусства. Отрицая бесплодное экспериментаторство, критик не ставил преград для подлинно новаторских художественных поисков. Наоборот, его концепция развития литературы обязательно предусматривала гармоничное воплощение нового содержания в новой форме. О том, что И. Фик придавал большое значение форме художественного произведения и высоко ценил мастерство писателя, свидетельствуют его рецензии на различные произведения и специальные статьи, посвященные проблемам художественного мастерства («Как рождается стихотворение», «Статические и кинетические моменты в стихотворениях», «Художественное время», «О метафоре» и др.) В этих работах дан глубокий анализ художественной формы, тесно связанной с содержанием.

Критик решительно выступает за повышение доступности литературы. «Доступ к культуре не может быть привилегией только одной группы, национальности или общественного класса, — писал И. Фик. — Тем более, он не может быть средством господства над другими классами, народами и вообще над человеком»²³.

И. Фик не питал никаких иллюзий по поводу того, что в капиталистическом обществе возможно приобщение трудящихся к культурным ценностям. Говоря о расцвете подлинно народной «массовой культуры», И. Фик связывал его с ликвидацией буржуазного строя: «Нельзя питать ни малейших иллюзий на то, что это возможно при капиталистическом строе, сущность которого заключается именно в создании таких условий, которые мы считаем главным препятствием в осуществлении проблем, рассмотренных выше [т. е. проблем демократизации культуры. — В. Х.]. Поэтому устранение существующих преград равнозначно ликвидации строя, который породил их и стремится их сохранить»²⁴.

Своими трудами И. Фик внес значительный вклад в строительство социалистической культуры в Польше. Разумеется, с точки зрения сегодняшнего марксистского литературоведения в работах И. Фика можно найти и следы «детских болезней», присущих марксистской литературной критике 30-х годов (не только польской), отметить немало упрощений. Так, например, И. Фик иногда недооценивал специфику художественного творчества, выясняя исключительно мировоззренческую позицию писателя.

Современный читатель легко заметит и несовершенство терминологии в работах И. Фика. Стремясь, например, определить характер рождающейся пролетарской литературы, он употребляет термин социалистический позитивизм. Устанавливая преемственность между прозой критического реализма XIX в. и произведениями Л. Кручковского, И. Фик пишет: «В сфере романа буржуазный позитивизм XIX в. может гордиться многими замечательными памятниками писательского искусства; на его достижениях основывается рождающийся социалистический позитивизм XX в.»²⁵.

Но отдельные недостатки и неточности никак не могут умалить значение всей литературно-критической деятельности И. Фика. Оценивая творчество И. Фика, следует подчеркнуть самое главное — он был крупным марксистским теоретиком и критиком польской литературы, разработавшим жизненно важную программу польского социалистического искусства, которая в основных чертах сохраняет актуальность и сегодня.

В. А. Хорев

²³ «Produkcja i konsumpcja kultury», стр. 32.

²⁴ Там же.

²⁵ «Człowiek na równi pochylej», стр. 167.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ГЕНРИКЕ ГРУНВАЛЬДЕ

Среди художников, своим творчеством заложивших основы реалистического направления в современном польском искусстве, видное место принадлежит Генрику Грунвальду (1904—1958 гг.). Его глубокий и разносторонний талант проявился во многих областях художественного творчества. Станковая графика, книжная иллюстрация, монументально-декоративные композиции («Могила неизвестного солдата», 1947, интерьеры Государственного Совета, 1949—1950 гг., Совета Министров, 1952 г., Национальной филармонии в Варшаве, 1957 г., польского посольства в Пекине, 1957—1958 гг.), ювелирные изделия, политическая карикатура — все это основные направления его творчества. Значительное внимание уделял Г. Грунвальд и живописи, однако его живописные полотна не достигают степени зрелости и совершенства, свойственной его работам в графике и металлопластике. И все-таки они являются свидетельством больших творческих возможностей художника и в этом виде искусства, которые не получили полного развития из-за безвременной кончины мастера. Наряду с живописью в последние годы жизни Г. Грунвальд обратился к поэзии. Главным в своем творчестве Г. Грунвальд всегда считал рисунок. От рисунка он шел к другим видам творчества — металлопластике, иллюстрации, живописи. Через рисунок он пришел и к поэзии. Мазовецкий пейзаж, послуживший основой для создания графического цикла («Мазовецкие эскизы», 1952), стал главным мотивом поэтического творчества Г. Грунвальда. В 1959 г. посмертно был издан томик стихов Г. Грунвальда¹, о которых заволнованно писал Ярослав Ивашкевич, видя в их простоте одну из вершин, достигаемых лишь в результате большого творческого пути².

Несомненный интерес вызывает теоретико-критическое наследие Г. Грунвальда. В таких статьях, как «„Большое“ и „малое“ искусство», «О ювелирном деле и рисунке», «О рисунках», в выступлениях на съезде сатириков (Варшава, 1953 г.), на обсуждении Всепольской молодежной выставки (1953 г.) изложено творческое кредо художника, его взгляды на роль искусства в жизни общества, на значение и соотношение различных жанров в современном польском искусстве и на их место в творчестве самого Грунвальда.

Творчество Г. Грунвальда получило признание и в Польше, и за рубежом. Зарубежные рецензенты неоднократно отмечали многогранность и глубину таланта художника, новаторский и вместе с тем глубоко национальный характер его произведений.

В Советском Союзе также знают творчество польского художника: его графические листы не раз были представлены на выставках в Москве, Киеве, Минске, Харькове. С иллюстрациями Г. Грунвальда к произведениям Н. В. Гоголя советский зритель мог познакомиться на ретроспективной выставке польского искусства на Украине и в Белоруссии (1955 г.)³ и на выставке польской художественной иллюстрации в Москве (1959 г.). Рисунки Грунвальда, относящиеся к политической сатире, за последние годы дважды демонстрировались в Москве: в 1961 г. на выставке карикатуры польского журнала «Шпильки» и в 1962 г. в Государственном музее изобразительных искусств на выставке польской сатиры (частичная экспозиция варшавской выставки к 15-летию Польской Народной Республики).

¹ Henryk Grunwald. Strofy. Warszawa, 1959.

² J. Iwaszkiewicz. Rozmowy o książkach. «Życie Warszawy», 19.IV.1961.

³ Выставка получила широкое освещение в периодической прессе Киева, Харькова, Минска. Работы Г. Грунвальда, экспонировавшиеся на ней, были репродуцированы в украинском журнале «Мистецтво» (1955, № 3, стр. 23).

Работы Г. Грунвальда на протяжении многих лет привлекали внимание польской критики. Перечень статей и рецензий, посвященных его творчеству, насчитывает около 150 названий.

Первые статьи о художнике относятся еще к 1928 г. Некоторые из них принадлежат перу известного польского критика Мечислава Валлиса. Уже в ранних рисунках Грунвальда М. Валлис увидел черты, которые впоследствии определили стиль зрелого мастера: «извлечение максимума выразительности и экспрессии из чистой линии, из обнаженного контура», стремление передать настроение и содержание при помощи «тонкой, острой, как след алмаза на стекле, лапидарной, живой и нервной линии, путем расположения и ритма штрихов»⁴.

Анализируя металлопластику, представленную на первых персональных выставках, М. Валлис отмечал ее художественные особенности: сочетание богатства форм с тонким чувством специфики используемого металла — его цвета, блеска, фактуры; чувство меры в орнаментации, точность графического исполнения орнамента, влияние графических работ мастера на металлопластику.

Статьи о творчестве Г. Грунвальда, опубликованные в 30-е годы, представляют особый интерес, т. к. являются единственным источником для изучения его произведений раннего периода, большинство которых погибло во время Варшавского восстания.

Среди послевоенных статей о Грунвальде одна из наиболее содержательных написана крупным польским искусствоведом Михалом Валицким. Она опубликована в ежемесячнике Польского союза художников «Przegląd Artystyczny»⁵. Статья отличается серьезным и глубоким профессиональным анализом. В ней на материале некоторых послевоенных работ Г. Грунвальда (рисунки из Сендзишова, Мазовецкие эскизы, иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя) дается характеристика особенностей творческого почерка художника: зависимость штриха от характера изображаемого предмета, взаимовлияние техники рисунка и металлопластики, орнаментализация линии и др.

Активным пропагандистом искусства Г. Грунвальда выступил известный польский график и критик Игнацы Витц. Как и все критические работы И. Витца, его статьи о Грунвальде отличаются ясностью и простотой. И. Витц показывает характерные черты творчества художника, своеобразие его манеры. В статье «Генрик Грунвальд», рассказывая об иллюстрациях Грунвальда к произведениям Н. В. Гоголя, И. Витц передает творческую атмосферу, в которой создавались эти великолепные иллюстрации. «Это не был и не мог быть цикл, возникающий на заказ. Это было глубоко личное дело художника, которое целиком захватывает чувство создателя», — писал критик. И. Витц подчеркивает яркое индивидуальное истолкование Грунвальдом прочтенного текста. Хотя произведения Гоголя иллюстрировали такие различные мастера разных эпох, как Агин и Боклевский, Кукрыниксы и Шагал, однако и на этом фоне «рисунки Грунвальда выступают необычайно отчетливо. Их индивидуальный, более своеобразный, чем обычно, взгляд на Гоголя, а также специфические пластические ценности, создают произведение исключительное и неповторимое»⁶.

Богатый материал для изучения творческого наследия Г. Грунвальда дала посмертная выставка его работ 1960 г., организованная в Варшавском национальном музее. Это была самая полная из всех выставок Г. Грунвальда. На ней были представлены гравюры, рисунки, иллюстрации, сатирические произведения, живопись, изделия из металла.

⁴ M. Wallis. Henryk Grunwald. «Robotnik», № 132, 12.V.1930.

⁵ M. Walicki. Rysunki H. Grunwalda. «Przegląd Artystyczny», 1955, № 5.

⁶ I. Witz. Henryk Grunwald. «Przyjaźń», 17.IV.1960.

К выставке был издан каталог ⁷, являющийся в настоящее время наиболее ценным печатным источником для изучения творчества Г. Грунвальда. Каталог состоит из трех основных разделов. Первый — статьи о различных областях творчества Г. Грунвальда («Рисунок и графика» — Марии Суходольской, «Живопись» — Марии Рогойской, «Сатира» — Ежи Зарубы, «Металлопластика» — Станислава Гебетнера). Второй раздел — библиография (составлена Яниной Обидзиньской), содержащая перечень важнейших статей о художнике, его собственных выступлений, а также индивидуальных, групповых или всепольских выставок, на которых были представлены работы Г. Грунвальда. Третий раздел — собственно каталог выставки, обработанный М. Суходольской, С. Гебетнером и Г. Пипрек, включающий 663 названия.

Издание этого каталога — результат серьезной и кропотливой работы целой группы художников и искусствоведов, которые собрали и систематизировали очень большой материал. Он дает основу для перехода от статей по частным вопросам к созданию большого исследования о творчестве Г. Грунвальда.

Одним из шагов к этой цели является работа Леха Грабовского «Рисунки Г. Грунвальда»⁸ — первое отдельное издание о художнике. Обращение к анализу одной из основных областей творчества Г. Грунвальда — рисунку — очень важно, так как критический разбор графического наследия Г. Грунвальда мог бы раскрыть не только своеобразие творческой манеры мастера, но и позволил бы рассмотреть целый ряд историко-культурных проблем, характеризующих развитие современного польского искусства. В то же время издательство «Wydawnictwo artystyczne i filmowe» стремилось восполнить значительный пробел в публикациях произведений Грунвальда, значительная часть которых остается до сих пор неопубликованной, в том числе замечательный цикл рисунков к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского ⁹.

В книге содержится 48 репродукций с работ художника. Многие из них воспроизводятся впервые. Хотя это лишь небольшая часть рисунков мастера, однако их хороший подбор позволяет получить представление о разносторонности творческих интересов Г. Грунвальда-рисовальщика. Здесь даны репродукции ряда несохранившихся довоенных работ («Дружба», 1930 г., «Аллегория плодородящей земли», 1931 г.), рисунков из послевоенных циклов: Венгерского (1949 г.), Чешского (1949 г.), Мазовецкого (1952 г.), Болгарского (1953 г.), иллюстраций к Гоголиане, к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского. Значительное место отведено политической и бытовой сатире.

Художник высокого интеллекта, идущий в своем творчестве чаще от рассудка, нежели от эмоционального импульса, Г. Грунвальд умел четко ставить творческую цель и добиваться ее достижения в процессе художественной практики. Человек, которому свойственны глубокие, порою мучительные раздумья, напряженная сосредоточенность, — именно таким предстает перед нами Г. Грунвальд в тройном автопортрете, помещенном на обложке книги его рисунков. Книга вводит читателя в мир образов художника, помогает воспринять их своеобразный характер, написана она живо, с настроением. Однако ее небольшой объем не позволил автору Л. Грабовскому рассмотреть творчество Г. Грунвальда на фоне исторической и художественной обстановки, в которой развивалась его деятельность.

⁷ «Henryk Grunwald. Pamiętnik wystawy». Warszawa, 1960.

⁸ L. G r a b o w s k i. Rysunki H. Grunwalda. Warszawa, 1962.

⁹ За этот цикл, а также за иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя Г. Грунвальд был удостоен звания лауреата Общества польско-советской дружбы.

Между тем творчество Г. Грунвальда, несущее на себе печать яркой индивидуальности, органически входит в арсенал современного польского искусства. Анализ его графики позволяет поставить важные вопросы: о реалистическом мастерстве, о роли академической традиции, о соотношении реалистического образа и символа, метафоры, о связи графики с другими видами искусства (в частности, с монументально-декоративным и прикладным) и многие другие. Отказ от проблемной разработки темы лишил Г. Грабовского возможности дать оценку значения графического творчества Г. Грунвальда в современном польском искусстве, показать его место и роль в процессе развития социалистической культуры народной Польши.

Творчество Г. Грунвальда по-прежнему ждет фундаментального исследования. Создание монографии, освещающей весь творческий путь этого выдающегося мастера и его место в истории польского искусства, восполнило бы пробел в искусствоведческой литературе, посвященной современному польскому искусству.

И. И. Свирида

ГРУППА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

В середине 1961 г. в Институте славяноведения АН СССР была организована группа истории культуры зарубежных славянских стран (руководитель — профессор И. Ф. Бэлза). Вначале очень малочисленная, она постепенно расширилась, и в настоящее время в нее входят десять научных сотрудников и четыре аспиранта.

Группа была создана для ведения в институте научно-исследовательских работ по истории культуры зарубежных славянских народов. Опыт работы над коллективными обобщающими трудами, пробелы в изучении истории культуры славянских стран обусловили необходимость создания такого звена.

Перед коллективом группы поставлены большие и ответственные задачи. Они заключаются в изучении всего многообразия процесса культурного развития и обмена в зарубежных славянских странах, в определении ценности и значения вклада, внесенного славянскими народами в общую сокровищницу культурных достижений человечества.

Исследования в области художественной культуры, как одна из основных целей деятельности этой группы, направляются на выявление диалектического единства всех компонентов культуры вообще и отдельных видов искусства в частности, их органичной связи с передовыми общественными идеями, на раскрытие их взаимовлияний и значения для прогресса общественного развития в целом. Эти исследования будут вестись комплексно, т. е. без излишней дифференциации различных областей художественной культуры, но с учетом их органической взаимосвязи. При этом, разумеется, остается в силе необходимость глубокого изучения отдельных областей культуры. Коллектив группы стремится сочетать все эти задачи.

Участие в коллективных комплексных трудах создает необходимый контакт с работой всего коллектива института. В 1962 г. группа участвовала в подготовке двухтомной «Истории Югославии», сотрудники группы написали статьи по разделу о культуре для «Очерков истории Народной Польши».

В тематическом плане группы наряду с монографическими исследованиями в той или иной области культуры отдельных стран большое внимание уделяется культурным связям славянских народов. Такая взаимосвязь работ помогает воссозданию цельной картины общего процесса развития культуры в зарубежных славянских странах. Группой запланировано написание ряда монографических исследований: «История чешской музыкальной культуры» (проф. И. Ф. Бэлза), «Сербский эпос» (проф. Н. И. Кравцов), «Микулаш Алем» (Л. С. Кишкин), «Исторические связи и взаимовлияния в зодчестве восточных и западных славян» (В. И. Ку-

дряшов), «Строительство социалистической культуры в Чехословакии» (М. Н. Кузьмин), «Йозеф Манес и чешская культура» (Н. А. Прокофьева), «Становление национальных традиций в польском музыкальном театре» (Н. П. Дубровская), «Межславянские культурные связи в период польского освободительного движения» (Л. А. Козырева).

Узловые вопросы тематического плана группы найдут отражение в подготавливаемом к изданию сборнике «Проблемы изучения культуры славянских народов». Одним из основных перспективных коллективных трудов группы будет «История культуры зарубежных славянских стран».

Кроме участия в создании фундаментальных обобщающих трудов, издаваемых институтом, члены группы опубликовали ряд статей, рецензий и рефератов по различным вопросам истории культуры славянских народов. Проф. И. Ф. Балза¹ и проф. Н. И. Кравцов² выступили по этим вопросам с докладами на V Международном съезде славистов в Софии в сентябре 1963 г.

Аспиранты группы работают над диссертационными темами: «Современная польская графика и ее место в культуре Польской Народной Республики» (И. И. Свирида), «Йозеф Кастан Тыл и чешская культура» (Л. Н. Титова), «Чешский театр в 1860—1870 гг.» (Ю. И. Ритчик), «Межславянские фольклорные связи» (Л. Н. Виноградова).

В. И. Кудряшов

ГЛЕБ МИХАЙЛОВИЧ ЛЫЗЛОВ

22 июля 1963 г. в Алма-Ате скоропостижно скончался Глеб Михайлович Лызлов, в течение ряда лет сотрудничавший с коллективом историков Института славяноведения АН СССР.

Глеб Михайлович родился в 1902 г. в Кельцах в семье учителя. Начав трудовую жизнь рабочим на гвоздильном заводе (1919 г.), он очень рано и решительно избрал свое место в напряженной политической борьбе революционных лет. В 1920 г. он вступил в Красную Армию и одновременно был принят кандидатом в члены партии. В августе 1920 г. Глеб Михайлович добровольцем ушел на врангелевский фронт, а в январе 1921 г. был принят в партию. С 1921 и по 1935 г. Г. М. Лызлов непрерывно работал в политорганах Красной Армии; находясь в рядах армии, он окончил в 1924 г. Военно-политический институт им. Толмачева, а после демобилизации был на партийно-советской работе в Казахстане. Лишь в 1946 г. Глеб Михайлович переходит на педагогическую работу в Казахский государственный педагогический институт им. Абая (Алма-Ата), где он занимал посты декана исторического факультета, заместителя директора института, а с июня 1963 г. заведующего кафедрой всеобщей истории.

Перейдя на вузовскую педагогическую работу, Глеб Михайлович занялся и исследовательской деятельностью, приступив к изучению внешней политики России XVII в. С этого момента и начинаются его научные контакты с Институтом славяноведения, где он окончил аспирантуру и защитил в 1960 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Русско-польские

¹ И. Ф. Балза. Музыкальная культура западнославянских народов, ее международные связи и мировое значение. «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 253—290.

² Н. И. Кравцов. Роль народного эпоса в развитии сербской литературы (там же, стр. 348—385).

отношения в период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.».

Глеб Михайлович поздно пришел в науку. Однако ум и талант его в сочетании с огромным жизненным опытом позволили ему с первых же шагов выступить в качестве вполне самостоятельного, вдумчивого и оригинального исследователя, а хорошая общенсторическая подготовка и знание языков — заниматься сложной центральной и восточноевропейской исторической проблематикой. Об этих превосходных качествах Глеба Михайловича как историка-исследователя лучше всего свидетельствуют его труды, опубликованные в 1958—1961 гг.: «Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (до Зборовского мира)» («Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 24. М., 1958); «К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 году» («Ученые записки Казахского пед. ин-та им. Абая», т. 39. Серия истории, вып. 5. Алма-Ата, 1959); «Влияние Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. на внутривосточное положение Польши» (Там же, т. 47. Серия истории, вып. 6); «Состоялось ли посольство В. В. Унковского на Украину в 1651 г.?» («Славянский архив». М., 1961). Кроме того, в рукописи осталась еще работа Глеба Михайловича, посвященная послезборовскому периоду русско-польских отношений эпохи Освободительной войны украинского народа.

В результате тщательного анализа широкого круга источников, прежде всего архивных материалов, всестороннего и глубокого изучения литературы Глебу Михайловичу удалось не только нарисовать яркую, осложненную влиянием многих факторов внутреннего и внешнего порядка картину русско-польских отношений конца 40-х и первой половины 50-х годов XVII в., но и разобраться в значении этих отношений для развития политики русского правительства по отношению к восставшей Украине, вскрыть роль внешнеполитической программы, сформулированной в предшествующий период русской дипломатией для ее деятельности в 1648—1654 гг.

С 1961 г. Г. М. Лызлов вновь приступил к сбору материалов, готовясь написать широкое синтетическое исследование о внешней политике России XVII в. в связи с развитием международных отношений в Центральной и Восточной Европе того времени. Смерть постигла этого очень одаренного, кипящего огромной внутренней энергией исследователя среди приготовлений к новой, уже захватившей его воображение работе.

В. Д. Королюк

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В «КРАТКИХ СООБЩЕНИЯХ»
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР,
ВЫП. 1—40, М., 1951—1964***

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ВЫПУСКИ

1. «Актуальные проблемы славяноведения. Материалы первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения». М., 1961. 272 с. Вып. 33—34.
2. «Вопросы славянского языкознания». М., 1952, 77 с. Вып. 7.
3. «М. Горький в славянских странах народной демократии» (Материалы заседания научной конференции, посвященной А. М. Горькому, 1936—1951. 15 июня 1951 г.). М., 1951, 114 с. Вып. 6.
4. «Из истории межславянских связей». М., 1963, 111 с. Вып. 36.
5. «Из истории народно-демократической Чехословакии. Авторефераты». М., 1951, 109 с. Вып. 2.
6. «Из истории освободительной войны украинского народа». М., 1954, 81 с. Вып. 13.
7. «Из истории русско-болгарских и советско-болгарских отношений». М., 1964, 104 с. Вып. 40.
8. «Из истории русско-славянских литературных связей». М., 1952, 108 с. Вып. 8.
9. «Из истории русско-славянских отношений». М., 1952, 109 с. Вып. 9.
10. «Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному съезду славистов». М., 1963, 74 с. Вып. 39.
11. «Классик болгарской литературы Иван Вазов. Авторефераты». М., 1951, 95 с. Вып. 3.
12. «В. Маяковский в славянских странах народной демократии». М., 1951, 85 с. Вып. 1.
13. «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка. (Обсуждение проспекта «Основные вопросы болгарской грамматики» на совещании в Институте славяноведения АН СССР 12—14 мая 1952 г.)». М., 1953, 142 с. Вып. 10.
14. «Основные проблемы истории Польши. (Обсуждение проспекта «Истории Польши» на совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР 3—4 октября 1950 г.)». М., 1951, 202 с. Вып. 4—5.
15. «Русско-польские революционные связи». М., 1963, 116 с. Вып. 37.
16. «Славянское языкознание». М., 1960, 115 с. Вып. 13.
17. «Славянское языкознание». М., 1962, 116 с. Вып. 35.
18. «Славянское языкознание». М., 1963. 103 с. Вып. 38.

История

а) Статьи, доклады и прочие материалы

19. А до В. И. Изучение истории южных славян на кафедре всеобщей истории Казанского университета. — Вып. 40, 1964, с. 76—80.
20. Актуальные проблемы славяноведения. Материалы первого координационного совещания... — Вып. 33—34, 1961, с. 11—133. Доклады, сообщения, выступления на пленарном заседании см. на с. 11—56; Доклады на межсекционном заседании, на заседаниях исторической секции, хроника заседаний и решение исторической секции см. на с. 57—133.
21. Аристова Т. Ф., Ваврик В. Р. Ф. Ф. Аристов. 1888—1932. — Вып. 27, 1959, с. 87—93.
22. Арнольд Ст. Проблема генезиса барщинного фольварка в Польше. — Вып. 19, 1956, с. 41—45.

* Указатель составила А. Я. Огнева.

23. Бакулина Н. В. К вопросу об атеизме Христо Ботева.— Вып. 26, 1958, с. 13—24.
24. Бардах Ю. О классовой борьбе польского крестьянства в период формирования товарного хозяйства (XII—половина XIV в.).— Вып. 19, 1956, с. 46—63.
25. Баскаков С. И. Нерушимая болгаро-советская дружба (К 15-летию договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи).— Вып. 40, 1964, с. 19—28.
26. Батовский Генрик. Мицкевич и славянский вопрос в 1855 г.— Вып. 36, 1963, с. 31—43.
27. Белякова Н. П. Социально-экономические предпосылки национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине в 1908—1914 гг. Автореферат дисс.— Вып. 12, 1954, с. 57—64.
28. Бирман М. А. Болгарский революционер-демократ Бенковский.— Вып. 12, 1954, с. 23—32.
29. Бирман М. А., Клеванский А. Х., Манусевич А. Я., Славин Г. М., В. И. Ленин и образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах.— Вып. 31, 1961, с. 3—49.
30. Бирман М. А. Сербия в период балканских войн 1912—1913 гг.— Вып. 32, 1961, с. 27—45.
31. Брежго Б. Феодалные наезды в Латгалии в 1646—1785 гг.— Вып. 23, 1958, с. 44—56.
32. Бромлей Ю. В. и Шущарин В. П. К вопросу о крестьянском переходе в позднесредневековой Хорватии (до конца XVI в.).— Вып. 29, 1960, с. 24—35.
33. Ваврыкова М. Отражение революционного народнического движения в польской публицистике 70—80-х годов.— Вып. 37, 1963, с. 3—19.
34. Валев Л. Б. Из истории отечественного фронта Болгарии (июль 1942—май 1945 г.). Автореферат дисс.— Вып. 2, 1951, с. 41—52.
35. Валев Л. Б., Парсаданова В. С., Славич Г. М., Шленова Н. А. Об изучении проблемы: «Совместная борьба трудящихся славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны».— Вып. 33—34, 1961, с. 90—94.
36. Валев Л. Б. Пламенный борец за дело коммунизма (Г. Димитров).— Вып. 24, 1958, с. 5—16.
37. Валев Л. Б. Пятая годовщина со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной республикой Болгарией.— Вып. 12, 1954, с. 3—13.
38. Валев Л. Б. Экономика Болгарии накануне второй мировой войны.— Вып. 32, 1961, с. 12—26.
39. Виноградова А. И. Чешский город в XIV — начале XV в. Автореферат дисс.— Вып. 14, 1955, с. 88—96.
- 40—41. Вирт Зд. Общая родина чехов и словаков.— Вып. 19, 1956, с. 27—30.
42. Вознесенский В. Д. К вопросу о влиянии русского революционного движения на болгарское рабочее движение (1910—1912 гг.).— Вып. 17, 1955, с. 3—13.
43. Воробьев Л. В. Социально-политические взгляды Христо Ботева. Автореферат дисс.— Вып. 6, 1951, с. 85—93.
44. Галенко П. В. Об экономическом сотрудничестве стран демократического лагеря.— Вып. 11, 1953, с. 3—9.
45. Гандев Х. К истории чифликчийского землевладения в Болгарии в период до Освобождения. (Возникновение чифликчийского капиталистического хозяйства в XVIII в.).— Вып. 29, 1960, с. 36—65.
46. Глаголева А. П. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы.— Вып. 14, 1955, с. 13—25.
47. Гогица К. П. Подъем рабочего и демократического движения в Чехии в 1905 г. Автореферат дисс.— Вып. 20, 1956, с. 76—84.
48. Голотик Людовит. Основные этапы словацкой истории.— Вып. 27, 1959, с. 30—40.
49. Граца Б. О некоторых вопросах национально-освободительной борьбы народов Чехословакии в период второй мировой войны.— Вып. 19, 1956, с. 17—26.
50. Греков И. Б. «Вечный мир», 1686 г. Автореферат дисс.— Вып. 2, 1951, с. 85—98.
51. Достян И. С. Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. Автореферат дисс.— Вып. 2, 1951, с. 75—84.
52. Зеленин В. В. Восстание сербских крестьян в Среме в 1807 г.— Вып. 14, 1955, с. 3—12.
53. Зеленин В. В. Развитие ремесла и промышленности в Сербии в период первого сербского восстания (1804—1813 гг.).— Вып. 23, 1958, с. 20—43.
54. Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку.— Вып. 37, 1963, с. 66—75.
55. Зиччук Я. П. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X—XII вв. Автореферат дисс.— Вып. 21, 1957, с. 99—108.

56. З л ы д н е в В. И. Асен Златаров и его общественно-культурная деятельность. (К 75-летию со дня рождения).— Вып. 32, 1961, с. 51—71.
57. З у е в В. И. Гоце Делчев — выдающийся деятель македонского освободительного движения. (К пятидесятилетию со дня гибели).— Вып. 12, 1954, с. 33—39.
58. И в а н о в И. Д. Документы о русско-сербских революционных связях 80-х годов XIX в.— Вып. 19, 1956, с. 64—77.
59. И л ь ч у к И. С. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете (1873—1906 гг.).— Вып. 24, 1957, с. 23—36.
60. И о в ч у к М. Т. Светозар Маркович — выдающийся сербский революционер-демократ и философ-материалист.— Вып. 24, 1958, с. 32—46.
61. История Польши. (Перспект).— Вып. 4—5, 1951, с. 119—197.
62. К а ж д а н А. П. Наемный труд в Дубровнике в XIV веке.— Вып. 17, 1955, с. 36—45.
63. К а ж д а н А. П. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию.— Вып. 11, 1953, с. 65—75.
64. К а р а с е в В. Г. Д. И. Писарев и Светозар Маркович. (Из истории русско-сербских общественных связей).— Вып. 9, 1952, с. 24—33.
65. К а р а с е в В. Г. Социально-политические взгляды Светозара Марковича. Автореферат дисс.— Вып. 6, 1951, с. 94—104.
66. К а р ы ш к о в с к и й П. О. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава. Автореферат дисс.— Вып. 9, 1952, с. 53—61.
67. К а р ы ш к о в с к и й П. О. К истории балканских походов Руси при Свято-славе.— Вып. 14, 1955, с. 26—30.
68. К е н е в и ч Стефан. Из проблематики восстания 1863—1864 гг.— Вып. 24, 1958, с. 47—57.
69. К и р ш е в с к а я А. Н. Правительство Стамболлийского в Болгарии (1919—1923). Автореферат дисс.— Вып. 12, 1954, с. 48—56.
70. К и ш к и н Л. С. Декабрист Враицкий. (Из истории русско-чешских связей).— Вып. 9, 1952, с. 38—42.
71. К о д е д о в а О. К вопросу о влиянии первой русской революции на революционное движение в чешских землях и в Словакии.— Вып. 20, 1956, с. 34—39.
72. К о з ь м е н к о И. В. Болгарский вопрос в международных отношениях 1876—1878 гг.— Вып. 40, 1964, с. 60—75.
73. К о з ь м е н к о И. В. Общественно-политическая деятельность М. С. Дринова.— Вып. 24, 1957, с. 13—22.
74. К о м п а н Е. С. Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше.— Вып. 13, 1954, с. 17—27.
75. К о н д р а т ь е в а В. Н. Сговор Австрии и Турции с целью подавления национально-освободительного движения на Балканах в 60-е годы XIX в.— Вып. 36, 1963, с. 44—60.
76. К о н о б е е в В. Д. К вопросу о передаче Болгарии в 1879 г. русских судов Дунайской флотилии.— Вып. 9, 1952, с. 17—23.
77. К о н о б е е в В. Д. Образование вооруженных сил Болгарии в период ее освобождения от турецкого ига (1876—1879 гг.). Автореферат дисс.— Вып. 2, 1954, с. 63—74.
78. К о н о б е е в В. Д. 75 лет освобождения Болгарии от турецкого ига.— Вып. 12, 1954, с. 14—22.
79. К о н с т а н т и н о в Ф. Т. Творческая разработка некоторых вопросов марксистско-ленинской теории в трудах Г. М. Димитрова.— Вып. 24, 1958, с. 17—31.
80. К о р м а н о в а Ж. Революция 1905—1907 гг. на польских землях. (Попытка обобщения исторического хода революции).— Вып. 20, 1956, с. 13—24.
81. К о р о л ь к В. Д. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского.— Вып. 29, 1960, с. 3—23.
82. К о р о л ь к В. Д. Исторические предпосылки Переяславской Рады 1654 г.— Вып. 13, 1954, с. 3—16.
83. К о р о л ь к В. Д. Историческое значение Грюнвальдской битвы.— Вып. 32, 1961, с. 72—85.
84. К о р о л ь к В. Д. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке.— Вып. 9, 1952, с. 43—50.
85. К о р о л ь к В. Д. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян.— Вып. 39, 1963, с. 3—20.
86. К о р о л ь к В. Д. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.).— Вып. 33—34, 1961, с. 105—112.
87. К о р о л ь к В. Д. Об организации исследовательской работы по истории славяно-германских отношений в связи с борьбой против идеологии западногерманского реваншизма.— Вып. 33—34, 1961, с. 72—81.
88. К о р о т к о в а В. И. Тимокское восстание и радикальная партия. Автореферат дисс.— Вып. 11, 1953, с. 42—48.
89. К о с е в Д. Влияние первой русской революции 1905—1907 гг. в Болгарии.— Вып. 20, с. 25—33.

90. К о с т ю ш к о И. И. Воззвания польских демократов к русским солдатам.— Вып. 19, 1956, с. 78—83.
91. К о с т ю ш к о И. И. Материалы к истории крестьянского движения в Царстве Польском в конце 60-х годов XIX в.— Вып. 17, 1955, с. 46—56.
92. К о с т ю ш к о И. И. Материалы о деятельности повстанческой организации Петра Сцегиного.— Вып. 20, 1956, с. 50—75.
93. К о с т ю ш к о И. И. Польская демократия первой половины XIX века и освободительное движение украинского народа.— Вып. 13, 1954, с. 28—38.
94. К о с т ю ш к о И. И. Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне. (Царство Польское в 30-х — начале 60-х годов XIX в.). Автореферат дисс.— Вып. 8, 1952, с. 74—84.
95. Л а п т е в а Л. П. Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов в XVI и начале XVII в. Автореферат дисс.— Вып. 17, 1955, с. 88—92.
96. Л е с ь п о д о р с к и й Б. Революционное течение в восстании 1794 г. (Польские «якобицы»).— Вып. 19, 1956, с. 31—40.
97. Л е щ и л о в с к а я И. И. и Ф р е й д з о н В. И. Вопросы новой истории Хорватии в хорватском журнале «Исторически зборник» за 1948—1956 гг.— Вып. 29, 1960, с. 100—116.
98. Л ы з л о в Г. М. Польско-русские отношения в начальный период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (До Зборовского мира).— Вып. 24, 1958, с. 58—82.
99. Л ы з л о в Г. М. Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г.— Вып. 27, 1959, с. 45—67.
100. М а л ь ц е в А. Н. Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г.— Вып. 13, 1954, с. 51—62.
101. М а н у с е в и ч А. Я., Б и р м а н М. А., К л е в а н с к и й А. X. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на образование зарубежных славянских государств и подъем революционного движения в этих странах. (Историография проблемы и задачи ее изучения).— Вып. 33—34, 1961, с. 82—89.
102. М а н у с е в и ч А. Я. Ленинская «Искра» и польское рабочее движение.— Вып. 37, 1963, с. 20—42.
103. М а н у с е в и ч А. Я. Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии. (К историографии проблемы и задачам ее изучения).— Вып. 39, 1963, с. 51—74.
104. М а н у с е в и ч А. Я. Польские коммунистические группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (1917—1919).— Вып. 27, 1959, с. 16—29.
105. М а р ь и н а В. В. Словакия в годы послевоенного революционного подъема (1918—1923 гг.). Автореферат дисс.— Вып. 21, 1957, с. 80—88.
106. М а т у л а В. А. Ян Коллар и дружба славянских народов. (К 100-летию со дня смерти Яна Коллара).— Вып. 8, 1952, с. 43—50.
107. М а ц е к И. Историческое значение освобождения Чехословакии Советской армией.— Вып. 19, 1956, с. 8—16.
108. М е л ь н и к о в а И. Н. К характеристике экономического развития Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929).— Вып. 16, 1955, с. 21—33.
109. М и л л е р И. С. К вопросу о публикации источников по истории крестьянских движений в Польше в 1651 г.— Вып. 13, 1954, с. 63—81.
110. М и л л е р И. С. Материалы к истории революционной агитации в Западной Галиции в 1846 г.— Вып. 14, 1955, с. 31—48.
111. М и л л е р И. С. Русско-польские революционные связи в дооктябрьский период.— Вып. 33—34, 1961, с. 95—102.
112. М о р д у х о в и ч Л. М. Антифеодалная концепция Юрия Крижанича.— Вып. 26, 1958, с. 25—49.
113. М о р д у х о в и ч Л. М. Философские и социологические взгляды Юрия Крижанича.— Вып. 36, 1963, с. 61—84.
114. М о с к а л е н к о А. Е. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации).— Автореферат дисс.— Вып. 19, 1956, с. 84—93.
115. М у т а ф ч и е в а В. П. К вопросу о феодальной ренте в Османской империи. (Принудительные выкупы в XVII—XVIII вв.).— Вып. 24, 1958, с. 90—99.
116. Н а р с к и й И. С. Из истории польской философии XIX в. Мировоззрение Э. Дембовского. Автореферат дисс.— Вып. 8, 1952, с. 65—73.
117. Н а р с к и й И. С. Изучение истории общественной мысли европейских стран пародной демократии в СССР.— Вып. 29, 1960, с. 85—90.
118. Н е ф е д о в И. М. К вопросу о позиции австрийского правительства и галицийских властей накануне польского национально-освободительного восстания 1846 г. в Галиции.— Вып. 21, 1957, с. 73—79.
119. Н е ф е д о в И. М. Крестьянское движение в Западной Галиции в 1832—1833.— Вып. 14, 1955, с. 49—71.
120. Н и к и т и н С. А. Восточный кризис 70-х гг. XIX века в новейшей литературе.— Вып. 40, 1964, с. 29—31.

121. Никитин С. А. М. С. Дринов как историк.— Вып. 21, 1957, с. 3—12.
122. Никитин С. А. З. Р. Неелды как историк.— Вып. 11, 1953, с. 16—19.
123. Никитин С. А. Жизненный путь и социально-политические взгляды Ивана Вазова.— Вып. 3, 1951, с. 8—23.
124. Никитин С. А. Задачи и организация работы по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах». — Вып. 33—34, 1961, с. 65—71.
125. Никитин С. А. Праздник национальной болгарской культуры.— Вып. 26, 1958, с. 3—5.
126. Никитин С. А. Происхождение славянской письменности.— Вып. 39, 1963, с. 21—26.
127. Овчаров В. И. Успехи польского народа в строительстве социализма.— Вып. 16, 1955, с. 3—20.
128. «Основные проблемы истории Польши. (Обсуждение проспекта «Истории Польши» на совещании советских и польских историков в Ин-те славяноведения АН СССР, 3—4 окт. 1950 г.)». — Вып. 4—5, 1951, с. 7—115.
На совещании выступили: акад. Б. Д. Греков, Ж. Корманова, И. С. Миллер, Ст. Арнольд, Г. Яблоньский, Т. Данишевский, Н. Гонсеровская, К. Маевский, В. Д. Королюк, М. В. Миско, Ю. Ковальский, У. А. Шустер, И. М. Белявская, И. Б. Греков, В. Э. Арцимович.
129. Островский Г. Роман Постемский — польский художник-революционер.— Вып. 37, 1963, с. 43—53.
130. Павлов Т. Эпохальное дело Паисия Хилендарского.— Вып. 40, 1964, с. 3—8.
131. Песчаный Д. Г. К вопросу об экономических и научно-технических связях СССР и Народной республики Болгарии (на примере Краснодарского края). — Вып. 40, 1964, с. 9—18.
132. Писарев Ю. А. Аграрные отношения и крестьянское движение в сербо-хорватско-словенском государстве в 1918—1923 гг. Автореферат дисс.— Вып. 2, 1951, с. 53—62.
133. Писарев Ю. А. «Млада Босна» и другие организации югославянской Омладины.— Вып. 29, 1960, с. 66—84.
134. Поплавский С. Г. Боевой путь Войска Польского.— Вып. 32, 1961, с. 3—11.
135. Ратнер Н. Д. Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871). Автореферат дисс.— Вып. 9, 1952, с. 73—82.
136. Рашба Н. С. К истории польско-турецкой войны 1620—1621 гг.— Вып. 37, 1963, с. 54—65.
137. Резонов П. И. Коммунистическая партия Чехословакии — организатор и вдохновитель антифашистского движения сопротивления в годы второй мировой войны.— Вып. 36, 1963, с. 10—30.
138. Рубцов Б. Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии и ее влияние на ухудшение положения крестьянства накануне великой крестьянской войны XV в. Автореферат дисс.— Вып. 14, 1955, с. 79—87.
139. Сазонова А. С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. Автореферат дисс.— Вып. 9, 1952, с. 62—72.
140. Сапчук Г. Э. Чешский земский законник «Majestas Carolina» (1355 г.) как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства. Автореферат дисс.— Вып. 2, 1951, с. 99—109.
141. Семенова В. Н. Польско-габсбургские отношения первой четверти XVI века. Автореферат дисс.— Вып. 17, 1955, с. 78—87.
142. Сепкевич И. Г. Из истории русского гражданского управления в период между Сан-Стефано и Берлинским конгрессом.— Вып. 40, 1964, с. 50—59.
143. Сидельников С. И. К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского.— Вып. 32, 1961, с. 46—50.
144. Смирнова В. А. Строительство народно-демократической Чехословакии.— Вып. 2, 1951, с. 20—38.
145. Соколовский А. Х. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв. Автореферат дисс.— Вып. 17, 1955, с. 71—77.
146. Соловьев А. В. А. Л. Погодин. (К десятилетию со дня кончины).— Вып. 23, 1958, с. 57—59.
147. Спиваковский Е. И. Из истории болгаро-румынских революционных связей 1910—1917 гг.— Вып. 21, 1957, с. 51—72.
148. Стецкевич С. М. Всеобщая политическая стачка в Варшаве в декабре 1905 года.— Вып. 20, 1956, с. 40—49.
149. Стецюк Е. А. Борьба украинского народа против предательской политики шляхетско-старшинской верхушки (1657—1658 гг.).— Вып. 13, 1954, с. 39—50.
150. Струкова К. Л. Воссоединение Южной и Северной Болгарии в 1885 г. Автореферат дисс.— Вып. 11, 1953, с. 33—41.
151. Сухомлинова Г. Ф. Образование самостоятельного Чехословацкого государства в 1918 г. Автореферат дисс.— Вып. 21, 1957, с. 89—98.
152. Тихомиров М. Н. Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных

- памятников терминами из других славянских и неславянских источников.— Вып. 33—34, 1961, с. 103—104.
153. Тодоров Н. Т. Зарождение капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX в. Автореферат дисс.— Вып. 23, 1958, с. 74—87.
  154. Третьяков П. Н. К семидесятипятилетию З. Р. Неядлы.— Вып. 41, 1953, с. 10—15.
  155. Удадьцов И. И. Пять лет со дня освобождения Чехословакии Советской армией.— Вып. 2, 1951, с. 5—19.
  156. Удадьцов И. И. Решающая победа социализма в Чехословацкой Социалистической Республике.— Вып. 31, 1961, с. 77—91.
  157. Удадьцов И. И. Состояние и основные задачи советского славяноведения и вопросы координации славистических исследований.— Вып. 33—34, 1961, с. 12—20.
  158. Улуяян А. А. Помощь болгарского народа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.— Вып. 40, 1964, с. 32—39.
  159. Упеник В. А. К вопросу о рабочем движении в Сербии перед первой мировой войной. Автореферат дисс.— Вып. 11, 1953, с. 49—54.
  160. Фрейдзон В. И. Из истории русско-хорватских революционных связей.— Вып. 29, 1960, с. 129—133.
  161. Филоенко-Алексеев Н. Ф. Второе закрепощение в Чехии и крестьянское восстание 1679—1680 гг. Автореферат дисс.— Вып. 23, 1958, с. 60—73.
  162. Хевролина В. М. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига. (Документальные материалы ЦГАОР).— Вып. 40, 1964, с. 40—49.
  163. Хитрова Н. И. Социально-экономическое развитие Черногории в конце XIX—начале XX в. и конституция 1905 г. Автореферат дисс.— Вып. 20, 1956, с. 85—94.
  164. Хренов И. А. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на славянские страны.— Вып. 20, 1956, с. 3—12.
  165. Хренов И. А. Научное сотрудничество Института славяноведения с учеными славянских стран народной демократии.— Вып. 19, 1957, с. 3—7.
  166. Хренов И. А. Образование Коммунистической рабочей партии Польши.— Вып. 27, 1959, с. 3—15.
  167. Хренов И. А. Основные направления в исследовании проблемы строительства социализма и социалистической культуры в зарубежных славянских странах.— Вып. 33—34, 1961, с. 57—64.
  168. Хренов И. А. Первая русская революция 1905—1907 гг. и зарубежные славянские народы.— Вып. 39, 1963, с. 39—50.
  169. Чернов В. М. К вопросу о влиянии Литовского Статута на Соборное Уложение.— Вып. 24, 1958, с. 83—89.
  170. Шутый В. Е. Оборона Львова в 1704 г.— Вып. 17, 1955, с. 14—35.
  171. Яцунский В. К. К вопросу о проблематике и методике изучения истории промышленного переворота в странах Восточной Европы.— Вып. 23, 1958, с. 3—19.
  172. Яцунский В. К. Польский металлург на Луганском заводе в Донецком бассейне в 30-х годах XIX века.— Вып. 27, 1959, с. 41—44.
  173. Ящук Б. Борьба Польской рабочей партии за осуществление идеи народного фронта.— Вып. 36, 1963, с. 3—9.

б) Критика и библиография

174. Воробьева Е. Д. Труды чехословацких историков к 40-летию Октября.— Вып. 27, 1959, с. 103—107.
175. Гаидев Христо. Зарождение капиталистических отношений в Чифлишкото Стопанство на Северо-западна България през XVIII век. София, 1962, 185с. Рец. Достян И. С.— Вып. 40, 1964, с. 84—87.
176. «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей». (Подбор и ред. текстов вступ. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского), т. 1—3. М., Госполитиздат, 1956. 3 т. (Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. АН СССР. Ин-т славяноведения). Рец.: Костюшко И. И. и Стахеев Б. Ф. Сборник произведений выдающихся польских мыслителей.— Вып. 23, 1958, с. 88—95.
177. Каждан А. П. и Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1958, 326 с. Рец.: Заборов М. А. Учебное пособие по истории Византии и славянских народов.— Вып. 32, 1961, с. 90—98.
178. Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, 472 с. Рец.: Каждан А. П. Болгария и Византия в XI—XII вв.— Вып. 37, 1963, с. 97—103.

179. Лишев С. За стоквото производство във феодална България. София, 1957, 157 с. (Българска акад. на науките. Ин-т за българ. история).
Лишев С. За провинането и ролята на парите във феодална България. София, 1958, 189 с. (Българска акад. на науките. Ин-т за българ. история).
Рец.: Фрейденберг М. М. Две новые работы о развитии товарного производства в средневековой Болгарии.— Вып. 32, 1961, с. 99—105.
180. «Народная Республика Болгария. Историческая библиография», т. 2. 1948—1952. Сост. Д. Д. Иванов при участии В. В. Носковой и Н. В. Буссе (Москва) и Павлины Г. Кынчевой (София). Вводная статья проф. Кирилла Лазарова. М., АН СССР, 1958, 856 с. (ФБОН АН СССР. Болгар. библиогр. ин-т им. Елина-Пелина).
Рец.: Томашев Д. (София).— Вып. 29, 1960, с. 91—93.
181. Николаев В. Феодални отношения в покорената от Византия, България отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ български. София, 1951, 239 с. с илл. (Българска академия на науките. Ин-т за българ. история).
Рец.: Фрейденберг М. М. Книга о феодальных отношениях в Болгарии в период византийского господства.— Вып. 12, 1954, с. 74—77.
182. Николаев В. Характерът на минните предприятия и режимът на рударския труд в нашите земи през XVI, XVII и XVIII в. София, 1954, 225 с. (Българ. акад. на науките. Ин-т. за българ. история. Икон. ин-т).
Рец.: Достяни И. С. Книга В. Николаева «Характер горных предприятий и режим труда горняков в болгарских землях в XVI, XVII и XVIII вв.»—Вып.17, 1955, с. 93—98.
183. Николаев В. Хрониката на Жофруа дьо Вилардуел Завладяването на Цариград. С предговор от Т. Д. Павлов. София, Бълг. ист. б-ка, 1947, XII, 469 с.
Рец.: Заборова М. А.— Вып. 19, 1956, с. 102—112.
184. «Провал империалистических планов в отношении Польши в годы Второй мировой войны». Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., Госполитиздат, 1952, 208 с.
Рец.: Дьяков В. А.— Вып. 11, 1953, с. 57—64.
185. «Процесс агентов Ватикана в Чехословакии. Епископ Зела и сообщники». Прага, Орбис, 1951, 177 с.
«Процесс трех словацких епископов». Прага, Орбис, 1951, 175 с.
Рец.: Чернецова К. П. Провал происков Ватикана против Чехословацкой народно-демократической республики.— Вып. 8, 1952, с. 96—102.
186. Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV в. М.—Л., Изд-во АН СССР (Ленинград. отд-ние), 1958, 366 с. (Ин-т славяноведения).
Рец.: Фоменкова В. М. Новое исследование по истории польских крестьян эпохи феодализма.— Вып. 32, 1961, с. 86—89.
187. Рубцов Б. Т. Гуситские войны. (Великая крестьянская война XV века в Чехии). М., Госполитиздат, 1955, 324 с. с илл.
Рец.: Соколовский А. X.— Вып. 24, 1958, с. 100—104.
188. «Славянский архив Института славяноведения АН СССР» (выпуски 1958, 1959 и 1961 гг.).
Рец.: Грачев В. П.— Вып. 36, 1963, с. 100—107.
189. «Советские Вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии». Под общ. ред. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. М., Воениздат, 1960, 248 с. с илл.
Рец.: Лещиловская И. И. Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии.— Вып. 31, 1961, с. 141—143.
190. «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Документы и материалы. Ред. коллегия: Я. Влчек и др. М., Госполитиздат, 1960, 291 с. (М-во иностр. дел СССР. М-во иностр. дел ЧСР).
Рец.: Удалецов И. И. Документы о советско-чехословацких отношениях во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— Вып. 31, 1961, с. 117—125.
191. Сохань П. С. Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. Киев, Изд-во АН УССР, 1962, 215 с.
Рец.: Валева Л. Б.— Вып. 40, 1964, с. 81—84.
192. Стапевич М. Сентабърска катастрофа. Пер. с польск. П. Зяблова и В. Павловича. М., Изд-во ИЛ, 1953, 244 с.
Рец.: Некрич А. М.— Вып. 14, 1955, с. 97—100.
193. Турок В. М. Очерки истории Австрии. 1918—1929. Отв. ред. доктор ист. наук Е. И. Рубинштейн. М., АН СССР, 1955, 587 с. (Ин-т истории).
Рец.: Валева О. П.— Вып. 19, 1956, с. 94—101.
- 193а. Турок В. М. Очерки истории Австрии. 1918—1929. Отв. ред. доктор ист. наук Е. И. Рубинштейн. М., АН СССР, 1955, 587 с. (Ин-т истории). Рец.: Куранов Г. Г. Книга о гибели Первой Австрийской республики.— Вып. 40, 1964, с. 99—101.
194. Фортунатов П. К. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. Под ред. проф. С. А. Никитина. М., Учпедгиз, 1950, 180 с. с илл.
Рец.: Зуев В. И. Книга о русско-турецкой войне.— Вып. 9, 1952, с. 85—90.

195. Хренов И. А. Лодзинское восстание. М., Соцэкгиз, 1958, 167 с. с илл. (шмуджит. АН СССР. Ин-т славяноведения).
Рец.: Антонович С. М. Книга о Лодзинском восстании.— Вып. 31, 1961, с. 129—132.
196. «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska». Sec. F. Nauki filozoficzne i humanistyczne. Red. prof. dr. T. Willaume. Vol. 7. Lublin, 1956, 305 s.
Рец.: Костюшко И. И.— Вып. 27, 1959, с. 100—102.
197. Вагник I. F. Die deutschen Frumpfe. Stuttgart-Degerlich, 1958. 310 с.
Рец.: Волков В. К. Крапленые карты.— Вып. 32, 1961, с. 116—118.
198. Filo, M. Voj KSC na Slovensku za obranu republiky v rokoch 1937—1938. Bratislava, Slov. vyd-vo polit. lit., 1960, 277 s.
Рец.: Шленова Н. А. Книга о борьбе КПЧ в Словакии в защиту Республики (1937—1938).— Вып. 37, 1963, с. 80—85.
199. Gross M. Vladavina Hrvatsko-srpske koalicije. 1906—1907. Beograd, «Kultura», 1960, 250 s. (Institut društvenih nauka. Odeljenje za istoriske nauke. Ser I. Monografije); Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, 412 с.
Рец.: Фрейдзон В. И. Новые книги по истории политической борьбы в Венгрии и Хорватии в начале XX в.— Вып. 31, 1961, с. 125—129.
200. Jabłońska H. Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918. Warszawa, Państ. wyd-wo naukowe, 1958, 662 s. (In-t historii Polsk. akad. nauk).
Рец.: Миско М. В.— Вып. 29, 1960, с. 93—99
201. Nowicki A. Papieze przeciw Polsce. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 79 s.; 1000 lat zatargów z papieżami. Warszawa, «Ludowa spółdzielnia wyd-ctwa», 1950, 239 s.; Bieliński Wt. Polityka Watykanu wobec Polski. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 113 s.; Górecki T. Rzym a Polska walcząca. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 95 s.; Krakowski St. Kościół a państwo polskie do początków XIV w. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 266 s.; Urbaiński St. Państwo Watykańskie. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 63 s.
Рец.: Костюшко И. И. Ватикан против польского народа.— Вып. 8, 1952, с. 87—95.
202. «Polen, Deutschland und die Oder — Neisse — Grenze». Berlin, 1959. 1067 s.
Рец.: Александров Ю. Н. Польша, Германия и граница Одер — Нейссе.— Вып. 31, 1961, с. 109—117.
203. Samsonowicz H. Rzemiosło wiejskie w Polsce XIV—XVI w. Warszawa, Państ. wyd-wo naukowe, 1954, 245 s. (Tow-wo miłośników historii. Prace Inst. hist. In-tu warszawskiego. Badania z dziejów rzemiosła i handlu w epoce feudalizmu).
Рец.: Якубский В. А.— Вып. 23, 1958, с. 96—101.
204. Střecha J. Rudo. Květy družby a bratstva. Bratislava, Slovenske vyd-vo polit. lit., 1960, 127 s.
Рец.: Карякин В. Д. Книга Рудо Стрехая «Цветы дружбы и братства».— Вып. 37, 1963, с. 76—80.
205. Державин Н. Н. Список трудов академика Н. С. Державина в области славяноведения (1898—1952).— Вып. 11, 1953, с. 87—94.
206. «Список научных трудов академика Б. Д. Грекова».— Вып. 12, 1954, с. 86—98.

Литературоведение. Культура

а) Статьи, доклады и прочие материалы

207. Адамкова Е. Ф. Развитие чешского драматического театра в народно-демократической Чехословакии. Автореферат дисс.— Вып. 6, 1951, с. 75—84.
208. «Актуальные проблемы славяноведения. Материалы первого координационного совещания...».— Вып. 33—34, 1961, с. 134—170. Доклады на заседании секции литературы и фольклористики, хроника заседаний и решение секции.
209. Белецкий А. И. Главные проблемы изучения в Советском Союзе литературы зарубежных славянских народов.— Вып. 33—34, 1961, с. 153—156.
210. Бобрик Н. П. Антифеодальная сатира Т. К. Венгерского.— Вып. 26, 1958, с. 50—72.
211. Бэлла И. Ф. Музыковедческая деятельность Зденека Неядлы.— Вып. 11, 1953, с. 24—30.
212. Бэлла И. Ф. Письма Б. Сметаны и Ст. Мошошко к Э. Ф. Направнику.— Вып. 14, 1955, с. 72—78.
213. Галашук Б. И. Славянская тема в творчестве украинских демократических писателей 70—90-х годов XIX в. (К истории литературных связей украинских писателей демократов с зарубежным славянством). Автореферат дисс.— Вып. 8, 1952, с. 53—64.
214. Гапова В. И. Произведения Элизы Ожешко о белорусском крестьянстве. Автореферат дисс.— Вып. 16, 1955, с. 105—114.

215. Горский И. К. «Кордиан» Юлиуша Словацкого. К вопросу о критике шляхетского бунтарства.— Вып. 27, 1959, с. 68—86.
216. Греков Б. Д. Вступительное слово на научной сессии, посвященной столетию со дня рождения болгарского писателя Ивана Вазова, 6 окт. 1950 г.— Вып. 3, 1951, с. 5—7.
217. Григорьян К. Н. Из истории армяно-болгарских и армяно-сербских литературных связей.— Вып. 22, 1957, с. 31—37.
218. Державин К. Н. Горький в Польше.— Вып. 6, 1951, с. 48—57.
219. Державин К. Н. Творческий путь Вазова.— Вып. 3, 1951, с. 36—42.
220. Державин Н. С. Вступительное слово на научной конференции, посвященной А. М. Горькому 1936—1951. 15 июня 1951 г.— Вып. 6, 1951, с. 5—8.
221. Державин Н. С. Иван Вазов. Россия и русская литература.— Вып. 3, 1951, с. 24—25.
222. Злыднев В. И. Отражение национально-освободительной борьбы болгарского народа в творчестве Ивана Вазова. Автореферат дисс.— Вып. 12, 1954, с. 65—73.
223. Игнатьева А. И. Переписка А. П. Чехова с его чешскими переводчиками.— Вып. 22, 1957, с. 49—59.
224. Киселев В. А. Переписка А. Дворжака с В. И. Сафоновым.— Вып. 17, 1955, с. 57—70.
225. Кишкин Л. С. Гражданская поэзия Сватошлука Чеха (1880—1890-е годы). Автореферат дисс.— Вып. 22, 1957, с. 75—86.
226. Клейнер П. А. Два издания романа И. Ольбрахта «Анна-пролетарка».— Вып. 26, 1958, с. 73—93.
227. Кравцов Н. И. Гоголь и болгарская литература.— Вып. 8, 1952, с. 22—42.
228. Кравцов Н. И. Итоги и задачи изучения фольклора западных и южных славян.— Вып. 33—34, 1961, с. 147—152.
229. Кравцов Н. И. Йован Стерия Попович.— Вып. 22, 1957, с. 43—48.
230. Кравцов Н. И. Русско-украинские литературные связи.— Вып. 16, 1955, с. 34—66.
231. Кузнецова Р. Р. Социальный роман Марии Майеровой «Сирена». Автореферат дисс.— Вып. 3, 1951, с. 51—59.
232. Кюссе-Доронина Р. Ф. Сербский поэт-реалист Йован Йованович-Змай. Автореферат дисс.— Вып. 26, 1958, с. 94—105.
233. Марков Д. Ф. Горький и болгарская литература.— Вып. 6, 1951, с. 9—33.
234. Марков Д. Ф. К столетию празднования Дня славянской письменности в Болгарии.— Вып. 26, 1958, с. 6—12.
235. Марков Д. Ф. Ленинское учение о партийности литературы и становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран.— Вып. 31, 1961, с. 50—68.
236. Марков Д. Ф. Маяковский и болгарская революционная поэзия.— Вып. 1, 1951, с. 9—28.
237. Марков Д. Ф. О характере противоречий в творчестве Пенчо Славейкова.— Вып. 16, 1955, с. 75—104.
238. Марков Д. Ф. Проблемы изучения социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран.— Вып. 33—34, 1961, с. 141—146.
239. Марков Д. Ф. Пути развития болгарской поэзии в первой четверти XX в. Автореферат докторской дисс.— Вып. 22, 1957, с. 60—74.
240. Мартынов В. В. Отражение русско-польского революционного содружества в творчестве Ю. Словацкого.— Вып. 22, 1957, с. 38—42.
- 240а. Никольский С. В. Горький в Чехословакии.— Вып. 6, 1951, с. 34—47.
241. Никольский С. В. З. Р. Неудлы — выдающийся деятель культуры и литературы Чехословакии.— Вып. 11, 1953, с. 20—23.
242. Никольский С. В. Маяковский в Чехословакии.— Вып. 1, 1951, с. 36—45.
243. Никольский С. В. Проблемы изучения в Советском Союзе литератур зарубежных славянских народов.— Вып. 33—34, 1961, с. 134—140.
244. Никольский С. В. Фр. Л. Челаковский и русское песенное народное творчество. (К вопросу о русско-чешских литературных связях). Автореферат дисс.— Вып. 3, 1951, с. 45—50.
245. Никольский С. В. и Соловьева А. П. Гоголь и становление реализма в чешской литературе.— Вып. 8, 1952, с. 5—21.
246. Рябова Е. И. Август Шено и его роман «Крестьянское восстание». Автореферат дисс.— Вып. 26, 1958, с. 106—117.
247. Савицкий В. Д. Произведения А. П. Чехова в Чехословакии.— Вып. 16, 1955, с. 67—74.
248. Соловьева А. П. Реализм «Малостранских повестей» Яна Неруды. Автореферат дисс.— Вып. 3, 1951, с. 60—70.
249. Соловьева А. П. Ян Неруда о русской культуре.— Вып. 9, 1952, с. 5—16.
250. Фейгельман Л. С. Маяковский в Польше.— Вып. 1, 1951, с. 46—68.
251. Фучик Юлиус. Максим Горький.— Вып. 6, 1951, с. 58—60.

252. Цыбенко Е. З. Реализм творчества Болеслава Пруса. Автореферат дисс.— Вып. 3, 1951, с. 71—81.
253. Шевчук В. И. Антифашистские произведения Карела Чапека («Война с саламандрами», «Белая болезнь», «Мать»). Автореферат дисс.— Вып. 22, 1957, с. 87—98.
254. Шерлаимова С. А. Литература народно-демократической Чехословакии.— Вып. 22, 1957, с. 3—30.
255. Шлякова А. Н. Театр народной республики Болгарии. Автореферат дисс.— Вып. 6, 1951, с. 61—74.

б) Критика и библиография

256. Балза И. Ф. Проблема изучения шопеновского наследия.— Вып. 9, 1952, с. 91—104.
257. Милисвад Живан. Змај. Београд, «Ново поколење», 1954, 235с.
Рец.: *Кюссе-Дорошина Р. Ф.*— Вып. 26, 1958, с. 118—123.
258. Сьветската литература в България. 1918—1944. Сб. от материали спомени и документи. София, Бълг. акад. на науките, 1961, 515 с.
Рец.: *Злыднев В. И.* Советская литература в буржуазной Болгарии.— Вып. 40, 1964, с. 87—93.
259. Генева Любомир. Драматургия и съвременност. София, «Бълг. писател», 1961.
Рец.: *Пономарева Н. Н.* Книга о современной болгарской драматургии.— Вып. 40, 1964, с. 93—98.
260. «Sivro setkání s ruským realismem. Příspěvky k dějinám rusko-českých literárních vztahů». Praha, 1958, 354 s. (Ceskoslovenská akad. věd. Sekce jazyka a literatury, Studie a prameny. SV. 2. Cesko-sov. in-t).
Рец.: *Кишкин Л. С.* Новая книга о русско-чешских литературных связях.— Вып. 32, 1961, с. 106—115.
261. Дапек Wincenty. Publicystyka Józefa Ignacego Kraszewskiego w latach 1859—1872. Wrocław, Zakł. narodowy im Ossolińskich, 1957, 220 s.
Рец.: *Горский И.* Книга о публицистике Ю. И. Крашевского.— Вып. 27, 1959, с. 94—99.
262. Dolanský Julius. Mistři ruského realismu u nás. Praha, Svět sovětu, 1960, 457 s.
Рец.: *Кишкин Л. С.* Русские реалисты в Чехии.— Вып. 37, 1963, с. 89—94.
263. «Liryka sredniowieczna», t. 1. Bogurodzica. Oprac. T. Woroneczak. Wstęp językoznawczy: E. Ostrowska. Oprac. muzykologiczne: H. Feicht. Wrocław, 1962. 416 s. z not., facs. (In-t badań lit. Polskiej akad. nauk. Biblioteka pisarzyw polskich. Ser. A).
Рец.: *Балза И. Ф.* Древнейший памятник польского песнетворчества.— Вып. 36, 1963, с. 85—87.
264. Maciejowski J. «Wielkopolskie» opowiadania Henryka Sienkiewicza: Z pamiętnika poznańskiego nauczyciela.— Za chlebem.— Bartek zwycięzca. Poznań, PWN, 1957, 173 s. (Poznańskie t-wo przyjaciół nauk. Wydział filol.— filoz. Prace komisji filol., t. 17, r. 3).
Рец.: *Прокофьева Д. С.*— Вып. 29, 1960, с. 122—128.
265. Nofejer Alina. Henryk Sienkiewicz. Warszawa, «Więda powszechna», 1959, 402 s.; 1 k. portr.
Рец.: *Горский И. К.* Первый обобщающий труд о творчестве Генрика Сенкевича в современной Польше.— Вып. 36, 1963, с. 88—94.
266. Pięć Stanisław. W pracowni Aleksandry Fredry. Warszawa, PIW, 1956, 338 s.
Рец.: *Горский И. К.* Новая страница в изучении наследства Александра Фредро.— Вып. 23, 1958, с. 102—107.
267. «Ricerche slavistiche», T. 4—6. Roma, 1952—1958.
Рец.: *Богомолова Н. А.* Ежегодник итальянских славистов.— Вып. 3, 1961, с. 143—146.
268. Schánilec Josef. Za slávou. Čtení o českých hudebnících v Rusku. Zvláště od druhé poloviny XVIII do počátku XX století. Praha, «Svět Sovětu», 1961, 230 s.
Рец.: *Титова Л. Н.* Книга о чешских музыкантах в России.— Вып. 37, 1963, с. 94—96.
269. Stanislav Ján. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Holleho a L'udovita Štura. Bratislava, 1957, 130 c. (Slovenská akad. vied. Sekcia spoločenských vied).
Рец.: *Кишкин Л. С.*— Вып. 29, 1960, с. 116—121.
270. «Vám poděkování a lásku vám. Filosofická fakulta v Brně k 15. výročí osvobození CSR Sovětskou armádou.» Red. A. Závodský. Praha, Stát. ped. nakl.-ví, 1960. 306 s. s il.
Рец.: *Будагова Л. Н.* Свидетельство дружбы.— Вып. 37, 1963, с. 85—89.

271. «Vreme i savest. Zbornik eseja i kritika pisaca bogaca i revolucionara». Beograd, 1960.

Рец.: Ильяина Г. Я. Время и совесть.— Вып. 36, 1963, с. 95—99.

272. Библиография I. Переводы произведений В. Маяковского на болгарский язык. II. Болгарская критика о В. Маяковском.— Вып. 1, 1951, с. 29—35.

273. Библиография. Переводы В. Маяковского на польский язык.— Вып. 1, 1951, с. 82—85.

274. (Козырина, К. И.) Литература об А. М. Горьком в славянских странах народной демократии.— Вып. 6, 1951, с. 107—114.

275. (Никольский С. В. и Токсина И. В.) Библиография основных переводов произведений Маяковского на чешский и словацкий языки.— Вып. 3, 1951, с. 85—95.

Языкознание

а) Статьи, доклады и прочие материалы

276. Аванесов Р. И. Об общеславянском лингвистическом атласе.— Вып. 33—34, 1961, с. 187—194.

277. «Актуальные проблемы славяноведения. Материалы первого координационного совещания...»— Вып. 33—34, 1961, с. 171—250; Доклады на заседании лингвистической секции, хроника заседаний и решение секции.

278. Бернштейн С. Б. М. С. Дринов — языковед.— Вып. 21, 1957, с. 37—50.

279. Бернштейн С. Б. Задачи изучения современного болгарского литературного языка.— Вып. 10, 1953, с. 9—22.

280. Бернштейн С. Б. Любомир Милетич. (К столетию со дня рождения).— Вып. 38, 1963, с. 68—70.

281. Бернштейн С. Б. О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании.— Вып. 7, 1952, с. 3—13.

282. Бернштейн С. Б. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков.— Вып. 33—34, 1961, с. 179—186.

283. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. (Проект).— Вып. 18, 1956, с. 3—26.

284. Бородич В. В. Наречия времени типа *нощес, вечерта* и *нощем, вечер* в современном болгарском языке.— Вып. 18, 1956, с. 27—36.

285. Булгачина-Шейнкерман А. М. Язык «Сеты веры» Петра Хельчицкого. (Из истории чешского языка XV века). Автореферат дисс.— Вып. 15, 1955, с. 79—86.

286. Бунина И. К. Говор ольшанских болгар. Автореферат дисс.— Вып. 7, 1952, с. 49—58.

287. Бурлакова М. И., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Топоров В. Н. Структурная типология и славянское языкознание.— Вып. 33—34, 1961, с. 219—228.

288. Венедиктов Г. К. О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв.— Вып. 28, 1960, с. 24—39.

289. Венедиктов Г. К. Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке.— Вып. 30, 1961, с. 84—99.

290. Виноградов В. В. Итоги IV Международного съезда славистов и дальнейшие перспективы работы Международного комитета славистов.— Вып. 31, 1960, с. 93—108.

291. Гудков В. П. Параллель из истории форм будущего времени в сербско-хорватском и русском языках.— Вып. 38, 1963, с. 38—45.

292. Демина Е. П. Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII—XVIII веков. Автореферат дисс.— Вып. 18, 1956, с. 46—57.

293. Дзендзелевский И. А. Принципы составления региональных атласов.— Вып. 33—34, 1961, с. 195—201.

294. Дыбо В. А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста.— Вып. 30, 1961, с. 33—38.

295. Ермакова М. И. Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI—XVIII вв.).— Вып. 30, 1961, с. 39—60.

296. Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами.— Вып. 38, 1963, с. 3—22.

297. Иванова Н. Х. О переводах произведений Маяковского на польский язык.— Вып. 1, 1951, с. 69—81.

298. Иванова Н. Х. Творительный предикативный падеж в польском языке. Автореферат дисс.— Вып. 15, 1955, с. 72—78.

299. Илич-Свищич В. М. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (О «втором правиле Дыбо»).— Вып. 35, 1962, с. 63—72.

300. Клепикова Г. П. К истории некоторых именных и глагольных форм в болгарском языке (по материалам говора с. Тихомир, округ Кырджали).— Вып. 38, 1963, с. 46—54.
301. Коломпец В. Т. Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX в. Автореферат дисс.—Вып. 7, 1952, с. 67—74.
302. Кондрашов Н. А. Людовит Штур и формирование словацкого литературного языка. (К столетию со дня смерти).— Вып. 25, 1958, с. 16—22.
303. Львов А. С. Старославянское *година* — *часъ*.— Вып. 25, 1958, с. 45—54.
304. Львов А. С. Старославянское *книгъ* — *боукъви*.— Вып. 28, 1960, с. 61—69.
305. Маслов Ю. С. О морфологическом членении глагольных форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке.— Вып. 10, 1953, с. 68—92.
306. Маслов Ю. С. О некоторых спорных вопросах нормативной грамматики, орфоэпии и орфографии болгарского литературного языка.— Вып. 7, 1952, с. 28—46.
307. Маслов Ю. С. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке.— Вып. 15, 1955, с. 28—47.
308. Матушевич М. И. Экспериментально-фонетические исследования согласных болгарского языка.— Вып. 15, 1955, с. 3—16.
309. Немченко Е. В. Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке. Автореферат дисс.— Вып. 7, 1952, с. 59—66.
310. «Основные вопросы болгарской грамматики. (Проспект)».— Вып. 10, 1953, с. 117—140.
311. «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка. (Обсуждение проспекта «Основные вопросы болгарской грамматики» на совещании в Ин-те славяноведения АН СССР 12—14 мая 1952 г.)».— Вып. 10, 1953, с. 7—108.
- В прениях по докладам С. Б. Берштейна, Ю. С. Маслова, Е. В. Чешко и по проспекту выступили П. Н. Третьяков, П. С. Кузнецов, Э. А. Якубинская, Н. С. Поспелов, Т. П. Рыбальченко, Е. И. Безикович, В. В. Бородич, Т. М. Бузуева, Н. И. Толстой, А. М. Френкель, Е. И. Демина, Е. А. Захаревич, И. К. Бушина, Э. И. Полторадинова, В. В. Журавлев, Е. С. Андреева, А. Г. Широкова.
312. Попова Т. И. Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке.— Вып. 35, 1962, с. 3—28.
313. Попович И. Из сербохорватской диалектологии.— Вып. 28, 1960, с. 12—23.
314. Попович И. Южнославянские лексические этюды.— Вып. 35, 1962, с. 44—62.
315. Посвянская А. С. К вопросу о порядке слов в польском языке. (Место одиночного определения, выраженного именем прилагательным).— Вып. 18, 1956, с. 58—67.
316. Правдин А. Б. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке.— Вып. 25, 1958, с. 23—44.
317. Сабалаяускас А. О происхождении названия мака в балтийских языках.— Вып. 28, 1960, с. 70—73.
318. Смирнов Л. Н. Вклад П. Й. Шафарика в славянское языкознание. (К 100-летию со дня смерти).— Вып. 38, 1963, с. 55—67.
319. Смирнов Л. Н. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке.— Вып. 35, 1962, с. 29—43.
320. Станишева Д. С. Вопросы фразеологии в исследованиях по синтаксису падежей.— Вып. 28, 1960, с. 40—50.
321. Степанова Т. И. Употребление *rād, rādi* в современном чешском литературном языке.— Вып. 25, 1958, с. 62—73.
322. Стойков Стойко. Фонетические изменения в языке. (На материале болгарских диалектов).— Вып. 25, 1958, с. 55—61.
323. Стрекалова З. Н. Употребление форм настоящего времени в польском языке XVI в.— Вып. 30, 1961, с. 61—83.
324. Суперанская А. В. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербо-хорватских, чешских и словацких имен собственных.— Вып. 28, 1960, с. 51—60.
325. Толстой Н. И. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке. Автореферат дисс.— Вып. 18, 1956, с. 37—45.
326. Толстой Н. И. Основные задачи изучения в СССР языков южных и западных славян.— Вып. 33—34, 1961, с. 171—178.
327. Толстой Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно-южнославянской письменности.— Вып. 39, 1963, с. 27—38.
328. Топоров В. Н. Заметка об индоевропейском *GROG' — (*GORG'); *GREG' — в балтийском и славянском.— Вып. 35, 1962, с. 73—75.
329. Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений.— Вып. 33—34, 1961, с. 211—218.

330. Топоров В. Н. Об одной прапо-славянской параллели из области синтаксиса.— Вып. 28, 1960, с. 3—11.
331. Топоров В. Н. Фрагмент славянской мифологии.— Вып. 30, 1961, с. 14—32.
332. Топоров В. Н. Хеттская *salšu* и славянская баба-яга.— Вып. 38, 1963, с. 28—37.
333. Топоров В. Н. Этимологические заметки. (Славяно-италийские параллели).— Вып. 25, 1958, с. 74—88.
334. Трост П. Сушны в балтийских и славянских языках.— Вып. 38, 1963, с. 23—27.
335. Трубачев О. Н. Еще раз об этимологии слова *росомага*.— Вып. 28, 1960, с. 74.
336. Трубачев О. Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков.— Вып. 33—34, 1961, с. 202—210.
337. Трубачев О. Н. К этимологии слова «собака».— Вып. 15, 1955, с. 48—55.
338. Цейтлин Р. М. А. Х. Востоков — один из первых русских славистоведов. (К 175-летию со дня рождения). Семь неизвестных писем А. Х. Востокова П. И. Кешпену.— Вып. 25, 1958, с. 3—15.
339. Чешко Е. В. Вторая диалектологическая экспедиция в болгарское село Суворово Измаильской области УССР в августе 1952 г.— Вып. 12, 1954, с. 40—47.
- 340—341. Чешко Е. В. Об изучении функций предлогов в болгарском языке.— Вып. 10, 1953, с. 23—35.
342. Чешко Е. В. Словосочетания с предлогом *с* в болгарском литературном языке.— Вып. 15, 1955, с. 17—27.
343. Шаумян С. К. О понятиях лингвистической системы и лингвистического знака.— Вып. 30, 1961, с. 3—13.
- 344—345. Шаумян С. К. Философские идеи В. И. Ленина и развитие современного языкознания.— Вып. 31, 1961, с. 69—76.

б) Критика и библиография

346. Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке, 1. Древнейшие наименования — до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, 271 с.
Рец.: Трубачев О. Н.— Вып. 35, 1962, с. 99—101.
347. Венедиктов Г. К. Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии.— Вып. 35, 1962, с. 76—90.
348. Дмитриев П. А., Сафонов Г. И. О новых правилах правописания сербо-хорватского языка.— Вып. 38, 1963, с. 80—86.
349. Миллер Э. Исследования по немецко-славянской топонимии и истории колонизации, издаваемые по поручению Исторической комиссии при Саксонской Академии наук Теодором Фрингом и Рудольфом Фишером. Народное издательство Макс Нимейер Галле (Залле), начиная с 1956 г.— Вып. 28, 1960, с. 106—107.
350. Никонов В. А. Послевоенные работы по топонимике в славянских странах.— Вып. 28, 1960, с. 75—105.
351. Никонов В. А. Топонимическая серия в ГДР.— Вып. 30, 1961, с. 100—109.
352. Стрекалова З. Н. Польская лингвистическая периодика в 1959 г.— Вып. 35, 1962, с. 93—98.
353. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., Изд-во МГУ, 1956, 239с.
Рец.: Трубачев О. Н.— Вып. 25, 1958, с. 89—106.
354. Kuraszkiewicz Wl. Zarys dialektologii wschodnio-slowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, Państw. Wyd-wo naukowe, 1954, 146 s.
Рец.: Иванов В. В.— Вып. 25, 1958, с. 107—115.
355. «Radovi. Sv. I. Razdio lingvističko-filološki (I). 1959—1960». Zadar, Filozofski fakultet, 1960, 272 s.
Рец.: Доронина Р. и Можаяева И. Новое издание философского факультета в Задаре.— Вып. 37, 1963, с. 103—105.
356. Stieber Z. Atlas jezykowy dawnej Lemkowszczyzny. Zesz. 1—5. Łódź, 1956—1961.
Рец.: Дзедзелевский И. А.— Вып. 38, 1963, с. 71—79.
357. Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik Schrift und Formensystem. Wien, Rohrer, 1954, 197 s.
Рец.: Шаумян С. К.— Вып. 18, 1956, с. 68—79.
358. «Un lexique macédonien du XVI siècle par giro Gianneli avec la collaboration de André Vaillant». Paris, In-t d'Etudes de l'université de Paris, 1958, 71 s.
Рец.: Усикова Р. П.— Вып. 38, 1963, с. 87—88.
359. Zwoliński P. Liczebniki zespolowe typu «samotrzec» w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim. Wrocław, Zakład im Ossolińskich, 1954, 91 s. (Polska akad. nauk. Kom. językoznawczy. Prace językoznawcze 2).
Рец.: Дзедзелевский И. А.— Вып. 18, 1956, с. 79—85.
360. (Венедиктов Г. К.) Библиография работ по болгарской диалектологии.— Вып. 35, 1962, с. 90—92.
361. (Кондрашов Н. А. и Троепольская Н. Б.) Библиография по словацкой диалектологии.— Вып. 18, 1956, с. 86—106.

362. Бирман М. А. Конференция по вопросам историографии в Воронеже.— Вып. 32, 1961, с. 134—135.
363. Бобрин Н. П. Грюнвальдская битва.— Вып. 31, 1961, с. 133—137.
364. Бобрин Н. П. Первое координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения.— Вып. 31, 1961, с. 137—140.
365. Богданов Ю. В. Столетие со дня смерти Людовита Штура.— Вып. 22, 1957, с. 99—101.
366. Бороздин И. Н. Славяноведение в Воронежском государственном университете.— Вып. 14, 1955, с. 107—109.
367. Бранкачк Я. О работе и задачах отделения сербской истории Сербского института при Университете имени Карла Маркса в Лейпциге.— Вып. 21, 1957, с. 114—115.
368. «В Институте славяноведения АН СССР».— Вып. 11, 1953, с. 79—83.
369. «В Институте славяноведения».— Вып. 14, 1955, с. 101—103.
370. В. И. Обсуждение работы о гидронимах.— Вып. 35, 1962, с. 113.
371. Вавра Я. Чехословацко-советский институт Чехословацкой Академии наук.— Вып. 21, 1957, с. 109—110.
372. Воронков И. А. и Карасев В. Г. Дипломные работы на кафедре истории западных и южных славян исторического факультета МГУ в 1954 году.— Вып. 14, 1955, с. 109—111.
373. Галащук Б. Славистика в Одесском университете в послевоенные годы.— Вып. 9, 1952, с. 109.
374. Гапова В. Дипломные работы по славянским литературам в Ленинградском государственном ордена Ленина университете.— Вып. 9, 1952, с. 107—108.
375. Гришина Р. П. 15 лет свободной Болгарии.— Вып. 32, 1961, с. 119—122.
376. Грозинчик И. О работе Чехословацко-Советского института Словацкой Академии наук в Братиславе.— Вып. 24, 1958, с. 105—107.
377. Дзедзелевский И. А. Славистика в Ужгородском государственном университете.— Вып. 19, 1956, с. 113.
378. «Дипломные работы по языкознанию на славянском отделении МГУ в 1947—1951 гг.».— Вып. 7, 1952, с. 75—76.
379. «Доклад академика В. И. Георгиева на тему: «Болгарское языкознание на новом пути».— Вып. 15, 1955, с. 56—61.
380. Достян И. С. Обсуждение макета 1 тома «Истории Болгарии» в секторе истории Института славяноведения АН СССР.— Вып. 14, 1955, с. 106—107.
381. Дьяков В. А. На международных курсах для славистов в Польской Народной Республике.— Вып. 37, 1963, с. 114—115.
382. Ермакова М. И., Калынь Л. Э. О диалектологической экспедиции в Нижнюю Лужицу.— Вып. 35, 1962, с. 109—112.
383. Ермакова М. И. О работе сектора языкознания Института славяноведения в 1957—1958 гг.— Вып. 28, 1960, с. 108—110.
384. Журавлев В. К. Дипломные работы по славянскому языкознанию в МГУ (1954 г.).— Вып. 15, 1955, с. 69—71.
385. Зеленина Э. И. О третьей совместной болгаро-советской диалектологической экспедиции.— Вып. 28, 1960, с. 114—115.
386. Злыднев В. И. Шевченко и зарубежные славяне.— Вып. 37, 1963, с. 110—113.
387. Зув В. И. Обсуждение I тома и макета II тома «Истории Болгарии», подготовленной болгарскими историками.— Вып. 17, 1955, с. 99—103.
388. Иванов Л. М. Научная сессия польских историков, посвященная революции 1905—1907 гг.— Вып. 20, 1956, с. 95—96.
389. Ивановская Л. П. Дипломные работы по языкознанию на славянском отделении ЛГУ в 1950/51 гг.— Вып. 7, 1952, с. 77.
390. К V Международному съезду славистов.— Вып. 31, 1961, с. 92.
391. Калин И. и Марков В. Цели и задачи Института истории европейских стран пародной демократии при университете имени Карла Маркса в Лейпциге.— Вып. 21, 1957, с. 111—113.
392. Кюссе Р. Ф. На славянских кафедрах МГУ.— Вып. 12, 1954, с. 78—89.
393. Мазурек Зофья, Орловский Ришард. Научная сессия Люблинского университета, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— Вып. 26, 1958, с. 128—129.
394. Макова Е. С. Совещание историков-славистов в Москве.— Вып. 40, 1964, с. 102—103.
395. Масальский В. И. О научно-педагогической работе кафедры славянской филологии Киевского университета.— Вып. 38, 1963, с. 92—95.
396. Митина Н. П. и Морозова О. П. Обсуждение I тома «Истории Польши», подготовленного Институтом славяноведения АН СССР.— Вып. 17, 1955, с. 104—105.
397. Млынарский Зыгмунт. Польско-советский институт.— Вып. 20, 1956, с. 97—99.

398. Моторный В. А. и Трофимович К. К. На кафедре славянской филологии Львовского Государственного университета им. Ивана Франко.— Вып. 17, 1955, с. 106—107.
399. Наумов Е. П. Любен Каравелов.— Вып. 32, 1961, с. 130—133.
400. Наумов Е. П. Совещание представителей головных институтов по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения.— Вып. 37, 1963, с. 106—108.
401. Никитин С. А. Сессия в Воронежском университете.— Вып. 24, 1958, с. 108—109.
402. Онышкевич М. О. Научная работа на кафедре славянской филологии Львовского университета.— Вып. 38, 1963, с. 96—97.
403. «Отзыв Института болгарского языка Болгарской Академии наук (на проспект «Основные проблемы болгарской грамматики»).— Вып. 10, 1953, с. 109—110.
404. «Отзыв кафедры славяноведения филологического факультета Карлова университета (на проспект «Основные проблемы болгарской грамматики»).— Вып. 10, 1953, с. 111—113.
405. Пилишек Е. В. К 20-летию ПРП.— Вып. 36, 1963, с. 108.
406. Пилишек Е. В. Научное заседание Института славяноведения АН СССР, посвященное 40-летию Коммунистической партии Польши.— Вып. 27, 1959, с. 108—109.
407. Пилишек Е. В. Славянская годовщина Народной Польши.— Вып. 32, 1961, с. 123—125.
408. Прокофьева Д. С. Научная сессия Института славяноведения АН СССР, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— Вып. 26, 1958, с. 124—127.
409. «Решение совещания представителей головных институтов с 30 ноября по 1 декабря 1961 г.»— Вып. 37, 1963, с. 108—109.
410. «Решения и материалы совещания международного комитета славистов (г. София, 11—16 ноября 1960 г.)».— Вып. 33—34, 1961, с. 251—260.
411. Санчук Г. Э. Обсуждение проспекта учебника для высшей школы «История Чехословакии», подготовленного коллективом чехословацких историков.— Вып. 14, 1955, с. 103—106.
412. Сафропов Г. И. На кафедре славянской филологии Ленинградского университета.— Вып. 38, 1963, с. 89—91.
413. Смирнов Л. Н. Издания Советского комитета славистов.— Вып. 32, 1961, с. 136—137.
414. Соловьева А. П. Сессия, посвященная 100-летию со дня смерти П. И. Шафарика.— Вып. 37, 1963, с. 113—114.
415. Стахеев Б. Дипломные работы молодых литературоведов-славистов МГУ. Обзор дипломных работ, защищенных на кафедре истории славянских литератур Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова с 1947 по 1951 г.— Вып. 8, 1952, с. 105—107.
416. Степанова Л. В. Об одной работе кафедры славянских языков Московского университета.— Вып. 28, 1960, с. 111—113.
417. Толстой Н. И. Обзор исследований сектора языкознания Института славяноведения АН СССР за 1958—1959 гг.— Вып. 30, 1961, с. 110—117.
418. Харитонов В. С. В Институте славяноведения АН СССР.— Вып. 16, 1955, с. 115—117.
419. Хватов А. С. Славистика на историческом и филологическом факультетах ЛГУ.— Вып. 12, 1954, с. 80.
420. «Хроника (о работе болгаро-советской диалектологической экспедиции авг.—сент. 1956 г. и авг.—сент. 1957 г.)».— Вып. 25, 1958, с. 116—121.
421. Чешко Е. В. Второе совещание по вопросам болгарской грамматики.— Вып. 15, 1955, с. 62—68.
422. Шленова Н. А. Словацкое народное восстание.— Вып. 32, 1961, с. 126—129.
423. Шолта Я. О работе Института Лужицкого народоведения (ГДР).— Вып. 35, 1962, с. 102—108.

Некрологи

424. Петр Безруч.— Вып. 26, 1958, с. 130—131.
425. Болеслав Ричардович Брежго.— Вып. 24, 1958, с. 3—4.
426. Памяти Л. А. Булаховского.— Вып. 38, 1963, с. 98—99.
427. Маргарита Анатольевна Гадолина.— Вып. 38, 1963, с. 102.
428. Борис Дмитриевич Греков.— Вып. 12, 1954, с. 81—85.
429. Николай Севастьянович Державин.— Вып. 11, 1953, с. 84—96.
430. Ян Яковлевич Зутис.— Вып. 36, 1963, с. 109—110.
431. Витеаслав Незвал.— Вып. 26, 1958, с. 132—133.
432. Сергей Сергеевич Советов.— Вып. 27, 1959, с. 109.
433. Надежда Григорьевна Федотова.— Вып. 30, 1961, с. 118.
434. Памяти И. М. Эндзеллина (1873—1961).— Вып. 35, 1962, с. 114—115.
435. Э. А. Якубинская-Лемберг.— Вып. 38, 1963, с. 100—101.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

Т. К. К р ы л о в а. Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710—1713 гг.	3
Л. И. Т а н а н а е в а. Некоторые особенности развития темы национально-освободительного движения в польском искусстве конца XVIII в.	18
А. И. Б о р т н и к о в (Воронеж). Петрашевы и польское национально-освободительное движение	41

С О О Б Щ Е Н И Я

А. И. Р о г о в. Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники	52
С. М. Ф а л ь к о в и ч. Некоторые новые данные о сентябрьском перевороте 1863 г. в польском повстанческом правительстве	65
Б. С. П о п к о в (Петрозаводск). Иоахим Лелевель в оценке современной польской историографии	69

Р Е Ц Е Н З И И Р Е Ф Е Р А Т Ы

Л. А. К о з ы р е в а. Музыковедческие публикации Поморья	83
И. К. Г о р с к и й. М. Инглот. «Литературные взгляды петербургской когтерии в 1841—1843 годах»	86
И. И. К о с т ы ш к о. Исследования по аграрной истории Люблинщины	92
И. Ф. Б э л з а. Воспоминания о Прусе	94
Ю. И. Р и т ч и к. Воспоминания Людвика Сольского	98
В. А. Х о р е в. О литературной программе Игнация Фика.	100
И. И. С в и р и д а. Новые публикации о Генрике Грунвальде	106

Х Р О Н И К А

В. И. К у д р я ш о в. Группа истории культуры зарубежных славянских стран в Институте славяноведения АН СССР	110
В. Д. К о р о л ь о к. Глеб Михайлович Лызлов. (Некролог)	111
Указатель материалов, опубликованных в «Кратких сообщениях», вып. 1—40	113

Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, вып. 42

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

Редактор издательства А. М. Орехов, контрольный редактор А. Е. Сидоренко
Технический редактор Ю. В. Рылина

Сдано в набор 12/II 1964 г. Подписано к печати 23/IV 1964 г. Формат 70×108^{1/4}.
Печ. л. 8 = 10,95 усл. л. Уч.-изд. л. 11,5 Тираж 1100 экз., Т-05539. Изд. № 2260
Тип. зак. № 177. Темплан 1964 г. № 146.

Цена 69 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

69 коп.